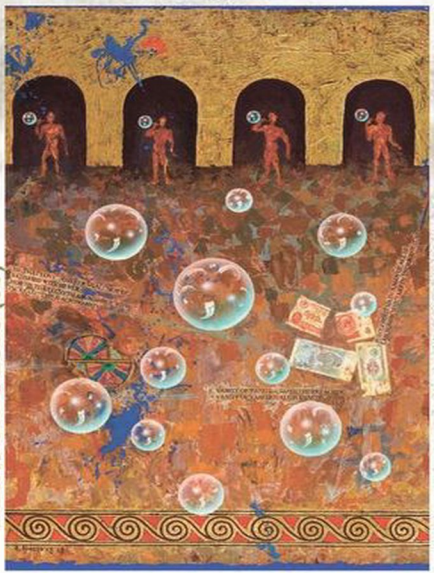
Млечный Путь, XXI век



ВЫПУСК 4 2025 (53)

Литературно-публицистический журнал

Иерусалим

Млечный Путь, 21 век, номер 4(53), 2025

Дэн Шорин, Дмитрий Стровский, Александр Ситницкий, Ольга Сажина, Уистен Хью Оден, Наталия Новаш, Мюррей Лейнстер, Вадим Касаткин, Елена Ермакова, Евгений Добрушин, Шимон Давиденко, Пауль Госсен, Ольга Бэйс, Наталья Бахтина, Леонид Ашкинази, Павел Амнуэль

Аннотация
Журнал Млечный Путь. "Млечный Путь, 21 век, номер 53 2025
ПОВЕСТЬ
Наталья БАХТИНА. НА УГЛУ ВСЕЛЕННОЙ
Благодарности
Пролог
Глава 1. Случайное знакомство в КПЗ, Или что такое сфера Дайсона
Глава 2. Парадокс Ферми
Глава 3. Альбигойцы
Глава 4. Космическое чудо

Глава 5. Письмо
Глава 6. Институтские будни
Глава 7. Кутузовский проспект и его окрестности
РАССКАЗЫ
Дэн Шорин. Цена вдохновения
Елена Ермакова. Он сам
Ольга САЖИНА. Откройте теорию относительности
Виктор Касаткин. ВСЕ БУДЕТ СОВСЕМ ПО-ДРУГОМУ. ПОНИМАЕШЬ?
Наталья НОВАШ. СКРИПКА И ЯЙЦО ФАБЕРЖЕ,. Или В ДОМЕ ТЕРЯЛИСЬ ВЕЩИ
Евгений ДОБРУШИН. Телевизор
Ольга БЭЙС. ДНЕВНИК УДАЧИ
МИНИАТЮРЫ
Леонид АШКИНАЗИ. Как мы встретились
Леонид АШКИНАЗИ. Циклы, или Замкнутость
Пауль ГОССЕН. Босоногая девушка в хищной траве
Пауль ГОССЕН. Восход, закат...
Елена ЕРМАКОВА. Моя бабушка ничего не знает
Елена ЕРМАКОВА. Старый трамвай
ПЕРЕВОДЫ
Мюррей ЛЕЙНСТЕР. ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА

ЭССЕ
Дмитрий СТРОВСКИЙ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ
НАУКА НА ПРОСТОРАХ ИНТЕРНЕТА
Шимон ДАВИДЕНКО. ОТ ИЛЛЮЗИЙ ДО ВСЕЛЕННОЙ
СТИХИ
Уистен Хью ОДЕН
Пилигрим
Город
Башня

Аннотация

Содержание:

Повесть
Наталья Бахтина
"На углу Вселенной (часть 1)"

Рассказы
Дэн Шорин "Цена вдохновения"
Елена Ермакова "Он сам"
Ольга Сажина "Откройте теорию относительности"
Вадим Касаткин "Все будет по-другому. Понимаешь?"
Наталия Новаш "Скрипка и яйцо Фаберже"
Евнений Добрушин "Телевизор"
Ольга Бэйс "Дневник удачи"

Миниатюры
Леонид Ашкинази "Как мы встретились"
Леонид Ашкинази "Циклы, или Замкнутость"
Пауль Госсен "Восход, закат..."
Елена Ермакова "Моя бабушка ничего не знает"

Елена Ермакова "Старый трамвай"

Переводы

Мюррей Лейнстер "Третья планета"

Эссе

Дмитрий Стровский "Литературные этюды"

Наука на просторах Интернета

Шимон Давиденко "Тайны времени"

Стихи

Уистен Оден Стихи

Журнал Млечный Путь

"Млечный Путь, 21 век, номер 53 2025

ПОВЕСТЬ

Наталья БАХТИНА

НА УГЛУ ВСЕЛЕННОЙ

Благодарности

Хочу выразить мою глубокую благодарность мужу Юрию, без советов и участия которого не появились бы на свет некоторые эпизоды и целые главы этой книги.

Благодарю также всех тех, кто был настолько добр, что не мешал предаваться любимому занятию - сочинительству, хотя и считал, возможно, что раздумья о судьбе нашей цивилизации - бесцельная и пустая трата времени.

Отдельно хочу поблагодарить коммунальные службы нашего посёлка, которые снабжают жителей всем необходимым: почти всегда течёт из крана вода, есть электричество и интернет. Не могу не сказать пару тёплых слов о "Газпроме", который бесперебойно поставляет голубое топливо в наши дома - не приходится каждый день бежать на двор и рубить дрова, чтобы растопить печь и обогреть дом.

Особая признательность Пенсионному фонду, который не забывает регулярно выплачивать

ежемесячный грант, вполне достаточный для того, чтобы заниматься любимым делом и не думать о том, как заработать на хлеб насущный.

Пролог

Москва - это большая деревня. Так утверждали гордые ленинградцы, да и остальные жители большой страны ещё пятьдесят лет тому назад. Чего в этом утверждении было больше - снобизма или зависти? Желания уколоть столичных жителей, которые пользовались всеми доступными благами цивилизации, в отличие от деревенских жителей? Как бы то ни было, если ты обернёшься назад, мой читатель, то увидишь, как по берегам Москвы-реки действительно ершатся деревянные штакетники деревень, давших впоследствии наименования районам и улицам столицы. Долгое время деревенские домики благополучно соседствовали с широкими проспектами, очень неохотно уступая дорогу высоким городским строениям. Вот и на западе Москвы маленькие домишки деревни Гладышево, окружённые иссечёнными дождями деревянными сараями, курятниками и свинарниками, не хотели сдаваться нашествию каменных исполинов. Но

и они постепенно проросли в величественное здание большого научно-исследовательского института, выросшее на высоком берегу реки. Здание это спрячется от шума столицы недалеко от МГУ, в парковой зоне, примыкающей к будущей улице Косыгина в том её месте, где она отойдёт от Университетской площади.

В этом здании будет протекать научная деятельность одного из героев нашего повествования, Романа Анатольевича Покровского. Не беда, что строительство этого здания в нашей с вами реальности, дорогой читатель, не продвинулось дальше фундамента, который до сих пор скрывается среди кустов и деревьев парковой зоны рядом с Университетской площадью. Представим, что события пошли по-другому, и на месте фундамента появились всё-таки стены современного научного института, сотрудники которого занимаются животрепещущими проблемами поиска внеземного разума и молекул этилового спирта в глубинах вселенной. Почему бы и нет? Виртуальная реальность становится не менее реальной, если дать волю воображению. Если на то пошло, то даже более реальной она становится, ведь ничто не ограничивает движение ума в мире фантазии. События, развивающиеся в ин-

ституте и описанные в этой книге, вполне могли бы произойти в действительности. Поэтому не будем строги и не станем придираться к документальной точности. Главное для нас - соблюсти дух эпохи, а потом увести мысль читателя по альтернативному пути, а там уже недалеко и до признания многовариантных возможностей и параллельных вероятностей.

Между тем в то время, которое мы описываем, величественные здания, призванные увековечить монументальный городской стиль в архитектурном разнообразии столицы, неумолимо сминали и сменяли стиль деревенский. Вот и выше по течению уже гордо раскинули свои крылья одиннадцати-двенадцатиэтажные дома, в которых слуги народа и их потомки наслаждались красивейшими видами, открывающимися на Москву-реку и деревню Камешки, пока ещё не желающую сдаваться новым веяниям и потому беспокойно оглашающую по утрам все окрестности петушиным криком и хрюканьем поросят. Эти крики отчётливо доносились с того берега на этот и напоминали городским жителям, что мясо и яйца встречаются не только на полках "Гастронома", сияющего витринами на углу Кутузовского проспекта и Киевской улицы, а дымки

над печными трубами свидетельствовали, что можно отлично обходиться и без центрального отопления.

В одном из этих домов живёт ещё один герой нашего романа, Глеб Семёнович Соколов, отец которого был большим партийным начальником и ездил на работу на Старую площадь на персональном "ЗИМе". Глеб - "гордость двадцать седьмой английской школы" - не захотел следовать по стопам отца, хотя ему прочили большое будущее и всячески продвигали вперёд, начиная с пятого класса, когда он был единогласно выбран школьным начальством председателем совета отряда. Но - всякое бывает в жизни - мальчик не пожелал идти по прямой столбовой дороге, местами переходящей в крутую иерархическую лестницу, доступную для подъёма лишь немногим избранным. Вместо этого он бросил свою спецшколу, ибо английский язык знал уже довольно, читал книжки Марка Твена и Герберта Уэллса в подлиннике и пел под гитару песни "Битлз" на родном языке знаменитой вокально-инструментальной четвёрки. В обычной школе, куда он перевёлся после восьмого класса, учитель английского языка на первом же уроке, услышав его произношение на фоне остальной, молча

сидящей и отводящей глаза аудитории, пришёл в нервное состояние и немедленно предоставил юному вундеркинду свободное посещение своих уроков. Чтобы не вводить в смущение молодого преподавателя, наш герой предоставленной ему льготой тут же и воспользовался.

Другие уроки также были ему в тягость. Большую часть времени он предпочитал проводить на набережной Москваши. Так местные подростки называли Москву-реку, рядом с которой им повезло проживать в элитных сталинских домах. Дома эти были выстроены на месте старинного Дорогомиловского кладбища, появившегося после "чумного бунта" в Москве в конце восемнадцатого века. Когда-то берёзы, поросшие мхом, и пни огромных деревьев придавали кладбищу вид заброшенного парка. По оврагам там и сям даже в середине двадцатого века, когда на месте бывшего парка давным-давно разрослась дивная, пахнущая прелью и печёной картошкой полынь, были разбросаны могильные плиты. Гранитные и мраморные остатки былого вызывали неподдельный интерес у ребятни. Некоторые плиты были покрыты письменами на иврите, другие - караимской письменностью и были одинаково непонятны как ребятне, так и взрослым.

Спокойный сон старинного кладбища впервые был нарушен в начале двадцатого века, когда в древнем Дорогомилове соорудили знаменитый Трёхгорный пивоваренный завод. В начале тридцатых годов процесс пробуждения пошёл ещё быстрее. Стараниями заокеанского миллиардера Хаммера рядом с пивоварней была воздвигнута карандашная фабрика, названная в честь американских коммунистов-революционеров фабрикой имени Сакко и Ванцетти. Растущее производство на обоих предприятиях вскоре потребовало подъездных путей. Пивной завод пожирал массу ячменя, а карандашная фабрика потребляла кучу кедровой древесины. И подъездные пути в виде железнодорожных рельсов улеглись прямо на могильные холмики. Оставшиеся в живых родственники усопших поспешно принялись вывозить своих родных и близких. Власти шли им навстречу - желающим предоставлялись телеги, а потом и грузовики. Но основной гранитно-мраморный погребальный массив так и остался лежать на живописных холмах и оврагах побережья Москвы-реки.

В конце тридцатых годов вторжение железнодорожников сменилось нашествием строителей. Двадцатый век не мог дольше мириться с по-

луразвалившимися хибарами по обочинам Можайского шоссе. "Железный конь идёт на смену деревенской лошадке", - шутили каменщики в ответ на недовольный ропот местных жителей. И дома полезли по обеим сторонам шоссе как грибы.

В конце пятидесятых дома вплотную подошли к окружной железной дороге. Но Фили по-прежнему оставались деревней до тех пор, пока в порыве свойственного ему энтузиазма знатный кукурузовод и перекройщик государственных границ не раздвинул границы первопрестольной до размеров солидного европейского княжества. Однако консервативные москвичи долго не желали принимать Кунцево в Москву и упорно продолжали называть его Подмосковьем.

Подъездные пути, ведущие к знаменитой на всю страну карандашной фабрике и к не менее знаменитой среди столичных жителей пивоварне, получившей имя советского наркома Бадаева, работали без устали. Ещё одна колея появилась на месте бывших могил, и для регулировки возрастающего трафика потребовалось возвести семафор. Высота его оказалась внушительной, не менее тридцати метров. Разместили этот столб у подножия кладбищенского холма,

который своей макушкой нависал над построенным семафором метров на двадцать с гаком. А именно этот холм и был самым заселённым и застроенным уголком еврейского участка Дорогомиловского кладбища. Буквально на каждом шагу здесь высились мраморные склепы, высовывались из-под земли фундаменты памятников, остатки чугунных оград отделяли земельные наделы мёртвых от территории пока ещё живых. Всё это великолепие было срыто под покровом темноты одним экскаватором за две-три ночи в начале шестидесятых годов...

В стране давно уже была побеждена темнота и неграмотность, но одним из главных искусств продолжал оставаться незабвенный синематограф. В доме номер тридцать по Кутузовскому проспекту появился кинотеатр "Киев". Именно в торце этого здания, на углу Киевской улицы и набережной Шевченко, и находился вход в интересный и захватывающий мир иллюзий, обещающий удивительные приключения и путешествия по стране фантазии, сулящий отдохновение от мирской суеты и просто дарующий на полтора часа забвение от тревог и волнений обыденной жизни.

Этот кинотеатр, открытый в 1951 году, стал

для Глеба Соколова поистине родным домом. Каждый из двух залов вмещал по сто человек. Сколько картин здесь было просмотрено, сколько волнующих моментов пережито! "Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещён", "Три толстяка", "Королевство кривых зеркал", "Приключения Толи Клюквина", "Морозко"... Да мало ли какие ещё! Когда стал постарше, не пропускал ни одного сеанса "Песен моря" и "Самозванца с гитарой", на которые ходил с друзьями и без. Что сказать - хорошее было времечко!

Потом здание кинотеатра закроют, а в антисоветское время передадут под мастерскую Фоменко. Но обо всём по порядку...

Глава 1. Случайное знакомство в КПЗ, Или что такое сфера Дайсона

"Нет, я больше так не могу. Надо что-то делать. В конце концов, имею я право на самостоятельную жизнь?"

Так думал молодой человек двадцати девяти лет от роду, входя в нижний зал КПЗ на Можайском Валу. Народу в зале было полно. Мало того, что к пивным автоматам стояла очередь минут на пятнадцать, так ещё и все места за столи-

ками были заняты стоящими вплотную друг к другу любителями "Ячменного колоса". Пахло разгорячёнными мужскими телами и крутым сигаретным дымом. Начало апреля, а на улице не по-весеннему свежо. Все в пальто и в шапках, толкутся возле столиков, встать будет негде. Вот где по-настоящему можно испытать чувство локтя!

Человек сто пятьдесят, прикинул Роман. Надежда на быстрое утоление жажды начала стремительно таять.

"А пойду-ка я наверх. Ничего, что придётся снять пальто, зато посижу по-человечески, отдохну".

Второй этаж Киевского Пивного Зала был заполнен лишь наполовину. То ли посетителей отпугивала необходимость сдавать в гардероб верхнюю одежду, то ли жалели полтинник на чаевые официанту. Оглядевшись вокруг и увидев у окна столик, за которым спиной к Роману сидел только один человек с пышной шевелюрой, Роман подошёл к нему и вежливо осведомился:

- Простите, не помешаю?

Обладатель шевелюры, не оборачиваясь, сделал приглашающий жест рукой, не в силах оторваться от пивной кружки. Впечатление было такое, что после недельного блуждания по пустыне его

вконец замучила жажда, а сейчас он добрался до оазиса и припал к источнику живой воды. Рядом с мучеником стояло пять кружек пива по триста семьдесят пять граммов каждая. На тарелке лежала аппетитная горка желтоватых креветок.

Роман уселся за столик и в ожидании официанта начал исподтишка разглядывать соседа. Тот оказался примерно одних лет с Романом, может, слегка моложе. Кроме великолепной шевелюры, парень обладал длинными изогнутыми ресницами, которые сделали бы честь любой красавице. "Наверное, девушки по нему сходят с ума", - подумал Рома.

Допив до дна, парень вытер губы рукой и сказал:

- Глеб.

- Что Глеб? - не понял Роман.

- Я Глеб. А тебя как зовут?

- Роман. Можно просто Рома.

- Бери, Рома, пей. Пока официанта дождёшься, от жажды помрёшь. А тебе выпить срочно надо.

- Спасибо. А откуда вы знаете?..

- Что выпить надо? По тебе видно. Взгляд затравленный, ноздри раздуты. Так ноздри раздуваются, когда обидел кто-то сильно, и человеку нужно срочно успокоиться. Так что не стесняйся, бери.

Когда принесут - отдашь. И давай на "ты", без этих излишних формальностей, - Глеб пододвинул к Роману одну из своих кружек.

Роман воспользовался приглашением Глеба и взял кружку. Сделав несколько глотков, почувствовал на себе испытующий взгляд соседа и смущённо поставил кружку на стол.

- Извини, что я на тебя так смотрю. Просто вид у тебя потерянный, жалкий какой-то. Ты закусывай, закусывай, - Глеб пододвинул к Роману тарелку с креветками.

Рома взял креветку, оторвал креветочную голову и высосал её ароматное содержимое.

- Ничего креветочки, вполне, - заметил Глеб, - но ты лучше закажи сосиски. По цене то же самое, сорок копеек, зато у нас будет разнообразие: то креветки, то сосиски с картошечкой от "Колосса"! Ну, так что с тобой приключилось? Рассказать не хочешь?

И Рома начал рассказывать. Почему он разговорился с первым встречным, он и сам до конца не понимал. Бывает так, что случайные попутчики откровенничают друг с другом в купе, а потом сойдут каждый на своей остановке и никогда не встретят друг друга в последующей жизни. Поэтому и откровенничают, что ничем не рискуют.

- Да-а-а, дела, - протянул Глеб, когда Роман закончил свой рассказ. - Слушай, а ты не хотел бы снять себе какое-нибудь жильё?

Тут появилась официантка во влажном от пива фартучке и выжидательно посмотрела на Романа. Он сунул руку в карман и нащупал последнюю трёшку, оставшуюся до зарплаты. "На рубль возьму пять пива, а на восемьдесят копеек порцию креветок и порцию сосисок. Останется рубль двадцать, как-нибудь дотяну".

Официантка равнодушно выслушала заказ и, покачивая бёдрами, неспешно удалилась в недра пропахшего пивом, креветками и сосисками заведения.

- Понимаешь, Глеб, - Роману очень не хотелось жаловаться на безденежье, но он понимал, что от этого никуда не деться, - я работаю в институте космических проблем, а на зарплату инженера в сто пять рублей особо не разгуляешься.

- Проблем много? - увидев недоумение на лице Романа, Глеб пояснил: - Я говорю, много ли проблем в космосе?

- Как тебе сказать... Иногда мне кажется, что мы сами эти проблемы выдумываем, а потом пытаемся себе внушить, что так и было.

- Как это? - заинтересовался Глеб.

- А вот взорвалась, допустим, где-то в Галактике сверхновая. Учёные изобретают по этому поводу сложные теории, пишут статьи, защищают диссертации. Ездят на научные конференции, читают лекции, доклады. А проблема выеденного яйца не стоит: просто некая цивилизация построила вокруг этой звезды сферу Дайсона, в ней скопилась колоссальная энергия, сфера не выдержала и рванула.

- Я тоже немножко интересуюсь астрономией, почитываю "Технику - молодёжи", но про такое пока не слыхал. Что такое сфера Дайсона?

- Это такая оболочка вокруг центральной звезды, чтобы улавливать её излучение и не давать ему рассеиваться в космическом пространстве.

- А что, такое возможно?

- Пока только гипотетически, - вздохнул Роман, отрывая панцирь от очередной креветки. Но если мы будем засорять окружающую среду нынешними темпами, то через пару сотен лет сможем соорудить подобную сферу из мусора. Правда, не вокруг Солнца, а вокруг Земли.

Вдали показалась официантка с подносом, на котором красовались пять кружек пива и две тарелки с закусками. Роман оживился, но тут же сник - девушка резко свернула налево и понесла

поднос в другую сторону.

- Что я тебе говорил? А если её будешь торопить, то услышишь в ответ неизменное: "Вас много, а я одна!"

Глеб так искусно спародировал извечную фразу всех особ из привилегированного класса обслуживающего персонала, что Рома невольно рассмеялся.

- Хочешь новый анекдот? - Глеб пододвинул к Роману ещё одну кружку с пивом и протянул креветку.

- Давай!

- Идёт Брежнев по коридору в Кремле, навстречу ему Громыко. "Леонид Ильич, Христос воскресе!" - "Да, мне уже докладывали", - отвечает генсек.

Посмеялись. Рома подумал, что бывают анекдоты смешные, несмешные и политические. Последние вряд ли будут понятны людям через тридцать-сорок лет.

Наконец перед столиком появилась официантка и бухнула перед Ромой заказанные пять кружек пива и закуски. Глеб вытащил сигареты "Ява" в мягкой упаковке.

- Куришь?

- Да. Какая у тебя?

- Явская.

Затянулись. Помолчали. Выпили.

- Глеб, почему ты пиво переливаешь из одной кружки в другую? - заинтересовался Роман.

- Понимаешь, привычка у меня такая. Кружки-то не стерильные, моют их кое-как, на скорую руку. Мало ли какая зараза прицепится! А так - я пью всё время из одной, риск заразиться в пять раз меньше! Сечёшь?

- Секу. - Роман подивился наивности собутыльника. - Но ведь пиво соприкасается со стенками кружек по всей их внутренней поверхности. Если кружка была грязной, то и пиво загрязнилось. Хорошо, ты перелил его в другую кружку. Но оно от этого ведь чище не станет!

- Больше всего гадости скапливается в микроскопических трещинках на краях кружки, - назидательно поведал Глеб. - Но и ты прав, конечно. Я же говорю, это просто привычка, из разряда самовнушения. - Глеб немного помолчал, а потом внимательно посмотрел на соседа: - Слушай, Роман, парень ты, видимо, не промах. Вот что я хочу тебе предложить: а давай к нам в магазин! Нам сейчас грузчики - во как нужны! - Красноречивый жест Глеба показал, что грузчики им действительно нужны позарез. - Приличный заработок тебе будет обеспечен. Снимешь хоть

комнату, хоть квартиру, если захочешь.

- Да я же работаю! В этот институт, между прочим, просто так с улицы не берут. Я пять с половиной лет учился, чтобы туда попасть. Пока инженер, потом младшим научным сотрудником буду.

- И что? Зарплату, небось, на десять рублей поднимут? Грузчик в нашем магазине гораздо больше тебя имеет. При желании, конечно. Я смотрю, ты мужик крепкий, мешок в полста килограммов запросто поднимешь. У нас как раз вакансия открылась, сменщик сказал, что не выйдет больше на работу. Запил, наверное. В общем, это его дело, а работа ждать не будет!

- А наукой я когда буду заниматься? В свободное время по ночам?

- Далась тебе эта наука! Чем вы там таким особенным занимаетесь? Бумажки, поди, перекладываете с места на место да в курилке по полдня проводите! А у нас в магазине конкретную пользу людям будешь приносить, обеспечивать их самым необходимым: батончиками "Рот Фронт" и печеньем "Юбилейным".

- Ты в кондитерском, что ли, работаешь?

- В нём. Работа чистая, аккуратная. С шоколадом рядом, с восточными сладостями. Но это мелочь,

конечно, хотя и приятная. А вот подзаработать у нас действительно можно. На все твои потребности хватит и ещё останется. Но деталей, скажем так, э-э-э, разглашать не имею права, пока ты к нам не устроишься.

- Ну, не зна-а-ю...

- А ты подумай. Много времени на раздумья нет, но до послезавтрашнего утра дай ответ. Лады? Вот мой телефон, позвони, если надумаешь. А сейчас мне бежать надо. Я только на сорок минут отпросился. Каждый день приходится работать, потому что сменщика нет. Пока!

И Глеб стремительно ретировался, подложив под тарелку пятёрку. Через две минуты подошла официантка, привычным жестом вытянула из-под тарелки купюру, засунула себе в карман передника и спросила:

- Ещё что-то заказывать будете?

- Нет, спасибо, - промямлил Роман.

Официантка ушла. Роман выпил предпоследнюю кружку пива, машинально зажевал переваренными сосисками, которые показались ему безвкусными, и задумался.

Предложение Глеба застало его врасплох. Судя по всему, грузчики там у них действительно неплохо зарабатывают: Глеб оставил пятёрку и

сдачи не попросил. На ум пришла избитая фраза: не в деньгах счастье, но какое же счастье без денег!

А что, если попробовать совместить? Перейти в институте на полставки, вон и Глеб говорит, что у них в магазине грузчики не каждый день должны на работу ходить.

Идея показалась Роману привлекательной. Но...

Трудовую забирать из института очень не хочется. Может, удастся завести новую? Надо будет посоветоваться с Глебом.

Глава 2. Парадокс Ферми

- Кто - они?

- Внеземные цивилизации. Почему они нас до сих пор не колонизировали? Все разумные - да что там разумные - все живые существа стремятся расширить сферу своего обитания. Не могут топтаться на одном месте. Борьба за новые ресурсы и всякое такое. Если их нет здесь, значит, их нет вообще.

Этот разговор происходил в курилке института, носящего скромное название "ИРА No2". Двое курильщиков уютно расположились на диванчике

в углу под фикусом. Этот фикус являл собой пример существа, демонстрирующего удивительную жизнестойкость в экстремальных условиях. Ни никотиновые дымы, окружающие его с утра до вечера мутными клубами, ни окурки, затушенные в горшке в непосредственной близости от растения, ни потоки недопитого чёрного чая, вылитые из чашек в горшок с жизнелюбивым растением, не могли поколебать его волю к жизни.

Институт Радиоастрономии No2, "Ирочка вторая", как его любовно называли знающие люди, находился на пике своей популярности. Тут надо сказать, что это был не только научно-исследовательский, но и учебный институт. От абитуриентов отбою нет последние два года, шутка ли - двадцать два человека на место! Это, конечно, не ГИТИС, не ВГИК и не "Щука", но тоже не кот наплакал. Молодые парни и девушки, воодушевлённые успешными запусками космических аппаратов и полётом первого человека в космос, обратили свои взоры к небу и с начала 60-х так и ходили с высоко поднятыми головами. Пройдут каких-то три месяца, и все подходы к институту будут забиты страждущими абитуриентами и их мамашами, толпящимися перед только что вывешенными на огромные стенды

результатами письменных экзаменов по математике и физике.

А пока звенел апрель. На улице зябко, указ о запрете курения в стенах института появится только лет через двадцать. Поэтому самостийная курилка у выхода на пожарную лестницу не пустовала. Какая-то сердобольная душа притащила из подвала старый продавленный диванчик, который ранее стоял в предбаннике у директора и был списан распоряжением замдиректора по хозчасти после покупки новой мебели. Фикус из подсобки пожертвовала тётя Маша, считавшая, что растение будет хоть немного очищать воздух вокруг "бедных курильщиков, которые травят себя почём зря".

- Кончайте курить, самоубийцы! - раздался со второго этажа зычный голос профессора Кардашевского. - Капля никотина убивает коня!

По легенде, профессор когда-то сам был заядлым курильщиком, а ныне - ярым сторонником здорового образа жизни.

- Мы не кони, нас так просто не убьёшь, Павел Григорьевич!

- А, это опять вы, Роман! Зайдите ко мне в кабинет, есть разговор по теме вашей дипломной работы.

- Сейчас зайду, Павел Григорьевич!

Роман поспешно затушил окурок, на этот раз, в порядке исключения, о край урны на длинной тонкой ножке, а не в горшке с фикусом.

Павла Григорьевича Кардашевского считали в институте человеком не от мира сего. Действительно, какому учёному в здравом уме и твёрдой памяти придёт в голову создавать классификацию воображаемых явлений? А Павел Григорьевич занимался именно этим. Он утверждал, что в бесконечной вселенной должно быть бесконечно много цивилизаций, в том числе и таких, которые сильно обогнали земную в своём развитии. Земля, со всеми её заводами и фабриками, самолётами и пароходами, вычислительными машинами и спутниками, занимала на шкале Кардашевского крайне низкую позицию. Попросту говоря, на нуле находилась Земля. До цивилизаций первого типа, которые используют всю энергию, падающую на планету от центрального светила, нам ещё шагать и шагать. Не говоря уже о цивилизациях второго типа, которые могут потреблять всю энергию своего солнца, или о цивилизациях третьего типа, чья энергетическая мощь сравнима с мощностью всей галактики.

В институте Павла Григорьевича любили. Ибо

был он человеком добрым, любознательным и, кроме того, настоящим учёным. Кроме шкалы цивилизаций, он занимался и реально наблюдаемыми астрономическими явлениями. То есть он сначала их предсказывал, а потом их открывали. Увы, за границей. Так он предсказал пульсары, как говорится, "на кончике пера". Интуиция у Павла Григорьевича была потрясающая. О ней в кулуарах ходили легенды. Например, рассказывали, как он сдавал в университете экзамен по теоретической механике. Курс третьекурсникам давался с трудом, читал его преподаватель, словно отбывая наказание. Те студенты, которые ходили на лекции, откровенно зевали или занимались своими делами. В конце семестра выяснилось, что экзаменационные билеты составлены не по учебнику, на который все надеялись, а по лекционному курсу, который никто не слушал. Конспектов ни у кого не было. Вернее, они были только у одной отличницы, Аллы Смирновой, которая принципиально ходила вообще на все лекции и семинары. Естественно, Алла никому конспекты не давала, потому что сама по ним готовилась. И только под утро перед экзаменом Павлу удалось завладеть конспектами на полчаса.

Что делать? Всё прочесть, а тем более запомнить, нет никакой возможности. И тогда Павел пошёл на хитрость. Написал на плотных листках бумаги числа от одного до двадцати пяти (именно столько было билетов) и разложил их чистой стороной кверху. Тщательно перемешал и наугад ткнул пальцем в первый попавшийся листок. Выпало число тринадцать. Не будучи суеверным, Павел выучил билет под этим номером и пошёл на экзамен. Надо ли говорить, что на экзамене ему попался именно этот номер!

Или вот ещё случай. Однажды Павел, уже работая младшим научным сотрудником в отделе радиоспектроскопии, поехал в гости к своему другу, Серёже Иконникову, только что получившему новую квартиру в спальном районе. Уже выйдя из метро, обнаружил, что записку с адресом Сергея забыл дома. И хотя мобильный телефон уже был изобретён к тому времени, ему ещё предстояло пройти немалый путь, чтобы стать достоянием простых смертных. Даже обычного телефона в квартире у Сергея пока не было. Павел, недолго думая, подошёл к гражданину в шляпе, шедшему навстречу, и спросил, где живёт Иконников Сергей. Тот назвал точный адрес. Этот гражданин в шляпе оказался человеком, знавшим Сергея ещё

по астрономическому кружку в Киеве и как раз недавно побывавшим у него в гостях. Естественно, он был единственным человеком во всём этом спальном районе, который мог в тот момент дать адрес Сергея.

Круглую комнату, в которой работал Павел Григорьевич, кабинетом можно было назвать с большой натяжкой. Кроме профессора, в ней сидели ещё четверо сотрудников. Столы располагались по периметру, и сотрудники сидели спинами к центру, чтобы не сверлить друг друга глазами и не мешать друг другу заниматься тяжёлой умственной деятельностью. В центре комнаты стоял круглый стол, за которым распивались крепкие чаи, а иногда, по праздникам, и другие напитки. В распоряжении Павла Григорьевича был стол-секретер в виде бюро с полукруглым верхом, который в отсутствие хозяина опускался и запирался на ключ.

- Входите, Покровский. Все ушли в буфет, мы с вами спокойно побеседуем, - такими словами встретил Романа сидящий за своим бюро Павел Григорьевич, полуобернувшись на стук в дверь.

Роман с любопытством оглянулся по сторонам. Он редко бывал в этой комнате и каждый раз обнаруживал в ней что-то интересное. Вот и

сейчас глаза наткнулись на новое изречение, написанное на листе ватмана синим фломастером и красующееся на стене между двумя окнами: "Смотрим в книгу и видим... выражение для лапласиана в сферических координатах". Сдержав невольный смешок, Роман вопросительно посмотрел на Павла Григорьевича.

- Присаживайтесь, - Роман сел на указанный стул, - и расскажите, чем вы сейчас занимаетесь. Мне ваш диплом понравился, вы там высказали оригинальные идеи о магнитном поле нейтронной звезды.

Роман замялся. О чём рассказывать? Последнее время он выполнял трудоёмкое и неинтересное поручение своего завотделом. Одному космическому ящику понадобилось выяснить, какие звёзды на небе переменные, а какие постоянные. Понятно, что звезда, которая меняет свой блеск непредсказуемым образом, для навигации не годится. Никто за это дело браться не хотел, боялись ответственности. Да и то правда - даже если звезда сто лет молчала, что мешало ей взорваться в любой момент в будущем? Но договор был подписан, деньги авансом на счёт института переведены, пришлось выкручиваться. Начальник назначил Романа ответственным за работу,

сказав: "Если ты этого не сделаешь, никто больше не сделает". И Роман выкручивался. Он перелопатил гору литературы и составил список звёзд, о которых к настоящему времени имелись хоть какие-то сведения о переменности, полученные наземными телескопами или спутниками: либо в видимом спектре, либо в инфракрасной или даже в ультрафиолетовой области.

- Что такое парадокс Ферми, знаете? - по-своему истолковав молчание Романа, спросил Кардашевский.

- В общих чертах, - осторожно ответил Роман. - Если в двух словах, то это полное молчание Вселенной, хотя цивилизаций должно быть много, в том числе и таких, которые сильно опередили нас по уровню развития.

- В общем, да, - задумчиво протянул профессор и забарабанил пальцами по столу. - Может, дело в том, что они просто не хотят с нами общаться?

- Как - не хотят? - опешил Роман.

- А зачем мы им нужны? Что мы им такого хорошего можем предложить?

- Ну, если не мы им, то они нам... - неуверенно начал Роман.

- Почему вы думаете, что они должны быть альтруистами? Что они спят и видят, чтобы ко-

го-то облагодетельствовать? К тому же, если хоть немного изучить человеческую природу, легко понять, что люди - это такие существа, которые любой дар обращают в конце концов против дарителя. Не все, конечно, но рисковать никому не хочется.

Профессор помолчал. Роман терпеливо ждал.

- Отсутствие сигналов принято называть парадоксом Ферми, хотя ещё Блез Паскаль говорил: "Меня ужасает вечное безмолвие этих бесконечных пространств!"

Потом, без всякого перехода, профессор Кардашевский предложил:

- Роман, не хотите ли войти в группу по поиску сигналов, которую я собираюсь организовать? Вы - практик, и с фантазией у вас всё в порядке, судя по диплому. Я читал вашу дипломную работу. Нейтронная звезда - огромный магнит, а значит, состоит из железа! Бред, конечно, но бред оригинальный. Вы, наверное, зачитываетесь произведениями Ивана Ефремова?

- С тех пор, как я прочёл "Туманность Андромеды", фантастика стала моим любимым литературным жанром, - с некоторым вызовом произнёс Роман.

- Ну-ну, не ершитесь. Я ничего плохого не имел

в виду. Наоборот, я считаю, что человек без фантазии не может быть настоящим учёным. И потом, я предлагаю всем членам моей группы свободное посещение, а не как сейчас - от звонка до звонка. Это ведь тоже немаловажно, не так ли? Соглашайтесь! Можете подумать, я не требую от вас немедленного ответа.

Роман сказал:

- Насколько я знаю, сам Энрико Ферми не утверждал, что других цивилизаций нет. Он всего лишь спросил: где все?

- Вы совершенно правы. Ему приписывают фразу: "Если где-либо есть внеземные цивилизации, то их корабли должны были быть давно на Земле". Но это легенда, как с Ньютоновым яблоком или с Архимедовой ванной. И потом, не много ли мы на себя берём, когда говорим, что внеземные цивилизации обязательно должны были колонизировать Землю? Кодекс спартанского воспитания предполагал, что слабых и уродливых младенцев бросали с высокой скалы в море. Мы же этого сейчас не делаем! Почему тогда мы с уверенностью заявляем, что внеземной разум должен повсюду распространиться и все прочие обитаемые планеты захватить? Я, например, не всегда могу предсказать, что назавтра придёт в

голову моей жене, не то что внеземной цивилизации! Может, у них существуют этические нормы невмешательства? Может такое быть? - спросил профессор и, не дожидаясь ответа Романа, сам ответил: - Может. Как спартанцы не поняли бы нашу толерантность, так и внеземной разум для нас - тайна за семью печатями. Так что, Роман, подумайте и сообщите мне о своём решении. Прислушайтесь к внутреннему голосу, а также к внешнему. Знаете, есть такое выражение, оно мне очень нравится: шёпот утренних звёзд. Вот и послушайте, что вам нашепчут звёзды. Недельки для раздумья вам хватит?

- Вполне, - немного озадаченный поступившим предложением, ответил Роман.

Глава 3. Альбигойцы

- Значит, сделаем с вами так, - Клавдия Васильевна внимательно оглядела паренька чуть выше среднего роста, с карими глазами и непокорными светлыми вихрами. "Глаза умные, взгляд открытый, приятная улыбка. Вроде выносливый". - Вас рекомендовал Глеб Соколов, и поэтому я пойду вам навстречу. Вообще-то без трудовой мы не берём... Но для вас я, пожалуй,

сделаю исключение. Работа у вас будет сменная, через день. Рабочий день с девяти утра до восьми вечера. Без пяти восемь вечерком заходите ко мне, и я - или мой заместитель, если меня не будет - выдаёт вам на руки восемь рублей. Работа на разгрузке и в зале. Коллектив у нас хороший, девчата все бойкие, но им помощь тоже нужна. Согласны на такие условия?

Роман стоял в комнате заведующей кондитерским магазином, куда его привёл Глеб. Магазин удобно расположился на углу первого этажа длинной девятиэтажки почти в начале одного из главных московских проспектов. Оставшуюся часть первого этажа занимали ещё два магазина. Одним из них была знаменитая валютная "Берёзка", куда пускали только иностранцев, потому что у советских граждан валюты не было. По крайней мере, не должно было быть, а если и была, то граждане её не афишировали. За "Берёзкой" начинался "Русский сувенир", перед которым выстраивались длинные очереди желающих приобрести гжель. Особенно интересовали любителей русского прикладного искусства фарфоровые скульптуры и фигурки, шкатулки и вазы, подсвечники и пепельницы, расписанные всевозможными оттенками синих

цветов. В магазинах в этой части столицы недостатка не было. Через дорогу, в здании напротив, в стеклянных витринах красовались игрушечные машины всевозможных размеров, марок и цветов, конструкторы, плюшевые мишки, зайцы и прочие мелкие и крупные животные, а также куклы и весь необходимый в кукольном хозяйстве реквизит, начиная от шкафчиков и посуды и заканчивая одеждой и крошечными колясками.

Но все эти подробности Роману предстояло узнать позже, а пока он откровенно робел под цепким взглядом заведующей. "Хорошо, что без трудовой книжки берут, как Глеб и говорил. Не люблю я махинации с документами, плохо это кончается".

- Клавдия Васильевна, меня всё устраивает. Единственная просьба: я бы хотел среду освободить, моё присутствие в этот день обязательно в институте.

- А что, в другие дни не обязательно на работу ходить? - Клавдия Васильевна с интересом посмотрела на собеседника. - Хорошо вам, учёным, живётся! Хотите - ходите на работу, не хотите - не ходите. Да и то сказать - какая от вас простому народу польза? Один вред! Вон, атомную бомбу придумали, теперь, того и гляди, всё взорвёте к та-

кой-то мамочке! Что молчите? Ответить нечего?

- Клавдия Васильевна, ну, не один же вред от учёных. Двигатель внутреннего сгорания, на котором все машины ездят, кто изобрёл? Учёные. Телефон, который у вас на столе стоит, тоже придумали учёные. Трёхпрограммная радиоточка у вас в кабинете - опять же учёные. А то, что открытия часто идут не на пользу, а во вред людям - так это политики виноваты.

- Ну, про политику не будем мы с тобой, - уже примирительно и тоном пониже ответствовала заведующая, как-то вдруг сразу перейдя с Романом на "ты". - Всё это мы понимаем, не маленькие. А насчёт среды - договаривайся со сменщиком. Если с ним договоришься, среда твоя. Когда можешь к работе приступить?

- Хоть сегодня.

- Сегодня и приступай. Как раз сейчас торты привезут из Черёмушкинского хлебокомбината. Поможешь Глебу разгрузить. Заодно и войдёшь в курс дела, посмотришь, что к чему. Да переодеться не забудь, выбери себе халат. Разгружать можно и в синем, а когда будешь работать в зале, обязательно надень белый.

- Спасибо, Клавдия Васильевна.

- Пока не за что. Посмотрим ещё, какой из тебя

работник.

Роман вышел из кабинета заведующей со смешанным чувством. С одной стороны, он был рад, что его приняли без трудовой; с другой стороны, он не вполне себе представлял, как ему всё-таки удастся совместить работу научного сотрудника в институте и грузчика в магазине. "Землю попашет, попишет стихи" - хорошо было Маяковскому писать свои стихи лесенкой, а тяжёлый физический труд с умственной работой сочетать кто-то всерьёз пытался? Пожалуй, Лев Николаевич попробовал, да и то не выдержал - сбежал из дому.

"Ну ладно, вот я и поставлю эксперимент. На себе", - подумал Роман и толкнул дверь, на которой было написано: "Рабочая одежда". Окон в небольшом помещении не было, и Роман не сразу нашёл выключатель, который почему-то оказался не возле двери, как это обычно бывает, а в углу. При свете, падающем из коридора, его и не видно было вовсе. Хорошо, что у Романа с собой был маленький фонарик, подарок университетского друга ко дню рождения. Фонарик маленький, всего восемь сантиметров длиной. Роман всегда носил его с собой во внутреннем кармане пиджака. И вот теперь он пригодился.

Разыскав на вешалке синий халат подходящего

размера, Рома надел его поверх свитера и вышел во двор.

Когда Роман появился на заднем дворе, туда как раз, урча, заезжал задним ходом хлебный грузовичок. Кузов фургончика был разделён на три секции, каждая из них имела свою собственную дверь.

- Вовремя пришёл, молодец! - Глеб одобрительно похлопал Романа по плечу. - Сейчас мы с тобой быстро управимся. Ты, главное, делай как я!

Грузовик к этому времени уже подъехал к задней стене магазина и остановился в аккурат перед распахнутой дверью подсобки. Из кабины вылез усатый шофёр с накладными и, бросив на ходу "привет", открыл одну из трёх дверей кузова, после чего скрылся в недрах магазина. Ребята принялись за разгрузку.

Глеб хватал сразу по пять коробок, но Роману наказал, чтобы тот вначале больше четырёх не брал: "С непривычки уронить можешь, потренируйся пока помалу". Минут за двадцать все сто коробок с тортами были доставлены в холодильные шкафы. Туда же были помещены несколько подносов с пирожными, на которых красовались трубочки с розовым кремом и покрытые ванилью эклеры, корзинки лучились

всевозможными радужными цветами, картошки подмигивали белыми глазками, ромовые бабы, задорно подбоченившись, почти выпрыгивали с подносов от нетерпения. С особым удовольствием Рома нёс поднос со столичными кексами, сквозь боковые грани которых просвечивали карие очи изюминок.

- Ты переодевайся, а я надену белый халат и понесу в зал. Потом ко мне тоже присоединишься. Халаты белые вон там висят, - Глеб указал на ширму в конце коридора.

Работа показалась Роману не трудной, но довольно занудной. Тридцать ходок туда и обратно по полутёмному коридору, боязнь оступиться и потерять равновесие - Роман чувствовал себя слегка усталым. И это только первый рабочий день, и то не полный! "Ничего, привыкну - будет легче", - Рома достал расчёску и пригладил свои разлетающиеся вихры. Он увлекался ансамблем "Битлз" и потому отрастил себе волосы до плеч.

Помогая заносить торты и пирожные в торговый зал, Роман немного приободрился. Улыбки девчат за прилавками придали ему уверенности и вернули хорошее настроение. А выйдя из кабинета заведующей с хрустящей трёшкой, вручённой ему за успешную стажировку, - как

сказала Клавдия Васильевна, - Роман и вовсе решил, что день сегодня задался. Выйдя на улицу, он невольно поёжился - по вечерам ещё было довольно свеж?.

Распахнутая книжка СЭВа еле угадывалась на фоне почти потемневшего неба.

- С почином тебя! - Глеб протирал лобовое стекло "Москвича", припаркованного возле газетного киоска. - Садись, подвезу! Тебе куда надо?

- В библиотеку. Тут недалеко, я пешком дойду.

- Ну, ты даёшь! Кто ж в библиотеку по ночам ходит?

- Она до девяти работает, я успею.

- Тем более садись, подброшу. Так скорее выйдет.

Роман не стал сопротивляться и уселся на переднее сиденье рядом с Глебом.

- Не расскажешь, что за срочность такая - в восемь вечера отправляться в библиотеку?

- Понимаешь, я книгу заказывал редкую, про альбигойцев. Сегодня позвонили, сказали, что книга пришла из заказника, могу забрать. Выдают только на две недели, поэтому не хочу терять время.

- Кто такие альбигойцы и почему ты ими интересуешься? - Глеб внимательно посмотрел на

Романа, переключая передачу.

- Никогда не слышал? Их ещё катарами называют, или "совершенными". В переводе с греческого означает "чистые". В XIII веке на юге Франции, в замке на горе Монсегюр, двести альбигойцев почти целый год выдерживали осаду крестоносцев, а тех было десять тысяч! И это при том, что оружия у осаждённых не было, они им принципиально не пользовались, считая, что зло нельзя победить злом. А накануне сдачи замка четверо посвящённых спустились на верёвке с отвесной скалы высотой более километра и унесли с собой некое "сокровище". Их следы затерялись, и никто не знает, какую драгоценность они унесли с собой и где спрятали.

- Так ты хочешь клад найти, что ли?

- Очевидно, что это было не золото и не серебро. Ради денег совершенные не стали бы так рисковать. Это была реликвия иного рода.

- Какого?

- Никто доподлинно не знает. Фантазия обычно не идёт дальше того, что это могла быть Чаша Грааля или Ковчег Завета. Для ковчега, правда, тяжеловато - если он весил около трёхсот килограммов, то вряд ли его могли спустить с километровой высоты и унести с собой четверо

беглецов.

- А ты что думаешь?

- Я думаю, что это мог быть ключ между мирами.

- В каком смысле?

- Ну, ты, наверное, слышал, что учёные сейчас на полном серьёзе говорят о том, что в мире не три измерения - длина, ширина и высота, и даже не четыре, если прибавить время по теории Эйнштейна, а целых одиннадцать.

- Слышал, но это всё выдумки математиков. Страшно далеки они от народа... Если бы они целый день потаскали с моё, то не витали бы в облаках, а к вечеру мечтали бы только об одном: принять горизонтальное положение в двух измерениях перед телевизором! Простому человеку все эти теории по барабану, поелику никакой практической пользы для него не представляют.

- А вот здесь ты не прав! Если бы удалось найти вход в иные измерения, вся жизнь круто изменилась бы. Возможно, мы могли бы перемещаться из одной точки пространства в другую практически мгновенно, и деньги на билеты тратить не пришлось бы...

- Эк тебя куда занесло... А эти твои альбигойцы причём тут? И почему их ещё катарами назы-

вают?

- Это, в сущности, одно и то же. Альбигойцы - это по названию города в южной Франции, Альби. Там их было особенно много. Они католической церкви не подчинялись, и римский папа специально для них придумал инквизицию. Кроме того, папские священники пронюхали про необычную вещь, которую альбигойцы хранили пуще зеницы ока, и, во что бы то ни стало, решили заполучить её. И осаду Монсегюра предприняли для этого. Но когда наконец ворвались в замок, то почти никого там не застали... Вот я и думаю, что альбигойцы ушли потайным ходом через другое измерение и реликвию с собой унесли.

- Ты же говорил, что четверо спустились по верёвке?

- Понимаешь, это по легенде так. Не могли же нападающие признаться, что они упустили осаждённых, которые ускользнули от них неизвестно каким образом? Ну, они и схватили первых попавшихся местных жителей, проживавших рядом, и отправили их на костёр. Святая инквизиция, она такая святая...

Некоторое время ехали молча. Глеб что-то обдумывал, но больше ни о чём пока не спрашивал.

- Завтра полнолуние, - нарушил молчание Рома.

- Обычные астрономы в полную луну не наблюдают, а я поеду в Пущино, в радиоастрономическую обсерваторию. Для радиотелескопа фазы Луны не имеют значения. Да, спасибо тебе, Глеб, что ты в среду согласился меня подменять. Для меня это важно, правда.

- Свои люди, сочтёмся. - Глеб припарковался у входа в библиотеку. - Приехали, профессор.

Роман поблагодарил и выбрался из машины. Глеб задумчиво смотрел ему вслед и, когда Роман уже взялся за ручку входной двери, выглянул из машины и крикнул:

- Удачи, профессор!

"Издевается, наверное, - решил Роман. - Слишком наукообразный стиль никому не нравится. Надо будет учесть на будущее. Мне с ним ещё работать и работать".

Глава 4. Космическое чудо

Большая сканирующая антенна Пущинской радиоастрономической станции всегда подавляла Романа своими размерами и поражала воображение. Сказать, что это была большая антенна, значило не сказать ничего. Ну, или почти ничего. Длиннее километра по периметру, ориентиро-

ванная с востока на запад, антенна состояла более чем из шестнадцати тысяч диполей, принимающих радиоизлучение в метровом диапазоне. По чувствительности в мире ей не было равных. Но не этот радиотелескоп был выбран Павлом Григорьевичем Кардашевским в качестве основного инструмента для уникального эксперимента, а более скромный радиотелескоп с тарелкой диаметром двадцать два метра, способный принимать волны в миллиметровом диапазоне.

Роман Покровский сразу после наблюдений направился в институт - была среда, а на этот день Кардашевский назначил общий сбор новой исследовательской группы.

- Итак, друзья мои, для начала я хочу, чтобы вы познакомились друг с другом, - Павел Григорьевич оглядел всех четырёх членов своего коллектива, собравшихся в малом конференц-зале.

В этом зале читались лекции для студентов и устраивались объединённые семинары по астрофизике, на которые съезжались профессионалы и любители со всей Москвы. И хоть зал назывался малым, все желающие спокойно в нём помещались. Были, конечно, исключительные случаи - например, когда приезжали именитые учёные

из-за границы. Тогда, не то что яблоку, монетке негде было упасть, и люди стояли в проходах. Ещё этот зал славился тем, что в нём была установлена знаменитая крутящаяся доска. Несомненное удобство, поскольку лектор не пачкал мелом руки и не тратил время на стирание написанного, а просто вращал приделанную сбоку рукоятку, выкручивая наружу чистую часть доски. Лекторы, которым приходилось писать много формул, оказывались в невыгодном положении - когда чистая часть кончалась и снизу выныривал исписанный каракулями кусок доски, им поневоле приходилось брать в руки тряпку. Она всегда почему-то была сухая, и с неё сыпался мел на пиджак и на брюки теоретиков. По этому признаку - рукава и колени в меле - их легко было отличить от экспериментаторов.

Роман с любопытством посмотрел на сидящего рядом с ним в первом ряду юношу, увлечённо листавшего свой блокнот с записями. Высокий чистый лоб, круглое лицо, раздувающиеся крылья носа, чуть припухлые губы, оттопыренные уши - ни дать ни взять новоявленный Михайло Васильевич! "Насчёт оттопыренных ушей у Ломоносова - это я, конечно, погорячился. На всех портретах он в парике, под которым ушей не

видно".

- Начнём с вас, Миша. - Профессор кивком головы указал на соседа Романа. - Расскажите немного о себе.

Михаил взял блокнот и направился к доске.

- Я сторонник того, чтобы обо мне говорили мои идеи. А в остальном - всё как у всех: родился, учился, связей порочащих не имел, за границу не выезжал. Поэтому приступим сразу к делу.

И Михаил написал на доске формулу Дрейка. О существовании этой формулы Роман, конечно, знал, но впервые столкнулся с довольно вольным толкованием вероятности возникновения разумной жизни на планете, вращающейся вокруг иного солнца.

- Почему мы ограничиваемся только похожими на нас формами жизни? - вопрошал Михаил. - Почему мы должны считать, что белковая форма - единственная во Вселенной? Если расширить понятие жизни, тогда и вероятность контакта возрастает во много раз. Например, если вместо углерода живые организмы построены на основе кремния, а вместо воды используют аммиак, то зона Златовласки сильно расширяется.

- Что такое зона Златовласки и почему она так называется? - спросил молодой человек, сидящий

сзади по левую руку от Романа.

- Обитаемая зона вокруг звезды, где в принципе может существовать жизнь. Златовласка - сказочная девочка, которая вторглась в лесу в дом к трём медведям. Усталая и голодная, она искала, что поесть и где отдохнуть. Взрослые медведи были большие, их посуда девочке не подошла. Она смогла поднять только самую маленькую ложечку, которая принадлежала Мишутке, и съела его кашу. А потом заснула в его кроватке. То есть Златовласка нашла для себя подходящие условия, чтобы выжить. А откуда мы знаем, какие условия являются подходящими для жизни, которая построена по другим, чем наши, принципам?

- Ты ещё спроси, что такое жизнь, - откликнулся сзади молодой человек, который до сих пор сидел молча.

Роман оглянулся. Где-то он видел этого усатого паренька. "Кажется, он работает в лаборатории новейшей измерительной аппаратуры", - мелькнула мысль.

- И спрошу, - упрямо мотнул головой докладчик. - Наша задача, по большому счёту, напоминает известную фразу из русских народных сказок: "Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что". Пока мы не определимся с критериями ис-

комого, нет смысла сужать критерии поиска.

- Вас понял, - Павел Григорьевич что-то записал в свой блокнотик. - А теперь попрошу вас, Виктор, рассказать нам, что вы думаете о перспективах наших поисков. Вы же наблюдатель-фотометрист. Нам интересно послушать ваше мнение.

Усатый Виктор вышел из-за стола и, поднявшись на помост, начал крутить доску. Формула Дрейка исчезла за верхним обрезом, но снизу появилась писанина, оставшаяся от другого лектора. Виктор вполголоса чертыхнулся и потянулся было за тряпкой, но потом передумал:

- А я не буду ничего писать, - заявил он, обернувшись к собравшимся. - Хотел нарисовать схему фотоэлектронного умножителя, но вполне можно обойтись и без этого. Если кто-то хочет вспомнить, как он работает, "Практическая астрофизика" ему в помощь. Я лучше объясню на пальцах.

Конечно, Роман помнил в общих чертах принцип действия ФЭУ. Но ему было интересно послушать Виктора. Оказывается, он собрал свой собственный прибор - не одноканальный, как стандартные модели, а четырёхканальный. В нём можно было измерять количество фотонов, приходящих от звезды, сразу в четырёх спек-

тральных полосах.

Следующим выступал Роман. Он вышел к доске и сразу брякнул, что у него есть идея, которую можно проверить с помощью наблюдений. Идея вполне фантастическая, чтобы быть правдой. А что, если пульсары - это цивилизации второго типа, которые построили вокруг своей звезды сферу Дайсона? Они улавливают всю энергию своего центрального светила для практических нужд, а отработанные излишки выводят через специальное отверстие в сфере.

- Так-так, - заинтересовался профессор. - Действительно, всю энергию, по закону сохранения, оставлять внутри сферы нельзя - обязательно взорвётся! В этом что-то есть, знаете ли.

- Бред! - Молчавший до сих пор молодой человек, сидевший по правую руку от Виктора, вскочил со своего места. - Ведь известно уже, что пульсары - это нейтронные звёзды, а там такое поле тяжести, что всё расплющит...

- Ну, почему же сразу бред, Николай, - миролюбиво заметил профессор. - Во-первых, вокруг нейтронных звёзд могут быть планеты, а во-вторых, расплющить может далеко не всё, а только то, что выступает над поверхностью. А если, к примеру, живые комочки слизи перетекают по

поверхности и не строят высотных зданий, то они и так уже расплющенные...

- Тогда здесь опять встаёт вопрос о том, что считать жизнью, - не сдавался Николай. - Я предлагаю сосредоточиться на близких к нам формах жизни, иначе мы завязнем в предположениях и беспочвенных фантазиях.

- Вы у нас биолог, вам и карты в руки. - Профессор снова пометил что-то в своём блокнотике. - Попробуйте сформулировать основные критерии, что такое жизнь.

- С философской или с научной точки зрения?

- А что, вам философия не наука, что ли?

- Философия - это чистейшая фантазия. Хоть в переводе это слово и означает "любовь к мудрости", на самом деле это любовь к мудрствованию. Причём занимаются философией те, кто мудрствует лукаво.

- Эк вы их! В хвост и в гриву. У вас что по диамату? - неожиданно поинтересовался Кардашевский.

- Тройка.

- Не сошлись во взглядах, значит. Ну, ничего. У нас здесь не кружок любителей пофилософствовать, а экспертное научное сообщество, где любая свежая мысль ценится и приветствуется. Так что

дерзайте, молодой человек!

- Могу назвать шесть признаков с ходу. - Николай начал загибать пальцы: - упорядоченность, метаболизм - то есть получение энергии из окружающей среды, рост, адаптация, реакция на раздражители и репликация, то есть способность к воспроизведению и размножению.

Немного помолчав, профессор добавил:

- Нам нужно выделить главные критерии жизни, и не просто жизни, а именно разумной жизни. Это сужает список критериев. Потому что искать во Вселенной проще всего именно разумную жизнь.

- Почему? - спросили одновременно Виктор и Роман.

- Ну как - почему? Мы же ищем тех, кто может выйти в космос с целенаправленными посланиями. Сообщество амёб или грибов мы не сможем разглядеть на расстоянии нескольких световых лет, тем более - проверить их реакцию на раздражители. Как они там растут или адаптируются, мы тоже вряд ли увидим. Остаётся одно - увидеть следы разумной деятельности, если носители разума вышли за пределы своей планеты, а ещё лучше, если за пределы звёздной системы. А это неизбежно связано с большим количе-

ством потребляемой энергии. Причём, заметьте, потребляться она будет в одном диапазоне, а перерабатываться в другой. Поэтому замечание Романа не лишено смысла.

- И как же вы собираетесь проверить наблюдениями вашу гипотезу? - заинтересованно спросил Виктор. - Ведь пульсар пульсирует вполне себе естественным образом, на нём не написано, что это жители соседней планеты пытаются избавиться от излишков излучения. Хотя постойте-ка... - и Виктор принялся лихорадочно что-то писать на клочке бумаги, который подобрал на соседнем столе; похоже, нерадивый студент переписывал уравнения с доски, да так и не забрал записи после лекции.

- Я вижу, работа уже закипела, - профессор улыбнулся. - На этом первое наше собрание прошу считать законченным. В следующий раз встречаемся через неделю в это же время в этом же месте. За неделю прошу подготовить реальные планы работ в каждом из ваших направлений. До свиданья, друзья. Если что - звоните, не стесняйтесь. Вот мой домашний номер, - и профессор размашисто написал на доске свой номер телефона.

Аккуратно переписав в блокнот цифры с доски, Роман пошёл к выходу из конференц-зала. В хол-

ле его ждал Виктор, который доставал сигарету из мягкой пачки "Явы".

- Покурим? - предложил он Роману.

- Явская? - поинтересовался Роман.

- Обижаешь! Дукатовскую не признаём.

Ребята поднялись по лестнице на площадку между вторым и третьим этажами, где обычно собирались сотрудники для перекура. Сейчас там никого не было, только на подоконнике красовалась огромная стеклянная банка с окурками, а рядом стоял продавленный стул. Третий этаж был техническим, дверь открывалась на чердак, где, кроме склада, вдоль стен и потолка тянулись разнокалиберные трубы и прочие коммуникации.

- Как считаешь, Рома, кто для нашего дела важнее - теоретик или экспериментатор?

- Ну, бывает по-разному... Иногда теоретик выскажет идею, а потом десятки лет её пытаются экспериментально доказать. Вот, например, Эйнштейн предсказал чёрные дыры - не сам, но из его уравнений вытекало, что они должны быть. До сих пор их ищут, но найти не могут. А бывает и так, что астрономы наблюдают необычный объект, а объяснений этого явления до сих пор не найдено. Например, сверхновые звёзды. Моделей много, а выбрать среди них одну правильную

трудно.

- Всё ты верно говоришь. Но всё-таки, - Виктор упрямо тряхнул головой, отчего чёлка его отлетела в сторону, а в очках отразился солнечный луч, удивлённо проникший сквозь оконное стекло, давным-давно не видавшее мокрой тряпки, - всё-таки мы, экспериментаторы, важнее. Помнишь "Физики шутят"? Приходит экспериментатор к теоретику и говорит: "Я тут кривую получил, объясни, что это значит". Тот берёт и объясняет. А экспериментатор переворачивает график и говорит: "Извини, я вверх ногами тебе график показал; должно быть вот так". Теоретик ему: "Так это ещё проще объяснить!"

- Анекдот с бородой. Нет, Виктор, ты мне скажи: насколько мы-то сами, экспериментаторы, можем ручаться за точность своих наблюдений? Теоретики хватаются за наши данные, как за истину в последней инстанции, а на самом деле... Плюс-минус лапоть в измерениях и наблюдениях. И знаешь, что самое интересное? Мне часто кажется, что вселенная, космос, весь внешний мир под нас подстраиваются.

- Как это?

- Мы, вольно или невольно, формируем картину, которую хотим получить. Не всегда, конечно

- трудно не заметить взрыв сверхновой, если он происходит у тебя на глазах, как это было в 1054 году. Китайцы двадцать три дня наблюдали эту звезду в дневное время, хотя за день до этого вовсе не думали о ней. Но возьмём случай, когда теоретик что-то предсказывает. Что здесь первично: интуиция учёного, его гениальное предвидение - как в случае с таблицей Менделеева - или идея, посланная в космос, которую тот послушно воплощает?

- Ну, ты прямо субъективный идеалист какой-то! Послушать тебя, так Земля и солнечная система появились потому, что кому-то это пришло в голову! Тогда ещё никаких голов в помине не было, чтобы фантазию проявлять!

- Откуда ты знаешь? Космос широк, некоторые даже говорят, что безграничен. Вполне возможно, что и головы другие были, и фантазия у них работала - дай бог каждому.

- Вот и до бога договорились. Поздравляю!

- Как хочешь, так и называй. А я считаю, что если есть цивилизации третьего типа по классификации нашего профессора, то для нас это всё равно что боги. На что они способны, одному богу известно, прости за дурацкую тавтологию. Мы щёлкаем выключателем - и в кухне зажигается

свет. А им, к примеру, и щёлкать не надо ничем. Подумал - и по соседству зажигается звезда. Для нас это настоящее космическое чудо, как для братьев наших меньших щелчок выключателя на кухне. Кто-то сказал, что человек для собаки - как бог. А для нас бог - представитель иной, более могущественной цивилизации. - Роман затушил сигарету и посмотрел на Виктора.

Его визави к тому времени успел досмолить вторую. Сидя на стуле напротив и положив ногу на ногу, он покачивал носком ботинка и внимательно наблюдал в окно за веткой куста сирени, раскачивавшейся от дуновения лёгкого весеннего ветерка.

- Вот это и есть настоящее чудо.

- Что? - не понял Роман.

- Когда листья на деревьях появляются. Сегодня их ещё нет, а завтра утром этот куст сирени покроется клейкими зелёными листочками. Ну, ладно. Разбежались?

- Разбежались.

Глава 5. Письмо

Наутро, подходя к магазину, Роман увидел Глеба, который заталкивал коробку с карамелью

"Мечта" на заднее сиденье своего старенького "Москвича-401". Багажником Глеб воспользоваться не мог за неимением такового - вместо багажника сзади было прикреплено запасное колесо.

- Ты как здесь? Сегодня же не твой день!

- Да есть тут неподалёку кое-какие дела, - уклончиво ответил Глеб. - Оставили мне коробочку конфеток дефицитных.

- Ничего себе коробочка! Ты что, сам всё собираешься съесть?

Глеб немного помялся, а потом, видимо, приняв решение, сообщил:

- Да нет, это не мне. Девчата знакомые из мехового ателье просили снабдить, очень они эти конфеты любят. А в свободной продаже их почти не бывает. Ну, я, конечно, себя тоже не обижу, червонец с этой коробочки надеюсь заработать.

Закрыв багажник, он уже открыл дверцу авто, но потом, спохватившись, полез в карман своей куртки и вытащил помятый конверт.

- Ромка, тут тебе письмо принесли... Извини, помялось немножко. Какой-то парень подкатил на старой иномарке, назвался курьером и спросил тебя. Я говорю - скоро будет. А он ждать не стал, передай, говорит, я спешу. С тем и укатил. Даже

имени у него спросить не успел я.

Роман взял письмо и повертел его в руках. Конверт был из плотной коричневой бумаги, нестандартный, без марки. Это был даже не конверт, скорее - пакет. Кроме фамилии и имени - Покровский Роман - на пакете ничего не было. Ни адреса, ни штемпеля. Роман не стал его открывать на ходу, решил, что ознакомится с содержимым в обеденный перерыв.

Четыре часа прошли быстро. Сначала прибыла машина с кондитерской фабрики "Рот Фронт", потом надо было разгружать сахарный песок и подтаскивать его девчатам, стоящим за прилавком. Про письмо Роман вспомнил только в конце обеденного перерыва. "Ну и ладно, - подумал Роман, - вечером прочту. Так даже лучше, никто отрывать не будет".

Закончив работу в половине седьмого, уставший Роман ехал домой на тридцать девятом троллейбусе. Стемнело. Горели неоновыми огнями вывески магазинов и магазинчиков по обе стороны Арбата. "Сойти, что ли, здесь - выпить кружечку пивка, - подумал Роман, подъезжая к Арбатскому переулку, ведущему прямо к пивному бару "Жигули". - Нет, не сегодня". Роман нащупал в кармане увесистый пакет с послани-

ем от "курьера". Какой такой курьер? Кому это он понадобился, чтобы целого курьера к нему подсылать?

Роман вышел из троллейбуса и направился домой по улице Мясковского. Дошёл до Сивцева Вражка и свернул на него. Проходя мимо одноэтажного деревянного дома с мезонином, подумал: "А ведь раньше здесь все дома были такие. Резные ставни, сени, комнаты, вкусно пахнущие деревом. Камин, горящий в углу гостиной, полки с книгами. По вечерам - самовар и пироги с капустой и сливовым вареньем к чаю. Что ещё человеку надо? Нет, ему подавай культурную жизнь, вернисажи, выставки и прочую дребедень. Конечно, если ты пишешь книги или картины, тебе хочется иметь свою аудиторию, которая будет восторгаться твоими творениями. И вот тут возникает главный вопрос: для кого ты стараешься? Для других или для себя?"

Комнатка на первом этаже многоквартирного дома, которую Роман снял в Чистом переулке - Глеб посоветовал, - выходила внутренним окном во дворик, в который, по преданию, приходила Маргарита, чтобы постучать носком своей туфельки в окошко некоего полуподвального помещения. Говорят, одна почитательница и по

совместительству скульпторша хотела установить на знаменитом доме мемориальную доску, но потом чего-то испугалась. То ли того, что ей придётся в суде доказывать другим почитателям, что именно в этом доме жил Мастер, то ли того, что к ней придут ночью из организации, имя которой лишний раз не стоит произносить вслух, и спросят: что вы, гражданочка, собственно говоря, хотите сказать вашей доской?

На вешалке в прихожей висела солдатская шинель. "Опять Денис сбежал из части". Денис отбывал военную службу во внутренних войсках Московской области и то и дело срывался в самоволку, потому что скучал по жене. На следующий день являлся в часть и отправлялся на десять дней на гауптвахту. Валентина, его жена, выглянула из кухни и спросила:

- Роман, чай будешь? Могу и котлетами накормить. Я же знаю - у тебя в холодильнике ничего, кроме пельменей, нет.

Холодильник на кухне был общий на всю коммунальную квартиру. Роман вежливо отказался под предлогом того, что у него срочное дело. Пусть побудут вдвоём, он успеет поужинать. Зашёл к себе в комнату, включил торшер, достал конверт, аккуратно отрезал верхний край, достал

из конверта несколько листков бумаги и принялся за чтение.

***

"В ночь на четверг мне приснилось, что за мной гоняется одеяло. Шерстяное одеяло, белоснежного цвета, очевидно - зимнее и очень тёплое. Я отпрыгиваю в один угол комнаты - оно за мной. Я мчусь в другой угол - оно не отстаёт. Я залезаю под стол - туда-то оно не пролезет! Ничуть не бывало. Обволокло меня со всех сторон, повалило на пол и так укутало, что стало трудно дышать. Еле-еле процарапал себе дырку для носа и тут проснулся.

Да-а, дела. Я понимаю, если за вами гонятся во сне люди, это означает - уходить от нерешённых проблем. Любой психолог скажет. Но одеяло? Какое отношение оно имеет к моему подсознанию? Хочет взять надо мной верх? Какое своё качество я подавляю в себе настолько, что оно вынуждено заявлять о себе таким экстравагантным способом?

Полез в интернет, выяснил, что погоня во сне означает нарушение баланса между сознанием и подсознанием. Избегающее поведение называется. Не сильно-то мне это помогло и ничего не прояснило.

Днём, когда я варил себе "файв-о-клок-кофе", вспомнил, у кого я видел подобное одеяло. У соседки по даче, Екатерины Ивановны. Сын у неё астроном, ездит в Чили на наблюдения в Европейскую южную обсерваторию. Сидит по три месяца в пустыне Атакама, наблюдает на Очень Большом телескопе. Ищет планеты у других солнц. Последний раз, перед вылетом из Сантьяго, успел забежать на рынок и купил там в подарок матери одеяло из шерсти альпаки. Это животное из рода лам, похожее мордой на верблюда, разводят только в высокогорных Андах. Альпаки похожи на овец, только у них более длинные ноги и шея. Ещё у них мягкое и длинное руно. Очень тёплое. Эволюция позаботилась - ведь высоко в горах всегда холодно, выше четырёх километров над уровнем моря вечные снега.

Набрал номер телефона соседки по даче. Трубку сняли после первого гудка, как будто ждали звонка.

- Екатерина Ивановна? Здравствуйте!

- Здравствуй, Рома! Что-то ты давно не приезжал... Работы много?

- Да... Вот скоро уйду в отпуск, на целых два месяца приеду. Буду в лес за грибами ходить и участок в порядок приводить. Там, поди, сорня-

ками всё заросло?

- Есть такое дело. Траву на лужайке постричь не мешало бы. Ты что звонишь-то? Случилось что?

- Да нет, - замялся я. И тут меня как чёрт за язык дернул: - Екатерина Ивановна, у вас такое одеяло было, из белой шерсти, сын из командировки привёз...

На том конце повисло неловкое молчание. Я подождал полминуты, дунул в трубку:

- Екатерина Ивановна, вы здесь?

- Здесь я, здесь, - соседка заговорила низким расстроенным голосом. - Нету больше одеяла. Пропало.

- Как - пропало?

- А вот так. Среди бела дня, вернее, среди тёмной ночи. С вечера положила рядом с собой в кровать. Ночи пока ещё холодные, а печку топить не хотелось. Укроюсь, думаю, если замёрзну ночью. Просыпаюсь под утро - а одеяла нет. Как корова языком слизнула. - Соседка немного помолчала, а потом с подозрением спросила: - А ты почему интересуешься?

Я промямлил что-то невразумительное, что, мол, давно мечтаю о таком одеяле и хотел узнать, насколько оно тёплое. По-моему, она мне не поверила.

Весь день я то и дело возвращался мыслями к злополучному одеялу. Что-то меня в этой истории тревожило. Ерунда какая, скажете вы, и будете правы. Ну, приснился дурацкий сон. Ну, этой же ночью пропало у соседки по даче одеяло. Простое совпадение, и только.

Не только. Я вспомнил, как примерно два года назад мне вот так же приснился под утро сон. Будто я ищу редкую книгу, захожу в букинистические магазины, роюсь в развалах, шарю в библиотечных круговоротах. "О вращении небесных сфер". Так называлась эта книга. И вдруг нахожу её выброшенной на помойке, среди других изданий в ветхих переплетах. А это, между прочим, главный труд Николая Коперника! В этом месте сон прервался, потому что зазвонил будильник.

В то утро по пути на работу я решил наконец-то выбросить старый прохудившийся таз, в котором стирал белье, пока не обзавелся стиральной машиной "Малютка". Пришлось сделать крюк по пути к автобусной остановке, потому что таз, конечно же, в мусоропровод не пролез, и нужно было оттащить его к контейнеру в глубине двора.

Еще издалека я приметил возле контейнера

сваленные горкой книжки, и сердце отчего-то тревожно ёкнуло. Конечно, я не собирался копаться в этих книгах на глазах у всех потенциальных наблюдателей из соседних домов. Но, подойдя к мусорному баку, как бы случайно ткнул носком ботинка три книжки, лежащие друг на друге. Не может быть! Из-под двух томиков ПСС Александра Солженицына выглядывал край потрёпанной обложки с начальными буквами заглавия: "О вращ...".

Я положил таз в контейнер и медленно оглянулся вокруг. Никто, вроде бы, не смотрел на меня в этот ранний час. Ну, а если бы даже и смотрел? Нагнулся человек, подобрал книжку у мусорного бака. Мало ли какие чудики встречаются. Я вспомнил, как путешествовал на круизном теплоходе из Москвы на остров Валаам. Когда шли по реке Свирь, остановились в посёлке Свирьстрой и вышли погулять на берег. В этом же порту бросил якорь другой туристический теплоход, на котором путешествовали преимущественно иностранцы. Так вот, одна француженка ходила по берегу, рылась в мусорных ящиках и выуживала оттуда пустые пачки из-под сигарет. Для коллекции, наверное. И совершенно не стеснялась нас, жителей варварской страны, с любопытством

глазеющих на неё и её эксцентричное занятие.

И вот теперь, через два года, мне опять приснился вещий сон. То, что он был вещим, сомневаться не приходилось: в нём каждая деталь была настолько чётко прорисована, что не отличишь от реальности. Обычно такие сны предупреждают о чём-то. Поэтому я не мог просто проигнорировать нелепый сон про одеяло. Хотел бы, да не мог. Потому что в нём тоже явно содержалось предупреждение. О чём? Сколько я ни думал, ни на чём остановиться не мог.

У вас бывает так: вы думаете о чём-то час, другой, третий, или даже день, два или три, а потом вдруг что-то щёлкает - вот оно? И сразу становится понятно, что решение найдено. Так вот, у меня не "щёлкало". Интуиция не срабатывала. Моего опыта, в том числе подсознательного, не хватало, чтобы проанализировать ситуацию. Оставалось ждать и наблюдать.

Работал я в этот день через пень-колоду, был рассеян, на вопросы отвечал невпопад. Несколько раз ловил на себе удивлённые взгляды коллег. Не пошёл на еженедельный семинар, сослался на занятость. После работы сразу отправился домой, хотя мы ещё неделю назад договорились с Глебом, что заеду к нему вечерком. Ничего, скажу ему,

что заболела голова. Тем более что это почти так и есть - голова у меня какая-то дурная весь день. После ужина весь вечер провалялся на диване с книжкой, даже телевизор не включал.

Ничего особенного в этот день так и не произошло, хотя я весь день был начеку. Уф, пронесло! Так подумал я, почистив зубы и собираясь отходить ко сну. Переоделся в пижаму и взял книжку, чтобы немного почитать перед сном. Подошёл к тахте, включил торшер и... обомлел. На тахте лежало одеяло из моего сна!

Я потрогал его за уголок. Одеяло как одеяло. Вполне материальное и очень тёплое. Я уселся в кресло в сторонке. Что делать? Звонить соседке, говорить, чтобы приезжала за своим одеялом? Во всяком случае, не сейчас - на дворе ночь. И что я ей скажу, как объясню?.. Екатерина Ивановна, ваше одеяло загуляло и случайно забрело ко мне? Впору будет сдавать меня в психушку. Нет, это отпадает. Не хочу в психушку, клеймо на всю жизнь, потом не отмоешься.

Что ещё? Связать и вынести одеяло на помойку? Не факт, что оно даст себя связать.

"Не дам", - пронеслось у меня в мозгу, и я вздрогнул, как от удара током. Оно ещё и разговаривает!

"Ну, разговариваю, и что в этом такого? Вы, земляне, общаетесь друг с другом с помощью слов, а мы, россияне, с помощью информена - простого обмена информацией".

То, что в космосе могут быть другие населённые миры, кроме Земли, я подозревал давно. Но чтобы в этих мирах обитали одеяла!

"Успокойся, у себя дома мы выглядим по-иному. У вас и образа такого визуального нет. Просто мне приглянулось это "одеяло", как ты его называешь. Оно такое мягкое, нежное и пушистое... Условия у нас на планете суровые, зимой и летом холодно. Наша звезда Росс - как вы её назовёте, когда откроете - маленькая и холодная. Одним словом - красный карлик. Хоть тут погреться захотелось".

Шпионов со звезды Росс нам только не хватало, подумал я.

"Никакой я не шпион, - обиделось одеяло. - Я прибыл в рамках межпланетных культурных связей. Мы давно присматривались к вам, прикидывали, стоит или нет иметь с вами дело. Эксперименты проводили... В общем, все они кончались неудачно. Ваша цивилизация ранняя, незрелая, только-только выбралась из колыбели. Сейчас у нас некоторые настаивают, что надо дать о себе знать, пора нарушить заговор молча-

ния. Великое молчание вселенной - так это у вас называется? Вы ни с кем не можете установить связь не потому, что никого в космосе больше нет, а потому, что никто с вами не хочет связываться".

- Почему не хочет?! Что, мы уроды какие-то? - пришла моя очередь обижаться.

"Причём тут уроды? Во вселенной нет понятия уродства. Все хороши на свой манер. Просто вы ещё совсем младенцы с космической точки зрения. Посуди сам: кто же будет с грудничком разговаривать? Его кашкой надо накормить, погремушкой для него позвенеть да памперс поменять".

- А теперь, значит, ситуация поменялась?

Одеяло поёжилось и - как мне показалось - неуверенно ответило:

"Не то чтобы поменялась... Совет Безопасности галактического Содружества тремя голосами против двух принял решение изменить тактику и послать спецпредставителя - то есть меня - для разведывательной операции на месте. То есть на Земле. Последний эксперимент по окультуриванию закончился неудачно, было это лет восемьсот назад во Франции. Сейчас задача у меня простая: взять - как это по-вашему? - "язы-

ка" из местных, чтобы познакомить с нашим миром. И чтобы мы познакомились с ним. Это должен быть заурядный человек, не глупый, но и не гениальный, звёзд с неба не хватающий, не агрессивный и без излишних амбиций. Если он согласится, то просить его быть представителем галактического Содружества на планете Земля".

Повисла неловкая пауза. До меня постепенно доходил смысл сказанного.

- Ты хочешь сказать, что?..

"Да, мой выбор пал на тебя. Тем более что сфера интересов у тебя подходящая - поиск внеземных цивилизаций. Твоё сознание расширено и готово".

Мне стало не по себе. Весьма неожиданное предложение. Легко сказать, моё сознание готово. Да, я интересовался поиском внеземной жизни. Я всегда считал, что мы не можем быть одиноки во вселенной. Хотел ли я встретить жителей иных планет? Теоретически - да. Практически...

- Не считаю себя достойным этой высокой миссии, - твёрдо заявил я.

"Глупости, - отмахнулось одеяло. - От тебя не потребуется ничего экстраординарного. Только готовность к сотрудничеству. На работе скажи, что берёшь отпуск. Ты же не был ещё в отпуске

в этом году?"

- А если откажусь?

"Ну и зря, - одеяло, похоже, рассердилось. - Тебе выпадает такая возможность, а ты... В общем, так. Время подумать у тебя есть, до завтрашнего вечера. Ровно в двадцать три часа по местному времени портал закроется. Но имей в виду - второго приглашения не будет. В следующий раз нам придётся искать другого сотрудника. Если согласишься - просто возьми в руки эту вещь", - одеяло исторгло из себя белоснежный помпон, лёгким пуховым облачком опустившийся на прикроватную тумбочку рядом с будильником. Помпон затуманился и превратился в сиреневую сферу размером с чайное блюдце.

Что было дальше? - спросите вы. Я проснулся в семь утра по звонку будильника. Никакой пуховки или сферы на тумбочке, само собой, не было и в помине. Одеяло тоже пропало, как и не бывало. "Приснилось, - с облегчением подумал я. - Нервы расшалились. Действительно, пора брать отпуск".

На работе написал заявление об отпуске и весело рассказывал коллегам, как буду ловить рыбу и собирать грибы в подмосковном посёлке. Но странное дело - облегчение, которое я испытал

в самом начале дня, сменялось разочарованием по мере того, как этот день клонился к вечеру. Как будто стою перед дверью, за которой меня ждут удивительные приключения, а я боюсь открыть её. Почему? Что мне грозит? Разве мне не опостылела толкучка в метро в час пик, когда чувство локтя постепенно сменяется чувством злости из-за того, что один попутчик упирается этим самым локтем в грудную клетку, да так, что становится больно дышать, а другой громко дышит в затылок и при этом ещё шмыгает носом? Можно, конечно, работать на удалёнке, но не в моём случае.

Постепенно недовольство собой сменилось глухим раздражением. О чём я, собственно говоря, думаю? Ведь пуховки всё равно нет, очередная моя фантазия. Надо поменьше читать на ночь научной фантастики. Поеду в отпуск, отдохну, а потом примусь за новое интересное дело. Мне предложили место на Симеизской обсерватории, буду там старшим инженером на радиотелескопе. Хоть диаметр телескопа не очень большой, всего двадцать два метра, но для наших целей вполне подходящий.

С такими мыслями, почти примирившись с собой, я поехал после работы к Глебу, предва-

рительно созвонившись с ним по телефону. Просидел у него четыре часа, потом резко встал и засобирался домой.

- Ты куда? - удивился Глеб. - Мы же партию в нарды не доиграли!

- Понимаешь, мне надо домой. Совсем забыл - должны позвонить вечером.

- Ну-ну. Раз надо, значит, надо.

Друг ничего больше не сказал, но, пока я зашнуровывал в прихожей ботинки, боковым зрением ловил на себе его пристальный взгляд.

- Пока, старик.

- До скорого. Звони, если что, - Глеб открыл дверь и выпустил меня на лестничную площадку.

Домой я прибыл без пяти минут одиннадцать. Ещё с порога увидел, как на прикроватной тумбочке мерцает сиренево-алым цветом круглый шар, то расширяясь до размеров крупного заварочного чайника, то сжимаясь в почти невидимую точку. Я, как был, в обуви и в верхней одежде, протопал в комнату.

"Что ты решил?" - Одеяло висело в воздухе рядом с тумбочкой. Его края заколыхались. Один угол протянулся к моей руке, и я непроизвольно пожал его. Как будто обменялись рукопожатием.

Времени на раздумья уже не оставалось. Сейчас

или никогда. Я подошёл к тумбочке и взял в руки мерцающую сферу".

***

Роман закончил чтение, отложил в сторону листы с напечатанным текстом и задумался. Действующие лица в рассказе - Роман и его друг Глеб. Странно. Как будто про них с Глебом написано. Автору известно даже, что Роман занимается поиском внеземного разума. Только никакой дачи у него нет, да и на Симеизскую обсерваторию никто пока не приглашал. Пока? А что, если это письмо из будущего? Или из параллельной реальности, в которой всё похоже, да не совсем?

Для чего ему подсунули это письмо? Главное - кто? И что это за "интернет" такой? Сплошные вопросы и ни одного ответа. Уже засыпая, Роман подумал, что надо поинтересоваться у Глеба, играет ли он в нарды.

Глава 6. Институтские будни

Вокруг института творилось что-то непонятное. Ворота настежь, внутри грузовая машина с герметичным кузовом без опознавательных

знаков, лай собак. Леночка Фролова - Роман её часто встречал в буфете, она работала в отделе межзвёздного излучения - пыталась отнять у мордоворота в рваной фуфайке тощего пса, которого мордоворот уже почти засунул в кузов своей душегубки. "Опять собак отлавливают. Но и то сказать, расплодилось их вокруг многовато в последнее время".

Наверное, если бы профессор Преображенский пересадил человеческие органы облезлому коту, тот с таким же сладострастием отлавливал бы бездомных собак, как этот дядька. Облезлый кот с трёхдневной щетиной держал собаку одной рукой, а другой отмахивался от наседавшей на него Леночки. Роман подошёл поближе.

- Что вы себе позволяете?

- У меня план! - рявкнул облезлый кот. - Не мешайте работать!

- И это вы называете работой? - У Леночки от возмущения голос сорвался на фальцет. - Отлавливать бедных бездомных животных, а потом их умерщвлять? Куда вы их везёте? Я знаю - вы прямо в кузове будете газ пускать!

- Не твоё дело, дамочка! Куда надо, туда и везём. Сказано - отловить всех собак на прилегающей территории и доставить по адресу... Ах, твою ж

каналью!

Извивающийся в правой руке мордоворота пёс изогнулся и исхитрился цапнуть обидчика за руку повыше локтя. Тот взвыл и от неожиданности выпустил животное. Пёс кинулся в сторону и, отбежав на безопасное расстояние от врага, обернулся и зашёлся в заливистом лае. Ему дружно вторили другие собаки, в количестве не менее пяти, которые реагировали на всю сцену поимки своего товарища гавканьем, тявканьем, воем и скулежом, находясь при этом на почтительном расстоянии от машины и поблизости от спасительных кустов.

- Пошло оно всё к...!

Неразборчивая ругань облечённого властью преследователя собак потонула в общем хоре четвероногих представителей этого славного класса млекопитающих. Братьев наших меньших. Братьев - кому? Этот облезлый кот им братом точно никогда не будет, подумал Роман. Ни братом, ни другом. Только теперь Роман заметил разбросанные рядом с машиной куски отдельной колбасы по два двадцать. Очевидно, чтобы приманить собак и поймать их. Но что-то пошло не так.

- На кой мне всё это надо? - с такими словами неудачливый зверолов забрался в машину и,

громко хлопнув дверью, завёл машину, нервно развернулся перед лестницей, чуть не наехав на нижнюю ступеньку, и, рыча мотором, выехал за ворота.

Никого, кроме Леночки, эта история, видимо, за живое не задела. Все сотрудники оставались в своих кабинетах, только две или три физиономии торчали в окнах коридора на втором этаже. В холле первого этажа за большим овальным деревянным столом сидела Волобуева Ирина и собирала заявки на продуктовые заказы.

- Роман, заказ брать будешь? Сегодня икру красную дают и колбасу сырокопчёную. - Ирина сделала вид, что не заметила Лену, вошедшую в институт следом за Романом.

- Да нет, не буду.

- А что так? Деньги кончились? Займи у меня, в зарплату отдашь.

- Просто не люблю красную икру. Вот если бы жёлтую... - отшутился Роман. - А из колбасы предпочитаю докторскую, она полезнее.

Группе профессора Кардашевского выделили комнату на втором этаже, на месте бывшего музея астрономии. Посчитали, что музей можно перенести в подвальное помещение, всё равно туда никто не ходит, кроме школьников во время

экскурсий, а экскурсии бывают от силы один раз в месяц. Каждый из четверых сотрудников профессора имел в собственном распоряжении стол. Конторку профессора тоже сюда перенесли из круглой комнаты на первом этаже. Для этого пришлось вызвать пару дюжих молодцов, которые, обвязав конторку специальными тросами, подняли её с первого на второй этаж с помощью лебёдки за две минуты.

Комната была открыта, за своим столом сидел Михаил и читал старый выпуск журнала "Нэйчур" на английском языке.

- Привет, Михаил! Что читаешь?

- Да вот, решил обратиться к истокам. Статья "Поиски межзвёздных сообщений", 1959 год. После этой статьи радиоастрономы и стали искать сигналы на длине волны двадцать один сантиметр. Логично, конечно. Излучение нейтрального водорода, а водорода больше всего во вселенной. Ну, да ты всё это знаешь, а мне ещё предстоит познакомиться.

- Миша, а кто ты по специальности? Я на прошлой встрече толком не понял...

- А, извини! Я - кибернетик. Вот моя настольная книга, - Михаил показал Роману зачитанный томик. - Норберт Винер, "Кибернетика, или управ-

ление и связь в животном и машине". Павел Григорьевич пригласил меня в свою группу как специалиста по теории информации. Буду писать диссертацию по теме "Возможные способы передачи информации между живыми и неживыми организмами".

- Даже так? И как же информация может передаваться между неживыми организмами? И что это вообще такое - неживой организм?

- Твой сарказм почувствовал. Имеешь право. А ты знаешь, что до сих пор никто не знает, что такое вирусы? Что это? Живые или неживые организмы? А ведь они передают информацию! Да-да! Они содержат генетическую информацию в виде молекул ДНК или РНК и способны её передавать.

- Так ты биолог, что ли?

- Да нет, я же тебе говорю - ки-бер-не-тик. Помнишь, как в "Кавказской пленнице": "И он совершенно точно сосчитал, сколько зёрен в мешке, сколько капель в море и сколько звёзд на небе. Так выпьем же за кибернетику!"

- Вот ты скажи, Михаил, когда у нас появятся такие компьютеры, чтобы у каждого на столе стояли? Я слышал, на западе уже есть.

- Да, у них с семьдесят седьмого года выпускают. Мы отстали немного. Но ты знаешь - совсем

немного. В Зеленограде в НИИ "Научный центр" уже вовсю разрабатывают отечественные. У меня там однокурсник работает. Года через три-четыре и у нас будут, - уверенно заявил Михаил, упрямо мотнув подбородком. - Вот посмотришь!

- Вместе посмотрим, - поправил его Роман и направился к своему столу.

На столе белел сложенный пополам листок бумаги.

- Там тебе из канцелярии принесли. Сказали, как появишься - срочно зайти к замдиректору. Извини, сразу забыл сказать.

Роман развернул записку. На бланке канцелярии была написана его фамилия и указано время, когда Роману надлежало явиться к замдиректора по научной части Герасимову Игорю Николаевичу. Через десять минут. Роман пришёл вовремя. Заведующая канцелярией, чтобы не тратить своё время попусту на телефонные звонки, рассылала такие записки с курьером тем сотрудникам, кому была назначена аудиенция у начальства. Не увидел - сам виноват. Значит, на рабочем месте отсутствовал. Либо в курилке пропадал, либо в буфете прохлаждался. Конечно, никаких дисциплинарных мер к такому сотруднику не применялось, но когда факты накапливались,

о систематическом отсутствии сотрудника на рабочем месте становилось известно в первом отделе. Попасть же на учёт в первый отдел автоматически означало стать невыездным.

- Здравствуйте, Игорь Николаевич, - Роман осторожно прикрыл за собой дверь, войдя в кабинет замдиректора.

- Входите, Покровский. Садитесь, - Герасимов указал Роману, куда именно ему надлежало сесть, а сам продолжал удерживать у правого уха чёрную телефонную трубку. - Это я не вам. Продолжайте.

Роман присел возле стола, поставленного перпендикулярно к тому, во главе которого сидел замдиректора. Вместе оба стола образовывали букву "Т". Вокруг ножки литеры обычно сидели сотрудники во время пятиминуток, заседаний, совещаний, летучек и планёрок, до которых весьма охоч был теперешний замдиректора. Злые языки поговаривали, что профессор Игорь Герасимов утвердился в своей должности после того, как женился на дочери предыдущего директора института. Но - злые языки есть злые языки! На чужой роток, как говорится, не накинешь платок.

Игорь Николаевич наконец положил трубку и

всем корпусом развернулся к Роману.

- Хочу с вами посоветоваться, уважаемый Роман - как вас по батюшке?

- Анатольевич, - подсказал Роман.

- Да. Так вот, Роман Анатольевич, к нам в два часа приезжает журналист из газеты "Горизонты науки". Хочет взять интервью у учёных по поводу проблемы SETI[{1}].Вы же состоите в группе Кардашевского? Кому, как не вам, давать это интервью.

- А сам профессор Кардашевский?

- В данный момент в Москве отсутствует. Уехал вчера в командировку в Париж. Другие члены вашей группы могли бы, но... Двое из них вообще не из нашего института, работают у нас на полставки, а четвёртый, Виктор Макеев, отказался. Мне, говорит, некогда интервью давать, я работаю. Так что, - Герасимов картинно развёл руками, - сами видите, Роман Анатольевич, больше некому. Не подведите, побеседуйте с корреспондентом. Реноме нашего института зависит и от того, что о нас будут писать в средствах массовой информации.

- Что я им скажу? Группа только-только образовалась...

{1} Комментарии: 1

SETI - Search for Extraterrestrial Intelligence (поиск внеземных цивилизаций).

- Ну, уж это ваше дело. Расскажите о планах, о перспективах, о значении для народного хозяйства, наконец! Год назад, я помню, был парад планет - все газеты и журналы об этом писали. Расскажите об этом.

- Какое отношение имеет парад планет к поиску внеземной жизни?

- Ну как же, как же! Многие только тогда и вспомнили о том, что есть другие планеты. Астрономию в школе прогуливали. А раз есть другие планеты, значит, и другая жизнь может быть. В общем, сами сообразите, как и что сказать. Но если не хотите давать интервью - мы можем попросить Емельяна Афанасьевича...

- Я согласен, - быстро сказал Роман. - Не надо Емельяна Афанасьевича.

Емельяна Афанасьевича в институте знали все. Очень общительный был человек. "Мели, Емеля, твоя неделя" - поговорка была придумана как будто специально про него. Он выступал на всех без исключения профсоюзных, открытых партийных собраниях и международных конференциях, проходящих в стенах института. Доверить дело Емеле - значило зарубить дело на корню. Роман понял, что ему не отвертеться.

- Хорошо, Игорь Николаевич. Я могу идти?

- Идите, конечно. Готовьтесь, Роман Анатольевич. Да, вот они прислали примерный список вопросов, ознакомьтесь пока.

Список был обширный. Начинался он, ни много ни мало, с каналов на Марсе. Та-ак, придётся освежить свои знания. В каком году, говорите, Скиапарелли открыл каналы на Марсе? Ах, вон оно что! Это был вовсе не Скиапарелли, он только нарисовал карту Марса, и произошло это спустя пятнадцать лет после того, как иезуит и по совместительству астроном Анджело Секки увидел на Марсе сеть из тонких линий. Тысяча восемьсот семьдесят седьмой год, великое противостояние, Марс находится всего в пятидесяти шести миллионах километров от Земли. А ведь бывает и четыреста миллионов километров! Скиапарелли чётко увидел полоски на Марсе, назвал их каналами и поэтому стал знаменит. Как много значит удачно подобранное название! И не важно, что планета красного цвета, сухая и безжизненная. Раз каналы - должна быть вода, и всё тут!

Ну ладно, с каналами понятно. Что там дальше по списку? Ага, Циолковский. Статья называется "Планеты заселены живыми существами". Какие подкованные корреспонденты у нас, оказывается. Циолковский гораздо раньше Ферми задался

вопросом, почему нас никто не посещает. И сам же на этот вопрос и ответил: "Не пойдем же мы в гости к волкам, ядовитым змеям или гориллам. Мы их только убиваем. Совершенные же животные небес не хотят то же делать с нами. Должно прийти время, когда средняя степень развития человечества окажется достаточной для посещения нас небесными жителями".

За полтора часа Роман прошёлся по списку, подготовленному журналистами, и решил, что он готов к интервью. Теперь можно и пообедать. В столовую идти не хотелось. В подвальном помещении института был буфет, и хотя ассортимент разнообразием блюд не отличался, в нём вполне можно было подкрепиться. Дежурное блюдо - винегрет с сосисками - там имелось всегда. И кофе с пирожными. Буфетчица Алевтина Марковна начинала работать здесь ещё в то время, когда в ходу была контактная электрическая сосисковарка в виде коробки с шипами. Сосиски нанизывались на шипы, крышка коробки закрывалась, и аппарат включался в сеть. Сосиски, сваренные без воды, были даже вкуснее, чем приготовленные по обычному "водяному" рецепту. Но в шестидесятых годах начался переход на двести двадцать вольт, а этот прибор был рассчитан на сто два-

дцать семь вольт и поэтому оказался не у дел.

В очереди в буфете перед Романом стояла Лена Фролова и читала книжку. Он заглянул ей через плечо. "Глава 3: Лев Толстой и его первая ступень". Ого! Леночка, кажется, вегетарианка. Ну что ж, вот и общая тема для разговора.

Когда Роман подошёл к столику, за которым сидела Лена, она уже доедала свой винегрет.

- Можно к вам?

- Пожалуйста.

От Романа не укрылось, что глаза у Лены припухли и покраснели.

- Что с вами? Вы плакали? Это из-за собак?

- Представляете, эти изверги разбросали по территории института отравленную колбасу! Две собаки наелись и сдохли. Остальные убежали и спрятались в эллингах у строителей. Вахтёрша звонила в службу отлова животных, чтобы приехали и их забрали.

- Кого, строителей?

- Вы шутите? Трупы собак, конечно.

- Вы очень любите собак?

- Ненавижу подлость! Собаки - как маленькие дети, такие доверчивые. Они к людям очень дружелюбно настроены. За редким исключением. Некоторых собак специально воспитывают

агрессивными, это другое дело. Я бы взяла этого пса домой, - глаза Лены наполнились слезами, - если бы он остался жив. Он лежал под кустом, я подошла и присела на корточки, а он поднял морду и положил мне на колени. И так жалобно заскулил! Просил, чтобы я ему помогла, а я уже ничего не могла сделать! Понимаете?

- Понимаю. - Роман помолчал. - Знаете что? Я могу с вами поехать на птичий рынок.

- Зачем?

- Купите себе там пёсика, будет о ком заботиться.

- Ну-у, не знаю...

- Подумайте. Если надумаете, заходите. Я сижу в комнате семьдесят восемь, на втором этаже.

- Я знаю, - Лена подняла на Романа глаза, которые до этого старалась скрывать. - У нас в отделе обсуждали создание новой группы профессора Кардашевского и вас упоминали. Спасибо вам.

- За что?

- За сочувствие. Уже уходите?

- Да. Сейчас корреспонденты приедут, будут выспрашивать, как мы собираемся искать внеземные цивилизации. Надо их встретить, пока Емеля не опередил.

Глава 7. Кутузовский проспект и его окрестности

- Роман! Привет. Что, на сегодня работу закончил? Если хочешь - садись, подвезу. Или прогуляться хочешь? В такую погоду только и гулять. Тепло, настоящая весна начинается.

Роман поздоровался с Глебом, который протирал переднее стекло у своего "Москвича".

- Опять дела в меховом ателье?

- И не только. Хочу и тебе предложить выгодное дельце. Здесь недалеко, как ты знаешь, гостиница "Украина", но сотрудникам не хочется тратить своё обеденное время, чтобы стоять в очередях. А печеньем и конфетками девушки любят полакомиться. Они меня попросили привозить им товар прямо в гостиницу. Готовы доплачивать, конечно. Я сказал, что у меня клиентов много, но обещал поговорить с надёжным человеком. Ты как?

- Что как? - не понял Роман.

- Не хочешь подработать? Или в обеденный перерыв, или после работы привезти им несколько коробок конфет и пачек хорошего печенья.

Того, что обычно на полках в магазинах не залёживается.

- Как же я буду возить? У меня в отличие от тебя машины нету.

- Да ты за день здесь больше перетаскиваешь! Возьмёшь большую сумку, сядешь на троллейбус, проедешь одну остановку - всего делов-то. А потом, глядишь, и на машину заработаешь. У меня тоже машина не сразу появилась.

Глеб внимательно посмотрел на Романа.

- Ничего в этом противозаконного нет. Купишь конфеты за свои деньги, имеешь право.

- Я подумаю.

- Подумай. Только недолго. Желающие быстро найдутся. - Глеб помолчал. - Слушай, Роман, ты когда последний раз в кино был?

- Я? Давно. А что?

- Не хочешь сходить со мной на фильм "Полёты во сне и наяву"? У нас тут в кинотеатре "Киев" идёт.

- Это там, где Янковский в главной роли?

- Кажется, да.

- Я не против. Только мне к половине одиннадцатого надо быть дома. Одна знакомая обещала позвонить. Понимаешь, я обещал съездить с ней на птичий рынок. - Роман вкратце пересказал

Глебу события вчерашнего дня.

- Могу предложить свою помощь, - неожиданно сказал Глеб. - У моего знакомого ощенилась сука. Помесь ретривера с лабрадором. Не ахти каких дворянских корней, но и не из подворотни. Красивые щенки, мохнатые, чёрные. Он как раз ищет, кому бы пристроить. Один мальчик и одна девочка.

- Я могу у неё спросить. А ты пока своего знакомого не обнадёживай.

- Договорились. Ну так как насчёт кино? Согласен? Тогда садись в машину. Доедем, тут недалеко.

Глеб вёл машину аккуратно, но немного залихватски. Правил не нарушал, проезжая мимо гаишников, в их сторону не смотрел или не поднимал взгляд выше пупка.

- Когда едешь мимо гаишника, никогда не смотри ему в глаза. Он взглядом цепляет и в пяти случаях из десяти останавливает. - При повороте с Киевской улицы на набережную Тараса Шевченко Глеб притормозил и переключил передачи. - Это я тебе рассказываю на будущее. Пригодится.

Роман хотел поддержать разговор, но не знал, о чём рассказать. Глеб первым нарушил молчание:

- К нам вчера в магазин итальяшки набежали. Толпа человек в двадцать: гогочут, смеются. У них тут посольство через мост. У одного - маленького, чёрненького - ожерелье на шее висит. Сделано из монеток наподобие наших копеек. И он самый многоголосый. Кричит и кричит: "Кавиар, кавиар!" Остальные поддерживают. Я им говорю - здесь кондитерский, "кавияр" на соседней улице. Не понимают, хотя я по-английски объяснял. Пришлось проводить до дверей валютной "Берёзки". Отблагодарили. Сунули целый доллар. Что мне теперь с ним делать?

- Итальянцы вообще не любят иностранные языки учить. На севере Италии ещё немного немецкий знают, потому что Швейцария рядом. По-испански понимают, разговорный испанский похож на итальянский. Но английский знают только в пределах "кавиара". Больше знать не хотят. Впрочем, так же как и во Франции. Даже если знают, сделают вид, что не понимают. Есть даже анекдот про французского попугая.

- Какой?

- Французу выписали штраф за то, что его попугай ругался по-английски. Хозяин попугая говорит: когда я его покупал, не знал, что он английским ругательствам обучен. Ему отвечают:

переучивайте, попугаи в нашей стране должны быть патриотами!

Повернув на набережную Тараса Шевченко, Глеб припарковался прямо у кинотеатра.

- Я тут недавно смотрел документальный фильм, как у них там на Западе паркуются. Машина почти у каждого, улочки маленькие, могут полчаса колесить, пока место себе найдут. Как ты думаешь, Глеб, у нас так когда-нибудь будет?

- Как? Чтобы припарковаться было нельзя? Вряд ли. Новые машины дорогие, да и не купишь их так просто. Года два надо в очереди стоять. У меня-то в Южном порту куплена. Знаешь песенку? "Мы пришли сегодня в порт... и стоим, разинув рот". Опять же, с запасными деталями тяжело. Если у тебя нет знакомого человечка на автосервисе, то пиши пропало: днём с огнём будешь искать - не найдёшь. Тут у меня недавно аккумулятор полетел, так несколько дней по мастерским мотался, и только пару дней назад удалось выменять свой горелый на более-менее отремонтированный. Вот пока стартёр крутит.

До начала сеанса оставалось десять минут. Глеб предложил:

- Успеем выпить по кружечке пивка. Здесь буфет замечательный. Ты как, не против?

Буфет в зелёном зале действительно был великолепный. Бутерброды с сыром, с колбасой сырокопчёной стоили всего по десять копеек. Роман с интересом огляделся по сторонам.

- Ты часто здесь бываешь?

- Где? - не понял Глеб.

- В этом кинотеатре.

- Конечно. Я же живу в этом доме. Удобно. Мальчишкой ни одного нового фильма не пропускал, особенно мы с ребятами любили "Песни моря". Иногда вместо уроков бегали сюда, не стану скрывать. А на зимних каникулах по утрам крутили детские фильмы. И мы на всю неделю покупали абонемент. "Толю Клюквина" и "Кроша" наизусть выучил. Пошли в зрительный зал, пора.

После фильма молодые люди решили прогуляться по набережной. Темнело. Глеб посмотрел наверх и указал Роману на балкон на третьем этаже, второй слева.

- Вон мой балкон. Я там антенну соорудил - вбил крюк прямо в стенку между кирпичами. Знаешь, с детства люблю радиодело, в армии был радистом. А в юности сделал свою передачу, "Радио Сокол" называлась.

Глеб сделал небольшую паузу и голосом диктора произнёс:

- Говорит "Радио Сокол", говорит "Радио Сокол"! В эфире знаменитый вокальный квартет Beatles: P.S. I love you!

- Радиохулиганство?

Глеб усмехнулся:

- Можно и так сказать. К моему величайшему удивлению, меня почему-то не трогали. Наверное, решили: пусть мальчишка развлекается, принимая во внимание номер дома и название улицы. А улица - Кутузовский проспект, а дом - номер тридцать. А в доме двадцать шесть весь наш триумвират живёт: Генеральный дядя Лёня, председатель Комитета Глубокого Бурения дядя Юра и Глава Внутренних Дел Николай Анисимович. Отцу подарили как-то приёмник "Альпинист". У него диапазон средних волн. А я как раз вещал на средних волнах - триста метров. С этим "Альпинистом" были интересные истории. Однажды выхожу из своего подъезда, проверить, насколько далеко мой "Сокол" долетает. В нашем дворе стоит такси, водитель сидит в машине, ждёт кого-то и моё радио слушает. То есть я слышу "Битлов" и из "Альпиниста", и из машины. Как раз, помню, "Can't buy me love" играло. И пошёл я со своим приёмником к центру, в сторону гостиницы "Украина". Дошёл до двадцать шестого

дома, прошёл мимо подъезда дяди Лёни, дяди Юры и Николая Анисимовича - слышно прекрасно. И так по набережной почти до фабрики "Сакко и Ванцетти" дошёл, упёрся в её забор и на этом решил эксперимент закончить. А ты?

- Что я? - не понял Роман.

- Чем ты в детстве увлекался?

- Астрономией. Сколько себя помню, всегда ею интересовался, читал книжки про космос, сам сделал телескоп. Только у нас в Москве плохо видно звёздное небо - слишком много света и пыли. Мы с друзьями выезжали за город, на чью-нибудь дачу, и там вели наблюдения.

- Луна, Марс?

- Не только. Сатурн, Юпитер, туманности, галактики разные. И просто звёзды - знаешь, какие они красивые бывают? Например, двойная звезда Альбирео, бета Лебедя. Оранжевая и голубая звёздочки видны рядом в небольшой телескоп.

Роман воодушевился, рассказывая о своём увлечении, и его энтузиазм передался Глебу:

- Покажешь? Этот телескоп до сих пор у тебя?

- Нет, - Рома сник и сразу погрустнел, опустив голову. - Нету телескопа.

- Почему?

- Отчим пропил. Просил у матери деньги на

выпивку, она не давала. Дождался, когда мы с ней из дома ушли, и стащил телескоп. Сдал его в какую-то лавку подержанных вещей. Я у него с трудом выпытал адрес, когда он проспался. Побежал туда - а телескопа уже нет. Продали. Хороший телескоп был, я с ним столько удачных наблюдений провёл!

- Да-а, дела-а, - протянул Глеб и вдруг воодушевился: - Вот ты и купишь себе телескоп на честно заработанные! Я видел, сейчас такие телескопы можно купить - закачаешься! Поедем в Кратово на дачу, покажешь мне звёздное небо. Я ведь тоже в детстве астрономией увлекался, "Детскую энциклопедию" читал. Хоть сейчас могу рассказать, чем истинное солнечное время отличается от среднего.

Роман посмотрел на Глеба с уважением.

- Я знаю многих астрономов, которые не сразу об этом смогут рассказать. А вот мой отчим - тот вообще считает, что солнце вращается вокруг Земли.

- Шутишь!

- Он мне на полном серьёзе как-то говорит: я вам, учёным, ни на грош не доверяю. Только деньги на вас государство тратит, а толку - пшик. Вот ты, говорит, чем занимаешься? Я говорю,

что звёзды наблюдаю. А он - на хрена мне твои звёзды? Вот если бы они мне маленькую ночью на парашюте спустили, я бы им спасибо сказал. А так - солнце днём крутится, звёзды ночью фигнёй маются, луна тоже блестит зачем-то... Народу эти ваши звёзды и планеты без надобности. Так и говорит. Может, издевается. Как только моя мать могла с ним связаться? Я поэтому из дому и ушёл, что не мог больше смотреть на это. И на пьянство его вечное.

- Он, наверное, на самом деле прекрасно знает, что вокруг чего вращается. Просто видит, что тебя это раздражает, вот и подначивает. У нас в школе это называлось "поиметь". Все они такие, любители заложить за воротник. Вот, например, слышал такой анекдот? Под балконом дома стоит мужичонка в кепке и глядит вверх. Постоял-постоял и закричал: "А-ню-та! А-ню-та! Выдь, что скажу!" - Дверь на балконе с грохотом отворяется: "Ну, чего тебе?" - "Брось мне шестьдесят две копейки, а то на молоко не хватает!" - "Как же я брошу, они же рассыпятся?" - "А ты в трёшку заверни!"

Роман ответил:

- Вот так же и мой отчим каждый раз что-нибудь новенькое придумывает. Тут на днях говорит: "Нюра, извини, опоздал, такие пробки - ужас!"

Она ему: "Коля, да ты пьян! Какие пробки?! У тебя же права на машину отобрали!" - "Да мы два часа мучились с Серёгой, это же надо так вино закупорить!"

Со стороны главного входа в знаменитый "Гастроном" тридцатого дома к ним приблизился совершенно не характерный для Кутузовского проспекта персонаж. Это было что-то средних лет, одетое в нечто очень поношенное. Мужичонка увидел двух молодых людей и твёрдым шагом направился прямо к ним.

- Ребятки, вам третий не нужен? Только у меня того... с деньгами туго. Мелочь в кармане звенит. Эх, прошли времена! Раньше за два восемьдесят семь взяли бы, как раз ещё на сто грамм кильки "весёлые ребята" хватило бы. А теперь... Ну как? Посидим, поговорим...

- А что, - подмигнул Роману Глеб, - посидим и расскажем друг другу, какие мы знаем три источника и три составные части.

- Стакан, бутылка и закуска! - живо подхватил мужичок. - Три главных источника нашей жизни, они же три составные части дружеского общения. Ну что, ребятишки, как насчёт этого самого?

Глеб достал из кармана пятёрку и протянул соискателю.

- Я вижу, сэр, вам поправиться надо. На, возьми. Потом отдашь. А нам с товарищем недосуг сейчас. Извини.

- Ты, друг-человек!.. Да я... Да ты... - Мужик махнул рукой. - Спасибо!

Он быстрым шагом удалился в сторону главного входа в "Гастроном".

- Наверное, с того берега перебрался по окружному мосту, - проводил его глазами Глеб. - У нас тут таких персонажей не водится. - В этот момент взгляд его упал на камень в овраге: - Смотри-ка! Плита моя до сих пор тут валяется!

- Какая плита?

- Могильная плита из гранита. Помню, в пятом классе - дай, думаю, я её домой притащу, пригодится. А сверху приятель смотрит и говорит: "Ты зачем её, Глебка, тащишь?" - "Себе на могилу", - отвечаю. Но не дотащил, не осилил. А приятель стоял сверху, насмехался. Нет чтобы помочь.

Роман взглянул на часы.

- Уже одиннадцатый час! Я совсем забыл! Мне же позвонить должна девушка. Я тебе говорил. Эх, не успею доехать!

- Давай подвезу, - предложил Глеб. - Заодно посмотрю, как ты устроился по моей протекции.

Пока ехали, Роман вспомнил, что хотел спро-

сить у напарника.

- Глеб, ты в нарды умеешь играть?

- Да, а что?

"Говорить или нет? Пока не буду".

- Хотелось бы научиться. А сам-то где играл?

- В армии. Там у нас один кавказец служил, как и я, радистом. Очень любил эту игру. Свои нарды из дома привёз, а когда на дембель уходил, мне подарил. Они у меня сохранились. Если хочешь - приходи, научу.

- Спасибо. Как-нибудь зайду.

Окончание в следующем номере

РАССКАЗЫ

Дэн Шорин

Цена вдохновения

Каждый раз, когда Алекс смотрел на чистый холст, к нему возвращались детские воспоминания.

Алексу шесть лет, бабушка впервые привела его в галерею Коркоран, которая ещё не стала школой искусств и дизайна. Округлое старинное здание навевает скуку, но всё разом меняется, когда они заходят внутрь. На стенах висят картины, которые сияют ярче, чем неоновые вывески Манхэттена. Бабушка, Элеонора, сама когда-то была художницей, но из-за артрита давно не брала кисть в руки. Однако в галерее её глаза горят, словно она помолодела на десятки лет.

- Знаешь, Алекс, искусство - это как окно в чужие мечты, - сказала она, наклоняясь к нему и указывая на огромный пейзаж с морем и закатом. - Когда смотришь на что-то такое, ты словно становишься частью иного мира.

Алекс долго разглядывает картину: волны кажутся такими живыми, что можно услышать

их шум. Его маленькая рука непроизвольно тянется к изображению, но бабушка мягко берёт его за запястье.

- Никогда не трогай картину. Лучше попробуй создать свою, - её голос был добрым, но твёрдым. - Обещай, что когда-нибудь покажешь мне, каким видишь мир ты.

Эти слова зажгли в нём искру, которая не угасла даже спустя годы. Мальчик начал рисовать всё, что видел: деревья за окном, игрушки, лица друзей. Но Алексу всегда казалось, что его работы слишком примитивны в сравнении с картинами, выставленными в галерее.

Бабушка всегда поддерживала его, даже когда он сомневался. Она часто сидела рядом, поправляя свои очки, и терпеливо смотрела, как он смешивает краски на палитре, подбадривая:

- Не бойся ошибиться. Помни, искусство - это не о том, чтобы быть идеальным. Это о том, чтобы показать, что у тебя внутри.

Годы шли. Бабушка ушла из жизни, но её слова остались с Алексом. В какой-то момент он почувствовал себя в долгу перед бабушкой. Именно эти мысли придали парню уверенности, что он должен добиться успеха любой ценой.

Однако со временем родились сомнения: он не

мог приблизиться к шедеврам, которые вдохновляли его в детстве. В какой-то момент он понял, что рисовать "как другие" ему не дано, но страсть к искусству и желание воплотить свои мечты были слишком сильны.

К тому времени как ему исполнилось двадцать, Алекс снимал в Ричленде скромную мастерскую, которую с трудом мог себе позволить. Несмотря на ежедневный труд, он не чувствовал, что его картины чего-то стоят. Работы Алекса не принимали в галереи, на заказах удавалось заработать лишь на материалы, и это исподволь подтачивало его уверенность.

Однажды вечером юноша, уставший от очередного дня, проведённого за неудачными попытками передать на холсте задуманный образ, зашёл в ближайшее кафе, где всегда можно было найти других художников, музыкантов и просто творческих людей. В углу играла тихая музыка, а на стенах висели картины местных мастеров.

- Ты выглядишь так, будто тебя искусство поимело, - раздался голос из-за соседнего столика.

Алекс поднял глаза. Там сидел мужчина средних лет в дорогом костюме. Его гладко причёсанные волосы и идеально белая рубашка резко выделялись на фоне богемной небрежности

остальных посетителей. На спинке стула висела трость из тёмного, почти чёрного дерева, отполированного до блеска. На её рукоятке был установлен массивный серебряный набалдашник в форме черепа ворона.

- Нет, - хмуро ответил Алекс. - Скорее, я разочаровал искусство.

Мужчина усмехнулся.

- Ты не одинок. Все хотят создать что-то великое, но не у всех хватает времени и... терпения.

- И что вы предлагаете? - раздражённо спросил Алекс.

Мужчина ответил не сразу. Сначала он достал из кармана маленький планшет и положил его на стол перед Алексом. На экране мигало окно с изображением - иконка с солнцем и луной.

- Это твой шанс, - произнёс он тихо. - Программа, которая создаёт картины за тебя. Ты даёшь идею, а она воплощает её в жизнь.

- Генератор? - Алекс недоверчиво нахмурился. - Это не искусство, это просто... алгоритмы.

- Алгоритмы, которые могут открыть тебе двери, - мужчина сделал паузу, чтобы подчеркнуть свои слова. - Людям не важно, как ты это сделал. Им важно, что они видят перед собой.

Алекс заколебался. С одной стороны, это предло-

жение казалось соблазнительным. Но с другой... оно пахло предательством всего, чему его учила бабушка.

- И сколько это стоит? - наконец спросил он.

Мужчина улыбнулся.

- Не деньги. Всего лишь немного твоего времени.

Алекс не понял намёка, но что-то в голосе мужчины заставило его задуматься. Он взял планшет, ища скрытый подвох, а мужчина просто поднялся со стула и, слегка опираясь на трость, вышел из кафе.

Позже, уже в своей мастерской, Алекс долго смотрел на экран. Иконка с солнцем и луной словно гипнотизировала его. Рука потянулась к кнопке запуска.

"Это и есть мой шанс", - подумал он, касаясь экрана. В тоже же время Алекс не мог отделаться от лёгкого, но болезненного ощущения: будто он предаёт то, во что всегда верил. Этично ли для художника использовать современные технологии?

"Это неправильно", - думал он, ощущая странную тяжесть в груди. Ещё вчера он был уверен, что картина - это результат долгих усилий, борьбы с собой, с холстом и красками. А теперь всё, что

требовалось, - ввести текстовый запрос и нажать на кнопку. Однако сомнения не могли заглушить голос внутри, который твердил: "Докажи себе и миру, что ты способен создать нечто стоящее".

Убрав планшет в ящик стола, Алекс решил переспать с этой мыслью.

Утром сомнения отступили. Алекс достал планшет. На экране снова мигала знакомая иконка: солнце и луна менялись местами, будто подсказывая, что времени уйдёт совсем немного. Алекс ввёл первые слова:

> *"Закат над хрустальным простором океана, где волны, словно стеклянные осколки, а на горизонте дрейфует древний корабль, окружённый золотистым светом".*

Он нажал на кнопку, и иконка начала свой странный танец: солнце, луна, снова солнце. Алекс следил за этим гипнотическим циклом, похожим на вращение часового механизма, отсчитывающего секунды и минуты. Когда процесс завершился, на экране появилась картина. Сердце Алекса пропустило удар.

Перед ним было изображение, которое он даже не мог себе представить. Волны действительно

напоминали осколки стекла, а солнечный свет играл на воде, как живой. Корабль, окаймлённый лёгкой дымкой, будто вышел из его самых сокровенных детских грёз. Картина была безупречна. Слишком безупречна.

- Это... я? - пробормотал он. Но радость быстро сменилась тревогой.

Картина была великолепной, но Алекс не чувствовал её своей. Не было ощущения, которое возникало после часов борьбы с холстом. Не было боли в спине, не было краски под ногтями, не было ночей, проведённых в поисках нужного оттенка. Был только результат, созданный кем-то или чем-то.

Но мысль о том, что он наконец сможет предъявить миру свои работы, затмевала всё остальное.

Он заказал специальный принтер, созданный для художников и дизайнеров, стремящихся добиться идеального баланса между точностью технологий и теплотой ручной работы. Устройство было оснащено уникальной системой, которая не просто распыляла краску, как стандартные модели, а словно "намазывала" её тонкими слоями, воссоздавая текстуру мазков кисти.

Принтер прибыл через несколько дней в массивной коробке с множеством инструкций и кабелей. Алекс с волнением вскрыл упаковку, аккуратно извлёк устройство и установил его в углу мастерской. Настройка заняла почти весь вечер: программное обеспечение, идущее в комплекте, включало сложный алгоритм, который анализировал изображение и переводил его в имитацию ручной работы.

После установки программы Алекс потратил ещё несколько часов, экспериментируя с настройками. Можно было выбрать тип кисти - от мягкой круглой до жёсткой плоской, регулировать толщину слоёв краски, её прозрачность и даже направление движения виртуальной кисти. Каждый параметр был рассчитан так, чтобы картина выглядела максимально естественно, как будто вышла из-под руки настоящего мастера.

Когда всё было готово, Алекс загрузил в программу своё изображение. Он наблюдал, как принтер медленно оживает. Головка устройства двигалась с удивительной грацией, словно следуя движениям руки невидимого художника. Шаг за шагом изображение обретало форму: мазки накладывались слоями, создавая эффект рельефа, который невозможно было отличить от настоя-

щей живописи.

Когда процесс завершился, Алекс осторожно извлёк холст из принтера и поставил его на мольберт. Краска блестела при свете лампы, а рельеф мазков ощущался под пальцами. Он провёл рукой по поверхности, невольно улыбаясь. Работа выглядела, словно он сам часами трудился над ней, держа кисть в руке.

Солнечный свет, проникая в окно, оживлял картину, делая её ещё более глубокой. Алекс почувствовал гордость, но где-то глубоко внутри таилась странная пустота.

"Это только начало, - убеждал он себя. - Главное - результат. Люди будут судить по тому, что они видят, а не по тому, как это было создано".

На следующий день Алекс поехал в Вашингтон. Восточное здание Национальной галереи искусства всегда завораживало художника. Гладкие плоскости стеклянных пирамид отражали холодное осеннее солнце, а фонтан неподалёку журчал, насмешливо напоминая о непрерывном течении времени. Это место всегда казалось ему символом недосягаемого успеха. Сегодня он стоял здесь вновь - на этот раз с чем-то, что, как он надеялся, изменит его судьбу.

Картина под его рукой, спрятанная в чехол,

была не просто ещё одной попыткой. Это было нечто совершенно новое, столь непривычное для его собственного понимания искусства, что даже он сам едва мог поверить в созданное. Но желание попробовать было сильнее сомнений.

Войдя внутрь, он сразу направился к кабинету мистера Джонатана Рейнольдса - куратора выставок. Алекс знал его по прежним неудачным визитам, каждый из которых заканчивался вежливыми, но категорическими отказами.

Джонатан Рейнольдс встретил его, привстав из-за стола. Высокий и стройный, в безупречно сидящем костюме в тонкую полоску и с идеально завязанным галстуком, он выглядел воплощением делового изящества: каждое движение - уверенное, взгляд - острый, словно видящий собеседника насквозь.

- Добрый день, мистер Рейнольдс, - начал Алекс, стараясь сохранять голос спокойным, но чувствуя, как внутри всё сжимается.

- Алекс, - куратор слегка кивнул, не выказывая ни малейших эмоций. - Чем могу помочь?

- Я хотел бы предложить для вашей оценки одну свою новую работу.

- Новую? - Джонатан поднял бровь. - Вы уверены, что хотите вновь пройти через процедуру

рецензирования?

Алекс на мгновение замешкался, но затем решительно развернул чехол, открывая картину.

Наступила тишина.

Джонатан медленно встал из-за стола, его глаза пристально изучали холст. Алекс чувствовал, как воздух будто сгустился, а время растянулось.

- Это... - Куратор сделал паузу, будто подбирая точное слово. - Неожиданно.

Алекс молчал, чувствуя, как напряжение перерастает в тихую эйфорию. Он видел, как Рейнольдс меняет угол обзора, склоняя голову, чтобы уловить нюансы работы.

- Композиция выверена до мелочей, - продолжил Джонатан, всё ещё глядя на картину. - Цветовая гамма сбалансирована и провоцирует почти медитативное состояние. И при этом... - он на мгновение замолчал, прежде чем закончить, - эта работа лишена той наивности, которая была свойственна вашим предыдущим полотнам.

- Значит, она подходит? - спросил Алекс, голос его дрогнул на последних словах.

- Подходит? - Рейнольдс, наконец, повернулся к нему. - Алекс, я не просто приму её. Я хочу, чтобы она открывала выставку.

От этих слов у Алекса перехватило дыхание.

Его взяли. Его картину выбрали.

Однако вместе с радостью появилась горечь. В его памяти всплыли слова бабушки: "Искусство - это о том, чтобы показать, что у тебя внутри". Полотно было прекрасно, но могло ли оно быть искренним, если Алекс даже не прикоснулся к кисти?

Эти мысли не давали ему покоя следующие несколько дней. Алекс осознавал, что его успех стал возможен благодаря технологии, но вместе с этим всё острее чувствовал внутреннюю пустоту. Он часами бесцельно глядел на чистые холсты, литрами пил чёрный кофе.

Когда пришло приглашение на выставку в Национальной галерее искусства, Алекса переполняли смешанные эмоции: гордость за признание и тревога, что его работа отражает не душу художника, а холодные алгоритмы.

Выставка носила громкое название "Эхо времени". Она была посвящена работам современных художников, отражающим столкновение традиций с инновациями. Картина Алекса под названием "Гармония хаоса" была выбрана для открытия экспозиции - её разместили в самом начале, где она встречала посетителей, задавая тон всему мероприятию.

Алекс стоял в сторонке, наблюдая за потоком гостей. Его сердце то ускорялось, то почти останавливалось. Люди подходили к его картине, обсуждали, восхищённо шептались. Их одобрение было музыкой для его ушей, но ему всё ещё не верилось, что всё это происходит наяву.

Из размышлений его вывел резкий голос, принадлежавший человеку, чьего присутствия он бы предпочёл избежать.

- Алекс Уиттман, - голос был саркастичным и тягучим, словно человек смаковал каждую букву имени. - Или мне стоит назвать вас "мастером хаотичных мазков"?

Алекс обернулся. Перед ним стоял Кристофер Хейл, известный арт-критик, острый на язык и безжалостный к тем, кто, по его мнению, "пытался паразитировать на великом искусстве". Невысокий, худощавый, с острым профилем и ледяным взглядом, он смотрел на Алекса с выражением напускного удивления.

- Поздравляю, - начал Хейл, скрестив руки на груди. - Кто бы мог подумать, что однажды я увижу вашу работу в начале экспозиции. Это, должно быть, ошибка кураторов?

- Нет, - коротко ответил Алекс, стараясь не поддаваться на провокацию.

- Не обижайтесь, - продолжил Хейл с легкой усмешкой, подходя ближе к картине. - Но эта работа... Она слишком старается быть значимой. Посмотрите на эти динамичные линии, попытку создать напряжение между хаосом и порядком. Всё это, конечно, впечатляет на первый взгляд, но стоит задуматься - не слишком ли она... надуманна?

Алекс нахмурился.

- Что вы имеете в виду?

- Только то, что это выглядит как попытка произвести впечатление. Пустой трюк, если хотите, - Хейл сделал небрежный жест в сторону картины. - Нет души, Уиттман. Краски есть, но нет жизни.

- Это ваше мнение, - резко ответил Алекс.

- Конечно, моё, - согласился Хейл, сужая глаза. - Но моё мнение - это то, что формирует вкус этой галереи. И пока что я не уверен, что эта работа заслуживает быть здесь.

Прежде чем Алекс успел что-то ответить, сзади раздался спокойный голос:

- Забавно слышать, как человек с претензией на вкус обвиняет художника в отсутствии души.

Хейл обернулся, и его самоуверенное выражение мгновенно сменилось настороженностью.

Перед ним стоял высокий мужчина в классическом чёрном костюме с тростью в левой руке - тот самый, которого Алекс видел в кафе.

- Вы что-то сказали? - осторожно спросил Хейл, не сводя взгляда с рукоятки трости.

- Сказал, - спокойно ответил мужчина. - Если вы не видите глубины в этой работе, возможно, вам стоит пересмотреть своё представление об искусстве. Случается, что картина оказывается сложнее, чем человек, который на неё смотрит.

Лицо Хейла побледнело.

- Я... Возможно, я ошибся в своих суждениях, - пробормотал он. - Работа действительно сильная, просто... неожиданная.

Мужчина лишь слегка наклонил голову, словно давая понять, что разговор окончен.

- Простите, - сказал Хейл Алексу, хотя в его голосе не чувствовалось искренности. - Ваша работа достойна внимания.

Критик развернулся и быстро удалился, оставив Алекса наедине с неожиданной поддержкой.

- Спасибо, - выдохнул Алекс.

Тот кивнул и молча удалился.

Алекс стоял в растерянности, едва успевая осмыслить произошедшее. Тем временем вокруг него начали собираться другие посетители, вы-

сказывая свои восторженные отзывы.

- Это невероятно, - произнесла пожилая дама, разглядывая полотно. - Такое ощущение, будто оно открывает окно в другой мир.

- Эта работа... Она словно говорит с тобой, - добавил молодой мужчина, стоявший рядом.

Алекс только кивал, чувствуя, как эйфория от признания накрывает его с головой. Это был успех. Настоящий успех. Перед художником открылись двери, о которых он мечтал всю свою жизнь.

Спустя несколько дней Алекс сидел за столом из чёрного ореха в кабинете Джонатана Рейнольдса. На полках вокруг него стройными рядами стояли книги и каталоги: "Современное искусство: Перспективы XXI века", "Линейность и хаос в визуальном искусстве", "Великие провокаторы от Дюшана до Хёрста". На стенах - черно-белые фотографии: открытие выставок, рукопожатия с именитыми художниками, архивные кадры, запечатлевшие богатую историю галереи.

- "Гармония хаоса"... название оправдывает содержание, - начал Рейнольдс, перелистывая каталог выставки, где первая страница была отведена под картину Алекса. Его тон был спокойным, слова уверенными. - Ваша работа уже привлекла

внимание как критиков, так и коллекционеров. Я лично получил несколько запросов - достаточно серьёзных, чтобы утверждать, что картина будет продана в кратчайшие сроки.

Алекс кивнул, стараясь сохранить спокойствие.

- Значит, она вызывает интерес.

- Это мягко сказано. - Рейнольдс чуть склонил голову, изучая Алекса с тонкой улыбкой. - Взгляните, Алекс.

Он развернул каталог выставки, показывая страницу с рецензиями. В глаза бросались строки восторженных отзывов: "Аллегория бесконечной борьбы человека с непостижимыми силами природы", "Рассмотрение границ хаоса и порядка через лаконичную, но экспрессивную визуальную форму".

- Такие слова не пишут из вежливости, - продолжил Джонатан. - Это осмысленные рецензии, за которыми стоят серьёзные профессионалы.

Алекс скользнул взглядом по напечатанным строкам, внутренне ликуя, но сохраняя внешнюю сдержанность.

- Звучит обнадёживающе, - произнёс он.

- Я даже не припомню, чтобы дебютная работа подняла такой шум, - продолжил Рейнольдс,

опираясь локтями на стол. - Говоря откровенно, мы могли бы продать эту картину уже завтра.

- Уже? - Алекс слегка приподнял брови, хотя это не стало для него неожиданностью.

- Да, - кивнул Джонатан. - Цена будет значительной, но, как вы знаете, галерея берёт себе 50% от продажи.

Алекс кивнул, понимая, что это стандартная практика.

- Меня устраивает, - сказал Алекс, хотя на мгновение мелькнула мысль о том, сколько он теряет.

- Замечательно, - улыбнулся Рейнольдс. - Однако интерес к вашей работе настолько велик, что нам нужно действовать быстро. Коллекционеры требуют больше, Алекс. Им нужны ещё картины. И желательно такого же уровня.

Алекс почувствовал, как давление нарастает. Ещё работы?

- Я постараюсь, - сказал он, скрывая своё внутреннее беспокойство.

- Это всё, чего я прошу, - кивнул Джонатан. - Если вы продолжите в том же духе, я уверен, ваше имя закрепится среди самых обсуждаемых в художественной среде.

Он взял в руки одну из лежавших на столе газет

и развернул её.

- Смотрите, здесь целая колонка посвящена вашей работе.

Алекс взглянул на страницу, где броский заголовок возвещал: "Новое имя в современном искусстве: Алекс Уиттман".

- Даже "Арт-Перспектива" отозвалась положительно, - продолжил Джонатан. - Хотя есть и странности. Вы ведь знаете Кристофера Хейла?

- Знаю, - коротко ответил Алекс.

- Он всегда был скептичен к новым именам, но его мнение могло бы сыграть решающую роль. Однако после открытия выставки он куда-то исчез. Мы не смогли с ним связаться.

Алекс вспомнил, как Хейл растерялся в день выставки, и от этой мысли по спине пробежал холодок.

- Это плохо?

- Его молчание не повлияло на общий успех, - уверенно заявил Рейнольдс. - Вашей работе хватило других положительных отзывов, чтобы имя Уиттмана прозвучало на равных с именами признанных мастеров.

Алекс молча кивнул, ощущая одновременно гордость и страх.

- Главное сейчас - продолжать, - сказал Джона-

тан, вставая из-за стола. - Мы ждем от вас ещё несколько работ. Что-то мне подсказывает, что вы нас не разочаруете.

- Я сделаю всё возможное, - произнёс Алекс, поднимаясь.

Рейнольдс протянул ему руку, и он ответил крепким рукопожатием.

Когда Алекс вышел из кабинета, восторженные строки рецензий всё ещё звучали в его голове. Он добился того, о чём мечтал, но вместе с этим пришли требования, которые теперь казались неизбежными. Все эти похвалы и ожидания словно нависли над ним тяжким грузом. Он чувствовал себя одновременно вдохновлённым и загнанным в угол.

Вернувшись домой, Алекс достал планшет, уставившись на пустое поле для ввода текста. Его пальцы висели над клавиатурой, но он не торопился печатать. Успех первой картины тяготил его больше, чем вдохновлял. Что, если она была случайностью? Простым совпадением, которое уже не повторится?

Вдохнув глубже, Алекс закрыл глаза и представил образ. Он хотел создать что-то, что отразило бы его собственное состояние - хрупкость, баланс на грани, тонкую границу между триумфом и

катастрофой.

Он набрал: *"Одинокая фигура, стоящая перед огромной трещиной во льду. Лёд - почти прозрачный, сквозь него видно тёмное, холодное море. Трещина освещена слабым закатом, солнце едва касается горизонта, будто ныряет в ледяное царство".*

Алгоритм заработал, и перед его глазами снова закружился танец луны и солнца. Алекс ждал, сжимая руки в кулаки, чувствуя, как сердце стучит в ритме этого странного мелькания. Когда картинка наконец появилась, он несколько секунд смотрел на неё, затаив дыхание. Лёд был таким хрупким, что, казалось, его можно было услышать - треск, будто он вот-вот разломится. Одинокая фигура на фоне закатного неба выглядела обречённой, но всё же продолжала стоять, словно не замечая смертельной угрозы.

- Это... - Алекс потерянно искал слова. - Это работает.

Его сомнения начали отступать, уступая место новому волнению. Он задумался, что делать дальше. В голове возник образ движения, энергии, чего-то разрушительного, но одновременно прекрасного. Он снова начал печатать: *"Стая птиц, взмывающая вверх из густого леса. Деревья*

горят, охваченные пламенем. Небо заполнено контрастом между густым чёрным дымом и пробивающимся светом рассвета".

На этот раз ожидание показалось ему ещё более напряжённым. Танец луны и солнца на экране гипнотизировал, заставляя задуматься, как странно он чувствует себя каждый раз после работы с алгоритмом. Но как только картина загрузилась, эти мысли исчезли.

Птицы, взмывающие вверх, казались живыми. Алекс буквально видел, как они рвутся прочь от полыхающего ада, крылья их горели алым светом рассвета. Контраст между разрушением и проблеском нового утра захватил его настолько, что он не сразу понял, что улыбается.

- Это прекрасно, - прошептал он.

Он откинулся на спинку стула, но вскоре снова выпрямился. Теперь он хотел создать что-то более глубокое, символическое. Что-то, что останется в памяти надолго. Алекс закрыл глаза, стараясь услышать в себе образ, а потом стал печатать: *"Каменные ступени, ведущие вверх в пустоту. На каждой ступени лежат символы: старинные книги, сломанные часы, детские игрушки. Вдали - слабый силуэт человека, который растворяется в туманной бездне".*

Пока алгоритм работал, Алекс чувствовал, как напряжение возвращается. А что, если эта идея окажется слишком сложной, слишком абстрактной для ИИ? Но сомнения рассеялись, как только картина появилась на экране.

Каждая ступень была прописана с невероятной тщательностью, а символы, лежавшие на них, казались наполненными историей. Алекс всматривался в них, поражаясь тому, как детские игрушки перекликались с треснувшими часами, как книги казались пропитанными мудростью и пылью веков. Но всё это уходило в туман, словно исчезая, словно само время отказывалось сохранять воспоминания.

Алекс медленно отвёл взгляд от экрана, ощущая, как по телу разливается напряжение, будто струны внутри него натянулись до предела. Это было странное сочетание восторга и тревоги, как перед прыжком в неизвестность. "Это просто волнение, - подумал он. - Такое бывает, когда понимаешь, что твои мечты начинают сбываться". Он потер виски, пытаясь унять рой мыслей, и встал. У зеркала его взгляд неожиданно задержался: одна прядь волос у виска стала белой. Алекс нахмурился, но тут же усмехнулся, убеждая себя, что это всего лишь результат напряжённой

работы и долгих размышлений. "Просто стресс", - проговорил он вслух, возвращаясь к столу.

В следующие две недели Алекс работал без остановки, словно одержимый. При помощи планшета он создал ещё десять картин, каждая из которых казалась шагом вперёд - ярче, глубже, сложнее. Его студия наполнилась сонмом новых шедевров, плещущих энергией и эмоциями.

Одна из картин изображала гигантский рассвет, растекающийся по бескрайнему полю из стеклянных лилий - лучи солнца переливались всеми оттенками спектра, а хрупкие лепестки отражали небесное сияние. Другая показывала древний замок на отвесной скале, где стены плавились и текли, как в кошмаре, обнажая внутри силуэты древних воинов. Алекс вплетал в свои работы всё, что копилось у него в душе - страх, восторг, тоску и надежду.

Однако с каждой законченной картиной его усталость росла. Утром он замечал, что пальцы едва слушаются его, а к вечеру глаза слезились от напряжения. Боль в висках стала постоянной, а сны превратились в пугающий хаос, от которого он просыпался в холодном поту.

В какой-то момент Алекс решил, что пора выйти из дома и освежить голову. Натянув куртку, он

направился к двери, ощущая, что воздух в студии стал слишком тяжёлым. Возле дома остановился возвращающийся в столицу автобус и, повинуясь внезапному порыву, Алекс запрыгнул в него.

На улицах Вашингтона царила мягкая вечерняя прохлада, наполняющая лёгкие свежестью. Алекс неторопливо прогуливался по улочкам, наслаждаясь редким моментом спокойствия. После череды выставок и заказов он наконец позволил себе выбраться из мастерской. Его взгляд скользил по витринам кафе, в которых посетители оживлённо обсуждали новости, и уличным музыкантам, играющим меланхоличные мелодии. Казалось, город жил своей жизнью, совсем не замечая, как менялся его внутренний мир.

- Алекс? Это ты? - раздался знакомый голос позади.

Алекс обернулся и увидел Марка Хэмилтона, старого друга, с которым они учились в колледже. Когда-то они были неразлучны, но жизнь развела их по разным дорогам: Марк стал архитектором и уехал в Нью-Йорк, а Алекс остался в городе, погружённый в свои поиски художественного вдохновения.

- Марк! Чёрт возьми, сколько лет, сколько зим! - Алекс расплылся в улыбке и крепко пожал руку

другу.

- Сколько лет, говоришь? На вид ты, кажется, прожил три десятка, - Марк усмехнулся, оглядывая Алекса с ног до головы. - Ты выглядишь измотанным.

- Спасибо за комплимент, - попытался отшутиться Алекс, стараясь скрыть нотки тревоги.

- Прости, дружище, не хотел тебя обидеть. Просто... Серьёзно, ты сильно изменился. Ты, наверное, слишком много работаешь. Эти художники всегда за своими мольбертами сутками торчат, да?

- Не только художники, Марк. Архитекторы ведь тоже не жалеют себя. Сколько бессонных ночей ты провёл над проектами?

Марк задорно рассмеялся.

- Верно подмечено. Только знаешь, наши здания хотя бы стоят веками, если всё сделано правильно. А твои работы, сколько они проживут? Год? Два? Если повезёт - десятилетие?

- Зависит от того, какие работы, - усмехнулся Алекс. - Сейчас полотна могут сохраняться столетиями. В цифровом виде - бесконечно долго. А главное - они живут в сознании людей. Каждый зритель уносит с собой частичку того, что увидел.

- Хорошо сказано, - Марк одобрительно кивнул. - Но ты сам-то доволен тем, что создаёшь?

Алекс замешкался. Этот вопрос всегда был для него щекотливым.

- Знаешь, иногда я думаю, что искусство - это не о довольстве, - наконец произнёс он. - Скорее о том, чтобы постоянно искать. Быть в этом процессе. Удовлетворённость ворует прогресс.

- Или, наоборот, прогресс убивает тебя, - не без иронии заметил Марк, оглядев друга.

- Что ты имеешь в виду? - Алекс прищурился, улыбка исчезла с его лица.

- Да ничего, дружище, - Марк развёл руками, словно извиняясь. - Просто ты всегда был одержим работой, но сейчас... Ты выглядишь, будто каждый мазок кисти вытягивает из тебя силы.

- Искусство требует жертв, - сказал Алекс.

Фраза прозвучала скорее как самооправдание, чем утверждение.

- Это точно, - Марк взглянул на часы. - Ладно, мне пора. Рад был тебя увидеть, Алекс. Надеюсь, ты найдёшь время выдохнуть.

Они обменялись рукопожатием, и Марк скрылся за углом, оставив Алекса одного.

Когда Алекс вернулся домой, то проходя мимо зеркала, стоявшего у стены, замер. Он внима-

тельно вгляделся в своё отражение. Тусклый свет лампы высветил тонкие линии, прорезающие его лоб и уголки глаз. Это были морщины. Настоящие морщины, которые невозможно объяснить простым недосыпом.

Он отступил на шаг и провёл рукой по волосам. Кожа головы вдруг показалась ему странно холодной. Он наклонился ближе к зеркалу и заметил, что волосы начали редеть, а у корней пробиваются серебристые пряди.

- Не может быть, - прошептал Алекс, чувствуя, как холодок тревоги пробегает по спине.

Он переоделся в старую футболку и джинсы, но одежда, которая ещё недавно сидела идеально, теперь казалась чуть свободнее в плечах. Впервые за долгое время он осознал, насколько ослабло его тело.

- Я просто устал, - убеждал себя Алекс, потирая лицо ладонями. - Это стресс. Обычный стресс.

Внимание Алекса всё чаще притягивала иконка ожидания в генераторе изображений. Луна плавно сменялась солнцем, и этот процесс вызывал странное беспокойство. Он никогда не задумывался, зачем эта анимация была добавлена в интерфейс. "Для красоты?" - пытался он убедить себя, но с каждым новым сеансом чув-

ство нарастающей тревоги усиливалось.

В какой-то момент Алекс поймал себя на том, что не может перестать смотреть на эту иконку. Её движение завораживало, почти гипнотизировало. Он отметил, что чем дольше длился процесс генерации, тем больше циклов "луна-солнце" успевало пройти. Что-то в этом казалось ему неправильным, словно за этим движением скрывался смысл, который он пока не мог понять.

Через несколько дней Алекс случайно наткнулся на старую фотографию - его портрет, сделанный в прошлом году. Улыбающееся лицо молодого мужчины, полного энергии, смотрело на него с экрана телефона. Алекс долго разглядывал это изображение, ощущая острый контраст между этим человеком и своим отражением в зеркале. Ещё пару месяцев назад он выглядел иначе. Он потёр виски, пытаясь стряхнуть ощущение диссонанса, но мысль уже застряла у него в голове.

На следующий день Алекс привычно сидел перед экраном, пристально глядя на иконку ожидания, которая в очередной раз замерла на солнце. Ему нужно было понять, что происходит, и интуиция подсказывала, что ответы скрыты где-то в недрах программы. Он давно привык к компьютерам и основам работы софта, но алго-

ритмы не были его сильной стороной. Тем не менее, Алекс решил попробовать.

Открыв интерфейс программы, Алекс внимательно изучил вкладки настроек. На первый взгляд, всё выглядело стандартно: параметры качества изображения, выбор стилистических алгоритмов, библиотека текстур. Ничего, что могло бы объяснить его ухудшающееся самочувствие. Но затем он обратил внимание на малозаметную кнопку в правом нижнем углу экрана, на которой было написано "Журнал событий".

Кликнув по ней, Алекс увидел список логов - длинные строки данных, записанных программой во время работы. Вначале они показались бессмысленными: поток чисел, временных меток и системных сообщений, напоминающих отчёты отладочного режима.

"Время генерации: 17.4 сек", "Загрузка процессора: 42%", "Потребление памяти: 12 ГБ" - эти данные выглядели привычно и не вызывали вопросов. Однако среди них он заметил что-то странное: фразы, которые не имели никакого отношения к обработке изображений.

"Циклы восстановления завершены: 12".

"Адаптивный источник активен".

"Человеческий ресурс: синхронизировано".

Алекс нахмурился. "Человеческий ресурс?" Он прокрутил список логов вверх, пытаясь найти первые упоминания этих строк. Они начали появляться после генерации его третьей картины.

Чтобы получить больше информации, он решил извлечь файлы логов для более детального анализа. Однако тут он столкнулся с неожиданной проблемой: файлы были зашифрованы. Программа требовала авторизации администратора для доступа. Алекс нахмурился - он никогда не задавал пароль для этой программы, и у него не было представления, как обойти это ограничение.

Он вспомнил, что где-то у него должен был быть старый USB-накопитель с инструментами для работы с шифрованием. Нашёл флешку в ящике стола, перебросил с планшета на компьютер логи, вставил флешку в usb-разъём и запустил программу для дешифровки.

Через несколько минут программа выдала первый результат. Алгоритм шифрования был сложным, но не непреодолимым. Алекс смог извлечь файлы и открыть их в текстовом редакторе. Теперь перед ним был полный массив данных - бесчисленные строки, фиксирующие каждый шаг программы.

Его взгляд зацепился за очередную странную запись:

"Временная шкала: синхронизация завершена".

"Энергетическая корреляция: стабильна".

"Индексация субъекта: активна".

Сердце сжалось. Эти слова звучали как что-то гораздо большее, чем просто запись о работе алгоритма. "Индексация субъекта"? Кого? Себя? Алекс почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он продолжил искать. Среди множества строк он обнаружил, что каждая сессия генерации сопровождалась упоминанием "источника энергии", который почему-то нигде не был указан явно. Программа брала энергию не от компьютера, не из сети, а от чего-то другого. С каждой сессией "потребление источника" росло.

Алекс откинулся в кресле, ощущая, как его дыхание становится учащённым. Он не знал, что это значит, но понимал одно - программа явно использовала что-то большее, чем ресурсы машины. И он догадывался, чем это могло быть.

Алекс медленно поднялся из кресла, чувствуя, как напряжение внутри него сменяется неясной решимостью. Он оглядел свою студию: на столе всё так же лежал планшет, экран которого мерцал, словно ожидая следующего шага. "Если это

цена за величие, - подумал он, - возможно, оно того стоит".

В течение следующих месяцев его жизнь превратилась в бесконечный поток заказов и предложений. Картины, созданные с помощью программы, вызвали настоящий фурор. Влиятельные галеристы, коллекционеры и журналисты наперебой восхваляли его работы, называя их "новым словом в искусстве".

И вот он оказался в Нью-Йорке, в центре мирового искусства, где его имя звучит наравне с признанными мастерами. Аукционный дом Сотбис предложил включить его картину в одну из самых престижных коллекций. Алекс долго смотрел на приглашение, прежде чем решиться приехать.

Великолепный зал нью-йоркского филиала аукционного дома Сотбис утопал в мягком золотистом свете. Полированная мраморная плитка отражала тусклый блеск канделябров, а гул голосов напоминал шёпот моря. Богатейшие люди мира, собравшиеся в этом храме искусства, оживлённо обсуждали предстоящий лот. Мужчины в дорогих костюмах, женщины в вечерних платьях - все они пришли ради одного: прикоснуться к величию современного искусства.

Алекс сидел в заднем ряду, старательно избегая чужих взглядов. Художник нервно сцепил пальцы, наблюдая, как в зал выносят картины.

- Итак, леди и джентльмены, следующая работа - "Гармония хаоса", - объявил аукционист идеально поставленным голосом. Он снял драпировку с полотна, одновременно на экране появилась картина: бурное море и вставший на дыбы корабль. - Эта картина не просто шедевр. Это символ эпохи. Стартовая цена - пятьсот тысяч долларов.

В зале повисло напряжение. Несколько секунд никто не двигался, и Алекс почувствовал, как пот холодными каплями течёт по спине.

- Пятьсот тысяч, - произнёс мужчина в первом ряду, поднимая табличку.

- Шестьсот, - тут же добавила женщина в изумрудном платье.

Ставки начали расти, одна за другой. Миллион. Полтора. Два.

Алекс не мог оторвать взгляд от зала. Его сердце стучало, как барабан. Богачи, всегда казавшиеся небожителями, дрались за право обладать его творением.

- Два с половиной миллиона, - прозвучал голос мужчины в чёрном костюме. Он сидел прямо, словно солдат на параде, и его уверенность вну-

шала уважение.

- Три миллиона, - мягко, но решительно произнесла женщина в шляпе с широкой вуалью.

Зал ахнул. Даже аукционист замер на мгновение, прежде чем объявить:

- Три миллиона долларов! Продано!

Аплодисменты раздались по всему залу. Люди вставали со своих мест, хлопая в ладоши. Алекс чувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он хотел радоваться, но вместо этого ощущал лишь глухое опустошение.

- Поздравляю, дамы и господа, - сказал аукционист, возвышаясь над залом. - Сегодня вы стали свидетелями рождения новой легенды - Алекса Уиттмана.

Алекс медленно поднялся и направился к выходу. Вышел из яркого зала на улицу, вдохнул прохладный воздух и закрыл глаза. Где-то в глубине души он знал: эта победа станет лишь началом чего-то большего. И куда это приведёт, он не мог сказать.

Алекс долго глядел на мерцающие огни большого города. Машины проносились мимо, их фары рисовали световые дорожки в ночи. В кармане лежал чек - половина суммы, за которую была продана картина. Вторая половина отошла

галерее. Цифры казались нереальными. Алекс провёл пальцами по краю бумаги, пытаясь убедиться, что это не сон.

В следующие недели его жизнь изменилась. Имя Алекса Уиттмана было на устах всего мира. Газеты писали о "гениальном художнике нового поколения", галереи наперебой предлагали ему выставки, а богатые коллекционеры стремились заполучить его работы. Каждый новый контракт, каждая успешная сделка только поднимали его выше.

Он позволил себе роскошь, которую когда-то считал недосягаемой: апартаменты в престижном районе Джорджтаун, с видом на Потомак, кадиллак, целая коллекция дорогих костюмов. Всё это стало частью его новой жизни, обещавшей великие свершения.

Но с этим пришло и другое - обязательства, встречи, переговоры. В мире, где искусство становилось товаром, успех требовал больше, чем талант: им нужно было уметь управлять. Алекс всё чаще ловил себя на мысли, что роскошь стала не просто наградой, но и частью нового образа, который он создавал.

Показателем этого стали регулярные встречи с его персональным куратором - Джонатаном

Рейнольдсом. Это были не просто обеды, а возможность закрепить свой статус.

Алекс, облачённый в безупречно сшитый костюм от Бриони, вышел из своего нового автомобиля - сверкающего чёрного Cadillac Escalade. На запястье художника поблёскивали золотые часы Патек Филипп. Он направился к входу в эксклюзивный ресторан, где его уже ожидал Джонатан Рейнольдс.

У входа в ресторан Алекса встречал швейцар с безупречно выглаженным воротничком и ослепительно белыми перчатками. Он открыл массивные двери из тонированного стекла, приветствуя Алекса лёгким наклоном головы и вежливой улыбкой.

Взгляд Алекса скользнул по гигантским хрустальным люстрам, парящим под высоким сводчатым потолком. Их свет играл отражениями на лакированных деревянных панелях стен и мраморных полах, отполированных до зеркального блеска. Столы, покрытые кремовыми шёлковыми скатертями, были украшены композициями из свежих орхидей. Вдоль одной из стен протянулся подсвеченный мягким бирюзовым светом аквариум, в глубине которого шевелились морские обитатели. За роялем в углу сидел

музыкант, в котором, Алекс, к своему удивлению, узнал популярного в Сети пианиста. Между столами сновали чёрно-белые фигуры официантов с серебряными подносами.

Высокий менеджер в идеально сидящем тёмно-синем фраке с золотыми пуговицами проводил Алекса в приватную VIP-зону, где за столиком с видом на ночной город сидел Джонатан Рейнольдс, как всегда безупречно одетый.

- Алекс, рад тебя видеть, - приветствовал он художника, поднимаясь и протягивая руку.

- Джонатан, взаимно, - ответил Алекс, пожимая руку партнёра.

Они уселись за стол, и официант незамедлительно подал им меню в кожаном переплёте. После заказа изысканных блюд и редких вин, Джонатан начал разговор:

- Твои последние работы произвели фурор на рынке. Сотбис готовит специальный аукцион, посвящённый исключительно твоим картинам.

Алекс кивнул, ощущая смесь гордости и тревоги.

- Это впечатляет. Я не ожидал такого быстрого подъёма.

- Рынок сейчас на пике интереса к твоему творчеству, - продолжил Рейнольдс. - Коллекционеры

готовы платить любые суммы, чтобы заполучить твои работы. Если бы ты мог предоставить ещё несколько полотен, мы могли бы удовлетворить этот спрос и укрепить твою позицию на международной арене.

Алекс задумался, понимая, что каждое новое произведение даётся ему всё труднее.

- Я постараюсь, но создание каждой картины требует времени и сил.

Джонатан понимающе кивнул, делая глоток вина.

- Конечно, я понимаю. Но представь, какую вершину мы можем покорить вместе.

- Расскажите про эту вершину.

- Ты понимаешь, Алекс, - говорил Рейнольдс, едва касаясь своего бокала с красным вином, - твои работы не просто картины. Это вызов всей системе. Ты основал совершенно новый жанр живописи: весьма гармоничный сплав импрессионизма с гиперреализмом. Думаю, именно поэтому твои полотна вызывают такой ажиотаж.

Алекс кивнул, задумчиво проворачивая бокал с соком в руке.

- Возможно. Но меня всё же беспокоит... а что дальше? Не станет ли искусство, созданное подоб-

ным образом, слишком "идеальным", а значит, холодным?

- Парадоксально, но идеал может быть пугающе живым, - возразил Рейнольдс. - Взгляни на "Симфонию в бездне", твою работу, выставленную в Лондоне. Люди говорят, что ощущают её "пульс". Они видят в ней человеческую душу, которую, кажется, невозможно было бы уловить в традиционном искусстве.

Алекс улыбнулся, но в его глазах мелькнула тень.

- Интересно, а критики согласятся с вами?

Рейнольдс усмехнулся.

- О, критики, Алекс, это отдельная порода. Они хотят видеть в любом произведении нечто большее, чем оно есть. Их задача - создать легенду, а ваша - соответствовать ей. Вы же уже это сделали. Кстати, слышали новость о Кристофере Хейле?

- Да, арт-критик. Что с ним?

- Его тело недавно обнаружили. Опознали только по ДНК. Труп был мумифицирован.

Алекс почувствовал пробежавший по спине холодок, и сделал быстрый глоток вина.

- Это ужасно. Как это произошло?

- Полиция пока не разглашает деталей.

Пытаясь сменить мрачную тему, Джонатан

улыбнулся:

- Но есть и хорошие новости. Мы практически согласовали твою персональную выставку в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Это огромная честь и возможность.

Алекс не мог поверить своим ушам.

- Это невероятно.

- Да, и я думаю, что для открытия этой выставки нам нужен абсолютный шедевр, который переживёт эпохи.

Алекс почувствовал внутренний протест, но отступать было уже некуда.

- Я сделаю всё возможное, - произнёс он, встретив взгляд Рейнольдса.

Слова прозвучали твёрдо, но в глубине души Алекс был ни в чём не уверен. Когда Рейнольдс поднялся из-за стола, чтобы проститься, художник проводил его взглядом, а затем задержался в пустом ресторане ещё на несколько минут, обдумывая сказанное.

По дороге домой он едва замечал мелькающие за окном огни города. Мысли роились в голове, там было всё: груз ответственности, страх провала. В висках стучали слова Рейнольдса: *"Абсолютный шедевр, который переживёт эпохи".*

Погруженный в мысли, Алекс проехал апар-

таменты. Опомнился он уже когда подъезжал к старой студии в Ричленде, которую превратил в мастерскую. Войдя внутрь, Алекс даже не снял пальто. Он медленно подошёл к своему рабочему столу и огляделся. Это место, которое всегда было его убежищем, внезапно стало казаться клеткой.

Алекс провёл рукой по экрану планшета, запуская программу. Гаджет зажёгся мягким светом, осветив его лицо. Алекс сел, глубоко вздохнув, словно готовясь к прыжку в бездну.

Теперь это было неизбежно. Он должен был создать что-то, что не просто вдохновит людей, а останется в истории. Его пальцы застыли над планшетом. Первое слово, первый штрих должны были открыть дверь к этому шедевру.

Алекс смотрел в пустое поле для ввода текста. Это должно быть что-то большее, чем искусство. Что-то большее, чем он сам. Картина, которая станет лучшей. Он вспомнил слова бабушки: "Настоящее искусство всегда требует жертву. Только тот, кто готов отдать всё, сможет создать что-то, что переживёт века". Или она этого не говорила? Алекс с ужасом понял, что не помнит этого, словно кто-то освободил его разум от её мудрых, но мягких слов.

Он набрал запрос, тщательно продумывая каж-

дую деталь:

"Абсолютная безмятежность. Предел бытия. Момент, когда всё становится ничем. Смерть, но как акт освобождения. Человеческая душа, покидающая мир, в её последний миг покоя и красоты. Палитра - приглушённые тёплые тона, переходящие в глубокую тьму, но с проблеском света. Композиция - аллегория перехода, завуалированная образами природы и света".

Алекс назвал картину "Последний вздох вечности".

Он запустил генерацию. На экране появилась знакомая анимация: иконка луны медленно превращалась в солнце, затем снова в луну. Циклы сменяли друг друга, отражая, как медленно, но неумолимо уходит время.

С каждым пройденным циклом Алекс чувствовал, как его тело слабеет. Невидимая тяжесть сковывала грудь, пальцы дрожали, а зрение начинало расплываться. Но он не мог остановиться. Он буквально ощущал, как его жизненная энергия перетекает в эту работу, как будто он сам становился частью картины.

На второй день он перестал замечать ход времени. Свет монитора, казалось, стал его единственным ориентиром в темноте. На третий день

дыхание стало поверхностным, а пальцы еле слушались его, но он упрямо смотрел на экран. Алекс думал, что жизнь, превращённая в искусство, станет его бессмертием.

Когда генерация завершилась, Алекс увидел её. На экране возникла сцена, от которой невозможно было отвести взгляд. Нежный свет касался прозрачных силуэтов, уходящих вдаль, словно растворяясь в бесконечности. Взгляд зрителя устремлялся за ними, чувствуя одновременно тоску и умиротворение. Картина говорила о конце и начале, о страхе и надежде.

Алекс запустил принтер, потом попытался подняться, чтобы взглянуть на распечатанный холст, но ноги подкосились, и художник опустился на пол. Слабая улыбка скользнула по его губам. Он знал, что создал то, ради чего жил.

Перед глазами мелькнуло воспоминание - бабушкины руки, раскладывающие карточный пасьянс, её тёплый голос: "В конце всегда остаётся только то, что ты сделал для мира".

Франция. Лувр. 50 лет спустя

Просторные залы Лувра были залиты мягким светом, который пробивался сквозь высокие окна, отражаясь от мраморных стен и позолочен-

ных рам. В одном из залов, на стене из гладкого серого камня, висела картина, которая заставляла посетителей замирать. Она называлась "Последний вздох вечности".

От полотна захватывало дух. Картина изображала безграничный космос, заполненный спиральными галактиками, туманностями и кометами, которые пульсировали жизнью. В центре композиции находилась фигура человека, окружённая вихрем света и тени. Его лицо - наполовину скрытое тьмой, наполовину озарённое золотым сиянием - выражало одновременно страдание и экстаз. Руки человека простирались вперёд, растворяясь в потоках энергии, словно он отдавал своё существо бесконечности. Над его правым плечом тускло мерцал символ солнца, над левым - луны.

Самый завораживающий элемент картины - это глаза человека. Они были наполнены чем-то, что напоминало отражение самой души, пламя, которое медленно угасало. Грани света и тьмы переплетались в таком хаотичном, но идеально сбалансированном танце, что казалось, будто картина движется, дышит, живёт своей жизнью.

Перед полотном собралась группа студентов из Школы изящных искусств, главной художествен-

ной школы Парижа. Они внимательно слушали гида, элегантного мужчину в строгом чёрном костюме, с тростью в руке.

- Это шедевр Алекса Уиттмана, - говорил он глубоким, чуть хрипловатым голосом, - его последняя и самая знаковая работа. В ней художник выразил всю свою сущность, свои страхи, свою одержимость бессмертием через искусство. В последние месяцы жизни он стал настоящим затворником, полностью поглощённым созданием этой картины. Его гениальность была неразрывно связана с безумием. Уиттман верил, что каждая его работа отнимала у него годы жизни.

Толпа затаила дыхание, слушая его слова. Один из студентов, молодой человек с длинными тёмными волосами, нахмурился и поднял руку.

- Вы хотите сказать, что он умер... от веры в свою смерть? Разве такое возможно?

Гид посмотрел на него долгим взглядом, затем слегка улыбнулся и произнёс:

- Иногда то, во что мы верим, становится сильнее нас самих.

Эти слова повисли в воздухе, и группа молча смотрела на "Последний вздох вечности", словно пытаясь найти в нём ответ. Наконец, гид слегка постучал тростью по полу, прерывая тишину.

- А теперь, друзья, давайте перейдём к следующему экспонату.

Гид уверенно двинулся вперёд, его шаги были размеренными и тихими. На мгновение, когда свет упал на набалдашник его трости, стало ясно, что он выполнен в форме серебряного черепа ворона. Темноволосый студент, отстав от группы, бросил последний взгляд на картину, пытаясь уловить какую-то странность, неправильность. Ему это не удалось, и он последовал за экскурсией.

Елена Ермакова

Он сам

В том месте, совсем близко к дому, сигнал от металлоискателя был слабым, а я был очень уставшим. И всё-таки я решился сделать последний рывок и копнуть хотя бы на небольшую глубину. Лопата сразу же обо что-то звякнула. Увы, это был всего лишь камень, но под камнем что-то белело, и я, изумленный, извлек из рыхлой рыжеватой земли тонкую белую кисть, хрупкие кости детской руки, неведомо как там оказавшейся.

Копать дальше я не стал, последний азарт ушел вместе с лучами заходящего солнца. Я побрел к дому, осторожно неся на ладони странную находку. Дом, точнее половина деревенского дома, снятого на несколько дней, встретил меня запахом плесени и кофе, который я забыл утром в открытом термосе. В доме было всего две комнаты: кухня, которой я не пользовался, и спальня. Кормила меня за отдельную плату тётя Оля, хозяйка второй половины дома. Есть под Питером такие деревенские дома, которые с

самого начала, еще столетие назад строились на несколько семей, с отдельными входами.

Я оставил находку на кухонном столе, на полиэтиленовом пакете. Расспрошу соседку, не погибали ли в этих местах дети. В спальне занялся разборкой основных находок за день, драгоценных артефактов со времен войны и блокады, которые не только пополнят мою собственную коллекцию, но и принесут кое-какой доход, когда предложу их знакомым коллекционерам. Завтра скину фотки кому надо.

Я и сам не заметил, как несколько лет назад скатился в "черную археологию". Мир, который я любил - мир прошлого, раздираемого тайнами и противоречиями, - подернулся тонкой пленкой погони за деньгами. Я все меньше рассматривал находки с восхищением, все больше с точки зрения денег. Подземные глубины все реже навещали меня в снах, как это было в юности, когда я, как червь, вгрызался не столько в недра земли, сколько в недра проросшего историей подземного мира.

Я так устал за день, что ужинать не пошел. Не раздеваясь, рухнул на продавленный старый диван и провалился в сон. Проснулся от истошного, безумного женского крика.

Вскочил, включил свет. Дом был пуст. Вышел с фонариком на улицу. Ничего, предутренняя тьма и тишина. Постучал к тете Оле, та зашаркала к двери и сонным голосом спросила: "Кто там?". Я извинился и пошел к себе. Приснилось.

Но спать я больше не мог, допил вчерашний кофе и занялся находками, осторожно счищая с них землю, фотографируя и делая записи в блокноте. Ближе к семи утра пошел к тете Оле завтракать.

Пока шел от своего крыльцо к её, чуть не заплутал в утреннем тумане.

Тетя Оля уже хлопотала у плиты.

- Так ты что ж так рано вскочил сегодня? - спросила без осуждения, ставя передо мной оладьи, творог и варенье. Она была сухонькой, опрятной. Седая девочка.

- Простите, теть Оль, рвался к вам среди ночи. Стыдно сказать, меня крик женский разбудил. Сон приснился. Хотел убедиться, что у вас все в порядке.

Тетя Оля дернулась, отвернулась, встала, шагнула к плите.

- Женщина, говоришь, кричала? Вот и соседки мои в свою половину не приезжают, потому что звуки им чудятся.

- Какие звуки?

- Ты вот что, у нас тут на краю деревни звуков всяких много. Это я так сказала, сама не знаю зачем, - тетя Оля заговорила вдруг торопливо, словно пытаясь в чем-то убедить меня. Я догадался: она решила, что я могу испугаться и съехать из дома, а для нее деньги за снятый дом и за готовку важны.

- Я не из пугливых, теть Оль. Уезжать никуда не собираюсь. Раз деньги заплатил, в доме доживу. У вас тут места на железки богатые. Ну так что за звуки?

Меня разбирало любопытство. Уж очень правдоподобным был крик из моего сна. Любопытство к прошлому вдруг разом навострило уши.

- Моим соседкам, хозяйкам половины дома, где ты живешь, всё стуки в окна чудились. У нас тут, видишь, после войны случай страшный был. В сорок седьмом. Мне всего семь лет тогда было. Мальчик гранату в лесу нашел и подорвался на ней. Так вот этот мальчик братом моих соседок был. Его всего покалечило и руку оторвало. Так без руки его в гроб и положили. Вот моим соседкам все и чудилось, что Гошина рука к ним в окно стучится. Да только это сказки все, конечно. Мальчишки из деревни балуются, стучат и кричат.

Почему я не сказал тете Оле, что нашел детскую руку недалеко от дома? Я промолчал. Подумал - не может быть, чтобы это была рука из пятидесятых двадцатого века. Та рука давно слилась с землей.

- А соседки давно из дома уехали? - спросил вместо этого.

- Они и раньше-то после смерти матери не особо часто приезжали. Так, на лето иногда. Кое-что сажали, урожай с деревьев снимали. Но все наскоком. Потом уж мне признались, что стук им со смерти матери чудиться стал. А умерла она в восьмидесятых. Я за их половиной дома с тех пор присматриваю, а доход со сдачи дома делим. Они старые уже, как и я, но бодрятся. Я с ними с детства дружу и с Гошей дружила.

День мне предстоял долгий, я уложил рюкзак, прошелся по дому, убедился, что все окна заперты. Но документы и ключи от машины в доме не оставил, мало ли что. Подошел к руке.

- Может, ты все-таки Гоша? - зачем-то сказал вслух.

В доме мигнул свет, и мне стало не по себе. Ужасняк какой-то, подумалось.

На душе было мутно, пока не вошел в лес, начинавшийся почти сразу же за домом. На самой границе леса остановился и оглянулся на дом.

Улица выстелена туманом. Наверное, потому что она лежит в низине, остальная деревня выше, на холме. Дом почти не виден, зато корявые ветки старых яблонь вылезают из тумана как змеи.

День прошел бесплодно, в отличие от предыдущего. Так, кое-что по мелочи, но в общем на сей раз мир прошлого оставил меня в дураках. Возвращаясь, я нырнул в сырой туман, который так и держал дом под колпаком. По дороге зашел к тете Оле и предупредил, что буду ужинать.

На пороге, не входя в дом, сбросил сапоги и прошелся по комнате и коридору. Старые-престарые обои выцвели настолько, что и рисунка было уже не разглядеть. Кое-где на обоях белели пятна от фотографий. В самом углу комнаты, между диваном и окном, стоял картонный ящик, единственное, что еще не увезли из дома старушки-владелицы.

Присел на корточки перед вчерашними находками, разложенными на полу, и вздрогнул. Среди находок лежал листок из моей записной книжки, на котором моим розовым маркером было выведено "Он сам". Сама записная книжка лежала на диване, на том же месте на котором я ее оставлял утром. Рядом ручка, карандаш и маркер.

Я быстро прошелся по дому, проверяя окна. Все

заперто. Похоже у соседских мальчишек были от дома ключи. Кто-то из них пробрался в дом и зачем-то намалевал записку. Почерк был явно детским, буквы прописными. Я снова обошел весь дом, проверил свои вещи. Ничего не пропало, все было на местах.

Проходя мимо кухни, бросил взгляд на стол. Рука белела в полутьме. Отогнал странную мысль. Да ну, не может быть.

В дверь постучали. Тетя Оля.

- Ужин стынет.

- Теть Оль, вы без меня сюда не заходили?

- Нет, милый. А что?

- Ничего.

И снова я ничего не сказал старушке. Ну ладно, предположим записку написали соседские мальчишки.

Но аппетит у меня пропал. Ужинал я у нее на кухне из вежливости. Все-таки соседка старалась.

- Теть Оль, у вас ключи от дома никогда не пропадали? Или у хозяек моего дома?

- У меня нет, а у них не знаю. Так что, исчезло у тебя что-то?

Старушка всполошилась.

- Все в порядке, теть Оль. Это я так спросил, на

всякий случай.

По крайней мере, мальчишки ничего не украли. Ну, написали какую-то глупость. Плевать. Но одна мысль засела у меня в голове и не хотела оттуда уходить.

- Так что, теть Оль, расскажете мне про Гошу? Каким он был?

Тетя Оля заметно вздрогнула и какое-то время молча смотрела на меня.

- Вот не думала, что ты о нем спросишь. Гоша хороший был мальчик. Добрый, веселый. И смелый.

- Смелый?

- Ну да. Страшно мне вспоминать те годы. Как во сне было. Снится часто, наяву хочу вспомнить, а как будто не могу. Как камень на сердце лежит. Но раз уж ты войной интересуешься, расскажу тебе кое-что. Может, полегче мне станет.

Я кивнул.

- Гошиного отца на войну сразу в сорок первом забрали. Гоше был годик или два тогда. Его младшие сестры-близняшки, соседки мои, родились в первый год войны, уже как Гошин отец в армию ушел. Когда Гошин отец про близняшек узнал, решил, что не его они, что жена их без него нагуляла, хотя Гошина мать клялась, что забере-

менела от мужа сразу перед его уходом на фронт. Писать он перестал. Гошина мать поплакала и забыла о нем, надо было с тремя детьми выживать. А он в сорок седьмом явился. Весь в орденах, но грязный, больной, тощий. И пил. Пил страшно. Как напьется, ходит по деревне и клянется, что жену убьет, потому что она ему изменяла, пока он фашистов бил. Гоша от него близняшек прятал, когда он особенно лютовал. Но самый страшный случай позже случился.

Тетя Оля села на стул, положила руки на колени. Потом схватилась за косынку на голове, потянула так, что косынка сползла на плечи. Уронила руки.

- Однажды Гошин отец пьяный стал ломиться ночью в дом, а дверь заперта была. Я и моя мама проснулись, за стеной ведь у нас все это. Мама молитву шепчет, меня к себе прижимает, пока Гошин отец крушит дверь топором в их доме. Потом слышим, Гошина мать говорит, "Открой, сынок. Он же отец. Если откроем, он нас пощадит. А не откроем, убьет". А Гоша ей в ответ: "Не открою. И тебе не дам". И так мне страшно стало, была бы я на Гошином месте, обязательно бы открыла, только бы прекратить этот стук топора. Пусть бы уж лучше открыть дверь и умереть, чем вот так

сидеть и ждать. Очнулась я уже только утром. Мама завтрак готовила, сказала, что Гошин отец так и ушел, не солоно хлебавши. Дверь не поддалась. После той ночи Гошин отец в семью уже не возвратился. Но я ту ночь никогда не забуду. Страшнее не было ничего в моей жизни. Разве что Гошина смерть. А умер он через неделю после того. Мы все на тот взрыв прибежали. Гоша был весь в крови. Но живой еще. Мать его страшно закричала. И знаешь, он от этого крика открыл глаза, посмотрел на нее, сказал два слова, что-то еще хотел сказать, но не смог, глаза опять закрыл и умер.

Тетя Оля торопливо смахнула слезу. В этот момент она еще больше стала похожа на девочку. Несчастную, перепуганную и очень грустную.

- А что он сказал, тетя Оля?

Старушка покачала головой.

- Не помню. Подожди. Вспомнила. Мы все с мамой тогда думали, что бы его слова могли значить. "Он сам".

- Он сам?

- Да, так он и сказал, "Он сам".

Он сам. Накарябанные маркером слова. Я торопливо встал из-за стола, попрощался с соседкой и пошел к себе.

Туман вокруг дома был почти непроглядным и мне все время казалось, что вот-вот за домом раздастся истошный женский крик из моего сна, крик матери, которая увидела умирающего сына.

Раскрыв дверь на свою половину дома, я застыл на пороге. Весь коридор был усеян страничками из моего блокнота с двумя словами. Он сам. Он сам. Он сам.

Я вошел в кухню и включил свет. Рука лежала там же, где я ее оставил.

- Гоша, что значит "он сам"? Что ты хочешь мне сказать?

После рассказа соседки я уже не сомневался, что рука была Гошина. Я так и думал, что свет мигнет, поэтому не удивился и не испугался.

- Дай мне знать больше.

Свет во всем доме неожиданно стал тусклым, задрожал. Потом и вовсе погас. А я вдруг понял, что Гоша, так же, как и я, блуждает во тьме. Он не знает, как донести до меня то, что запомнил в момент своей смерти, а без этого ему не уйти из жизни. Ему нужно было быть услышанным. В том моменте было что-то страшное, что держало его, не давало обрести покой. Он был между двумя мирами, существовал в том последнем

измерении, которое отделяет жизнь от смерти.

Откуда ко мне пришли эти мысли? Но кем бы они ни были навеяны, я в них не сомневался. Я был уверен, что Гоше нужна помощь.

- Хорошо, Гоша. Давай попробуем снова.

Свет вернулся.

- Ты помнишь, как нашел гранату?

Свет погас.

- Не помнишь. Понял.

Мне не хватало какого-то звена. Или нескольких.

- Гоша, я ведь почти ничего не знаю. Должно быть что-то еще, что ты запомнил в тот момент. Что-то тебя держит, не дает тебе покоя. Давай так. Дай мне ночь подумать. Верни свет в дом.

Свет вернулся, я лег на свой диван, подложив подушку под голову. Интернета в доме не было, поэтому надеяться на то, что я смогу уточнить какую-то информацию о детях, которые подрывались на гранатах после войны в Ленинградской области, я не мог. Я знал, что такие смерти были там чаще, чем в других областях, но ничего точнее вспомнить не мог.

Часа два я вертелся на диване, все больше убеждая себя, что сошел с ума. Перебои света в доме принял за разговор. Глупые шутки соседских

мальчишек за письма с того света. И все-таки свет на ночь я выключать не стал. Рядом со мной в доме кто-то был, все мои чувства были обострены, испуган я не был, но мне было очень не по себе.

Под утро я провалился в сон, очнувшись, сразу же сел, опустил ноги на пол. Прямо перед диваном лежала старая желтая фотография. Кто-то копался, пока я спал, в картонном ящике со старьем, одна из его створок была открыта, там виднелись старые фотоальбомы. На фото был мужчина в военной форме и орденах, женщина с двумя одинаковыми маленькими девочками на руках. Мальчик лет семи, худой и большеглазый. У мужчины лицо было все испачкано розовым маркером. Отец Гоши. Разглядеть это лицо было невозможно под слоем краски от маркера, которым много раз провели по фотографии. Оно было почти стерто.

Я чувствовал, что отгадка странных Гошиных слов где-то рядом, протяни руку - достанешь. Эта жутковатая игра меня захватила, хотел я того или нет, верил в Гошин призрак или нет.

У тети Оли я сразу же приступил к делу.

- Тетя Оля, говорите, Гошин отец после смерти сына исчез?

- И что тебе Гоша покоя не дает? Ты ведь им не

родственник, у них и родни-то не было, - тетя Оля смотрела на меня испытующе. Видимо, память о тех днях была ей дорога, раз не хотела доверять ее чужому человеку.

- Меня прошлое интересует, я коллекционер. И ... мне жалко Гошу, тетя Оля.

Как мне еще иначе было объясниться перед соседкой? Она кивнула.

- Гошин отец появился после Гошиной смерти всего один раз. На похоронах. Сильно пьяный. Прыгнул в могилу, крышку с гробы откинул. Кричал, что Гошина мать сама Гоше гранату дала, чтобы убить сына из ненависти к нему. Что так она своего мужа со свету сжить хотела, истребить его род.

- И вы ему поверили?

- Кто-то, может, и поверил. Но не мы с матерью. Мы-то видели, как она по Гоше убивалась.

Как люди могли поверить, что мать сама могла дать сыну гранату? Сама ...

Я вскочил со стула и сказал, что вернусь через пару минут. Мне надо было побыть одному. Двор сразу же запеленал меня сырым туманом, который, казалось, поселился на улице навечно. Но мне было не до тумана. Меня мучила эта фраза: она сама. Сама дала сыну гранату. Как в пропи-

том, воспаленном мозгу Гошиного отца могла зародиться такая мысль?

Громко, над самым ухом крикнула ворона, и я вдруг вспомнил, что когда-то читал, будто преступники часто приписывают жертвам собственные побудительные мотивы и поступки. Неужели...

Я почти вбежал в дом.

- Тетя Оля, а Гошин отец когда-нибудь грозился убить Гошу?

Соседка застыла над чашкой с чаем. Потом медленно-медленно подняла на меня глаза.

- Зачем ты старое бередишь? Что теперь это изменит?

- Изменит, тетя Оля. Вспомните, что Гошин отец кричал в ту ночь, когда в дом ломился.

Тетя Оля смотрела на меня, не отрываясь.

- Я и в детстве-то не помнила, так мне страшно было. А ты хочешь, чтобы я сейчас вспомнила.

- Хочу, тетя Оля.

Она моргнула и заговорила быстро, почти шепотом.

- Может, и вправду лучше вспомнить. Освободиться. Я тогда думала, что спала, но все равно слышала. Но как вспомнить-то?

- Вы не помните, потому что не могли поверить

в то, что слышали. Дети помнят то, что понимают. А вы не понимали ту ненависть.

- Не понимала. Как можно так про своего сына и жену!?

Теперь у нее по щекам катились слезы.

- Он кричал, "Вы предатели, фашисты. В родной дом не пускаете. Убью вас". А потом, "Мой родной сын гонит прочь, а ведь я за него воевал. Предал меня, предал, предал".

Я положил руку на ее маленькую руку, похожую на птичью лапку.

- Спасибо, тетя Оля. Спасибо, что сохранили эту память. Поеду я скоро. Скажите мне, где Гоша похоронен.

Она сказала. Его мать и он сам были похоронены на деревенском кладбище, и тетя Оля его часто навещала, так же, как и его сестры. Его помнили и любили.

Когда я вышел на крыльцо, туман, наконец-то, раздернулся, и сырое утро вступило в свои права. Я поставил машину прогреваться и пошел в дом.

Гошина рука дожидалась меня на кухне.

- Мы на кладбище поедем, Гоша. Похороню тебя рядом с мамой, - сказал я ему. - Это твой отец тебя убил, Гоша. Уж не знаю, откуда у него была граната, но он ведь военным человеком был, как-то

раздобыл. Не знаю, бросил он в тебя гранату или дал тебе и показал, как ей пользоваться. Этого мы никогда не узнаем. Люди и подумать не могли, что такое возможно. А дети в те годы часто в этих местах на гранатах подрывались, так что твоему отцу все сошло с рук.

За моими словами ничего не последовало, и я понял, что Гоша слушает.

- Ты помнишь крик своей матери, помнишь, как хотел договорить, но не успел. Ты хотел сказать, что это он сам тебя убил, Гоша.

И снова ничего в ответ. Но за окном каркнула ворона, и я решился сказать самое главное.

- Гоша, твой отец был больным, сумасшедшим. И еще. Для него война никогда не кончалась. Никогда. Вот так. Мне очень жаль.

Я осторожно взял Гошину руку, положил в пакет и отнес на пассажирское сиденье в машине. Быстро забросил в багажник остальные вещи и попрощался с соседкой. На кладбище легко нашел могилу и вырыл для руки маленькую яму рядом с памятником. Я не знал, что еще сказать Гоше, а потому ничего не сказал.

Помню, что из-за сырого леса вышло, наконец, солнце, и я принял это как добрый знак. На сердце у меня полегчало. Что-то важное случилось, и это

касалось не только Гоши, но и меня. Подземный мир дал мне последний шанс, и я принял его. Я был внутри времени, не снаружи, я был частью происходившего. Пусть ветер, который разбудил меня, был холодным и подземным, но он дул в лицо, и сквозь его жесткие порывы я видел мир настоящим.

Ольга САЖИНА

Откройте теорию относительности

Посвящается городу Неаполю.

Маятник напольных часов оглушительно щелкнул и остановился. Перебирая тяжелыми со сна ногами, я медленно втащил на кровать одеяло, сброшенное от невыносимой жары, и протер глаза. Раскаленный диск солнца над широкой дугой залива уже подернулся густой красной дымкой, выхватывая темный силуэт тупого крокодильего носа - острова Капри. К острову тянулась узкая коса Сорренто - восточной оконечности подковообразного залива. Скоро темная полоска "страны лимонов" заиграет желтыми огоньками, а остров кошек и цветов ответит ему разноцветной огненной россыпью.

Сиеста закончилась. Каменные стены двухметровой толщины моей скромной комнатки, одной из сотен в громаде древней Обсерватории, медленно остывали. Скоро станет холодно - здесь, на горе, холод обрушивается стремительнее кометы. По углам в запыленных нишах потихоньку

собирались сумерки, и широкие листья огневки уже начали свою работу: гладкий каменный пол покрылся легким муаром нежно розовых бликов. Я привычно взглянул на крышку заваленного бумагами секретера, но Фламмы там не было, зато уже появились четыре полусонные фуоки и неторопливо расползлись по стенам. Три уверенно светили ровным оранжевым, топорща восьмилучевые усики. Одна же покрылась густо-фиолетовым, почти сливаясь с настенной картой звездного неба; вместо того, чтобы занять свое место в широкой латунной лунке возле потолка, она как-то боком стала продвигаться к окну. Наверное, опять мало пила. Я отодрал от стены почти добравшуюся до окна фуоку и положил ее в блюдечко с оставшимся от ужина кьянти. Фламмы по-прежнему не было.

Разыскав на полке вчерашние макароны, я выложил на сковороду слипшуюся массу, поставил ее на перекрестие слюдяных крылышек вуггуна и щелкнул его по носу. Вуггун чихнул и опрокинул сковороду. Все содержимое вывалилось на пол. Porca Madonna! Фуока блаженно дремала в сухом блюдечке, на ее фиолетовой хитиновой спинке сияли оранжевые полосы. Вуггун виновато косился на меня рубиновым глазом, его крылышки,

нагреваясь, тоже становились рубиновыми. Наконец объявилась Фламма и полезла ко мне на колени, приглашая почитать, но мне было не до книг. Я посадил ее на полку, где она обиженно замигала синим, распустив все четыре крыла. Я был голоден и зол.

Сунув в карман часы и радостно взблеснувшую изумрудным Фламму, я накинул теплый плащ и отправился в пиццерию, очень рассчитывая на то, что Антонио уже разогрел печь. Кальмары у него закончились еще на прошлой неделе, ведь Джузеппе работал теперь у старика Бруно и ходил в море только по четвергам. Видимо, все дело в Марии, внучке Бруно. Но как бы оно там ни было с этими кальмарами и с внучкой Бруно, свою пиццу "маргариту" со свежим базиликом я все же надеялся получить.

Оглушительно стрекотали цикады. В темных шапках пальм возились просыпающиеся летучие мыши. Воздух был упоительно прохладен, напитан сладковатым ароматом магнолий.

По узким ступеням высокой каменной лестницы я спустился во внутренний дворик. Миновав увитую плющом арку и вечно распахнутую замшелую калитку, по еще одной лестнице, только гораздо более широкой и удобной, я поднялся

к центральному зданию Обсерватории, мимо тихонько бурлящих фонтанчиков и зарослей агавы. А потом, обогнув молчаливое здание, поспешил вниз, по мощеному крупным булыжником серпантину мостовой, прямо к воротам, разделяющим Обсерваторию и Город. Осмелевшие мыши носились над головой. "Ужинают", - подумал я, невольно ускоряя шаг. Под горку было приятно идти таким вот быстрым пружинистым шагом. По правую руку высилась глухая стена Обсерватории, а по левую, за глубоким обрывом, расстилался пестрый многоярусный Город. Крыши уже не пылали на солнце, но и система огней еще не была приведена в действие - редкие минуты сумерек. Я миновал зеленый двухэтажный домик сеньора директора. Окна были еще темными, но на крылечке в ожидании обеда уже расположились кошки. Последний поворот, круглый каменный зал амфитеатр под открытым небом с тяжелыми кольцами в стенах, для лошадей, и привратник, толстяк Фортунато, открывает передо мной ворота.

- Buona sera, - широко улыбается Фортунато, шипяще произнося последнее слово, что свойственно коренным обитателям Города. Белые зубы сверкают на хитром смуглом лице, - Buona

sera, сеньор Маурицио.

- Buona sera, Фортунато, - улыбаюсь в ответ я. Именно привратник научил меня, что в Городе принято желать доброго вечера, начиная с двух часов по полудни. До сих пор не знаю, почему. Может, он пошутил?

- Как дела в Венеции? - спрашивает он сквозь решетку, запирая за мной двери и задвигая тяжелый засов.

- Говорят, снова дожди. - Я не был дома уже почти пять лет, с тех пор как директор Обсерватории пригласил меня наблюдать кометы. Сеньор директор, как и все просвещенные люди нашего времени, любит кометы и еще очень любит кошек. Кошек я не люблю, но кометы, в особенности вопрос об их цвете, всегда интересовали меня. Особенно после скандальной истории с флорентийскими Фонарщиками. Сеньор директор - консерватор, он не верит в Фонарщиков, считая все это чьей-то глупой шуткой. Я люблю кометы, но к Фонарщикам тоже отношусь подозрительно.

Антоний встретил меня на пороге своей пиццерии. Его заспанное мятое лицо навело меня на мрачные мысли.

- Может, сеньор желает вчерашней пасты?

- зевнул хозяин.

Из-за его спины на меня с любопытством косился антониев вуггун, холодный, как прибрежные камни... Сеньор вчерашних макарон не желал! Я дернул щекой и ушел.

Улицы оживали. Мимо промчался мальчик лет десяти, за ним с удивительным проворством подпрыгивала толстая женщина в цветастом платье с небрежным вырезом, открывавшим шею и широкие полные плечи. Она поймала мальчишку за ухо.

- Вы только поглядите на этого поганца! - заорала она. - Пьетро, паршивец, сколько раз я говорила тебе не шляться в доки!

Из-за пазухи паршивца Пьетро на мостовую выскользнули несколько толстых темных брусков с неровными краями. Это был колотый шоколад. Его можно достать только в порту, у моряков, приходящих из Бразилии. Только вот можно и не найти дорогу обратно, заплутав в узких портовых улочках. Опасное это дело. Каморра не пощадит и сопливых пацанов, шныряющих там, где не надо. Даже бесстрашные сицилийцы обходят стороной районы каморры. Хорошо, что Фортунато в первый же день моего приезда представил меня самому сеньору Брунелло и его людям. Дво-

юродная сестра Фортунато замужем за внучатым племянником сеньора Брунелло.

- Выпори его как следует, Мария, - посоветовала булочница, старшая дочка Джузеппе, продавца сыра, стоявшая в дверях своей лавки.

- Отдай его в матросы! - крикнула с балкончика второго этажа другая женщина, сеньора Флора, - и тут же заорала через улицу: - Фабио, Фабио, твой кузен, кажется, искал толкового мальчишку на свой "Светлячок"!

- Как же, толковый! - Толстая Мария снова отвесила затрещину тихонько подвывавшему Пьетро. Он размазывал грязными кулачками слезы, с невыразимым отчаянием глядя на валяющиеся в пыли плитки шоколада. Мария дернула его за руку и поволокла куда-то вниз, в переулки. Булочница затеяла разговор с Анной о ценах на зелень. Фабио дремал на стуле у входа в лавку жестянщика.

С наступлением сумерек по мере того, как зажигались все новые и новые огни, Город как будто становился больше - и выше, и шире, и глубже. На западе сеть огоньков уходила вверх, по холму святого Эльма к старинной крепости, петляя среди каменных заборов и насыпей, на северо-востоке - по пологому склону Каподимонте,

мимо величественного собора Пресвятой Девы Марии, мимо королевского дворца со статуями из Помпей и Геркуланума, и мимо королевского парка прямо к венчавшей гору Обсерватории. От роскошного светлого Вомеро - района богачей и центра лучших в мире шоколадных лавок - огоньки расползались вниз, в бедные районы. За сотню ливров там вполне можно снять угол на ночь, только свет в нижней части Города уже совсем другой, ни фуок, ни вуггунов там не найти. Вдоль узких грязных улочек - только груды тусклых камней из долины Сольфатары, воняющие серой. В доках тоже пахнет серой, и еще больше - рыбой и морем; причалы озаряются неровным бледно-зеленым светом развешенных гирляндами морских обитателей.

Мимо огромного сияющего девственной белизной купола собора Пресвятой Девы Марии, я спускался к площади Данте. Ленивое ничегонеделание сменялось суетной активностью - вынужденные сдерживать во время огнедышащей сиесты буйный темперамент люди получили в свое распоряжение долгие часы прохлады. Я пару раз привычным движением хлопнул рукой по карманам, отгоняя не в меру прытких охотников до чужих кошельков. Множество их шныряло

посреди шумной говорливой толпы. Одетые в пестрые полосатые халаты негры - продавцы фиников и безделушек из дешевого дерева - орали зычными голосами и переговаривались между собой непонятными гортанными возгласами. Они раскладывали свой товар прямо на мраморных ступенях древних дворцов. Каменные свидетели канувшей в небытие славы древнейшего Города бывшей некогда величайшей империи становились местом торговли. Жители давным-давно устали от обременительной славы властителей мира и теперь просто жили. Один за другим открывались шоколадные лавки и всевозможные кафеенки и пастичерии, с горами пирожных в витринах.

И все ярче и ярче разгорались огни над Городом. Я испытывал легкое чувство зависти. Даже моя Венеция уже не могла соперничать с таким количеством огней... Чем-то, видимо, не приглянулся отцу Родгеру город на сваях. Может, оно и правильно - где еще властвовать огням, как не здесь, в Городе, поблизости от Везувия и Campi Flegrei - Полей Огня, в том самом месте, где по легенде Одиссей спускался в царство Аида. Кто бы мог подумать, что всего каких-нибудь двадцать лет назад Город освещался практически только

унылыми огнями камней долины Сольфатары. Город рыбы и серы - вот чем он был двадцать лет назад. Конечно, теперешний Город - заслуга не одного только отца Родгера. Просто именно ему принадлежит две наиболее протяженные сети огней - Flamma Colorata и Flamma Variegata. Первая охватывает весь холм святого Эльма, а вторая - площадь Данте и ближайшие окрестности. И, конечно, именно отцу Родгеру принадлежит освещение Аппиевой дороги, до самой королевской резиденции в Казерте.

А вот во Флоренции всегда отдавали предпочтение Мертвым Огням. Скорее всего, из-за золотого моста на Арно. На Мертвых Огнях и только на них так неповторимо блестит золото, для которого важна однотонность и неизменность света. Флорентийцы презрительно именуют творение отца Родгера рождественской елкой - впрочем, этих банкиров ничего кроме золота не интересует. Именно Флоренция - родина Фонарщиков, этого загадочного сообщества, пытающегося доказать, что Мертвые Огни тоже имеют цвета и оттенки. Не иначе, масоны.

Спустя час неспешной ходьбы я уже вошел в круглый двухъярусный зеркальный зал "Империала".

- Buona sera, сеньор Маурицио, - улыбнулся мне хозяин.

- Buona sera, Альвио, - улыбнулся я в ответ, - один капучино без сахара.

В углу я сразу же заметил нового посетителя. Он умостил на коленях широкий планшет со стопкой бумажных листов и цветной пастелью рисовал сидящую напротив кошку в голубом чепчике.

- Господин Хайао Миядзаки, - шепнул мне на ухо Альвио, - странный он. Рисует много-много раз одну и ту же кошку, но каждый раз немного повернутую, или с чуть другим положением лап. Как будто пытается нарисовать движение.

Кошка зевнула и, потеребив ленточку чепчика, сбила его на ухо.

- Знаете, кто сегодня здесь? - снова зашептал мне в другое ухо Альвио, заговорщически перегнувшись через стойку. - Сам отец Родгер!

- О... - только и смог сказать я, мгновенно потеряв интерес к господину Хайао с его кошкой.

Хозяин дернул бровями, указывая мне на узенькую винтовую лестницу, ведущую балкончик, опоясывающий зал "Империала". Я без слов устремился туда.

Отец Родгер сидел за столиком, разложив перед

собой разобранные механизмы часов, и сосредоточенно в них копался. Его длинные тонкие пальцы двигались с завораживающей точностью и проворством, как лапки молодой фуоки. У него был длинный нос с импозантной римской горбинкой, выступающий вперед острый подбородок и напряженно сжатые в ниточку тонкие бесцветные губы.

Рядом с ним сидел смуглый курчавый человек с очень живыми блестящими глазами. Он аккуратно подавал отцу Родгеру малюсенькие часовые отвертки.

- Вечер добрый, отец Родгер, - робко сказал я. Он оторвался от своей работы и с неудовольствием поднял на меня большие бесцветные глаза. Моя восторженность несколько покоробила его.

- Добрый, - буркнул он. Такое надменное лицо могло принадлежать только жителю Вечного Города. Вообще, римляне редкие гости здесь, так далеко на юге Италии.

- Простите, что мешаю вам, отец Родгер... - Я робко представился. - Работаю в Обсерватории по приглашению сеньора директора. Я... я просто не мог не выразить вам своего восхищения!

- Ну?..

Блеклые глаза смотрели на меня в упор.

- Своего восхищения... - неуверенно повторил я, как-то потерявшись под его колючим взглядом. Подумать только, мне посчастливилось встретить самого отца Родгера! Ну уж теперь я отсюда никуда не уйду, до последнего боя часов. И я присел рядом.

Фламма вылезла из моего кармана и, перебирая тоненькими цепкими лапками, осторожно вскарабкалась по плащу мне на плечо.

- Держишь на тосканском кьянти? - спросил отец Родгер, быстро окинув ее взглядом. - Почему не на "Фалангине"?

- От местного она все время спит. Южное вино слишком сладкое.

- Глупости! - отрезал римлянин. - Просто избаловали их нынче донельзя!

Некоторое время отец Родгер молча копался в часовых механизмах. Я счастливо сидел рядом. Часы "Империала" пробили полночь. В тот же миг за окнам ярко вспыхнуло - вступила в действие последняя часть Flamma Variegata. Отец Родгер прервал непонятную мне работу и посмотрел в окно.

- Цветных огней множество, - изрек он задумчиво. - Начиная от темно-фиолетовых и почти черных, свойственных подземным жужелицам-

псевдолайтам, и заканчивая ослепительно-белым вуггунами, живущими у подножья Везувия, и морскими пурпурными крессами, и сзвентасами, летучими рыбами Залива, которые освещают всю портовую часть Города. Но вот от чего зависит их цвет? - Отец Родгер требовательно смотрел прямо на меня.

- Они меняют цвет в зависимости от вида, размера и возраста. И от сорта винограда, конечно, - Я говорил вещи, известные каждому ребенку. - А если речь идет о горящих камнях, то всем известно, что свои цвета они берут от жара Везувия или Полей Огня и хранят его - не так долго, как живые существа, но на один зимний сезон вполне хватает. А цвет их зависит от того, насколько близко к источникам истечения лавы их находят...

- "Всем известно"! - хмыкнул отец Родгер. - А что столь ученый юноша скажет об изменении цвета Мертвых Огней?

- Они не меняют цвет, на то они и Мертвые Огни. А флорентийцы...

Отец Родгер досадливо махнул рукой, перебивая меня:

- Этим флорентийским ростовщикам никогда ничего не интересно! - раздраженно сказал он. - Более того, они мешают другим исследовать

этот вопрос, потому как это может сказаться на ценах на золото.

- Так вы говорите о вымыслах Фонарщиков?

Я вспомнил скептическую усмешку сеньора директора. Видимо, ее тень отразилась на моем лице, потому что отец Родгер нахмурился.

- Не о таких-то уж вымыслах, как тебе кажется. Четырех Фонарщиков видели в Болонье и Пизе полгода назад, - сухо сказал он, - а не далее, чем в прошлом месяце мой добрый друг Джованни, - он кивнул на своего спутника, - видел одного в Венеции, прямо на площади Сан-Марко перед дворцом Дожей.

- Огонь Фонарщиков, который они крепят на четырех коротких мачтах своих экипажей, сродни огню камней Везувия, только в отличие от них он чисто белый, - сказал Джованни.

- Но самое интересное, - подхватил отец Родгер, его бледные глаза разгорались как крылышки вуггуна, - когда такой экипаж движется прочь от тебя, то огонь становится чуть красноватым. Когда же он движется навстречу тебе - чуть синим. Свидетелей становится уже слишком много, чтобы списать это все на случайность или расстройство зрения.

- Почему так? - озадаченно спросил я. С откры-

тием новых стеклодувных мастерских в Венеции на зрение теперь действительно мало кто жаловался.

- Не знаю, - пожал плечами Джованни. - Все происходит так, как будто свет зависит от скорости движения. Понимаешь, свет зависит не только от того, из чего сделан источник, но и от его скорости! И только Господь знает, от чего он может еще зависеть!

Мы помолчали. Я подумал, что, окажись отец Родгер прав, не понадобилось бы столько кьянти, чтобы сделать старую фуоку голубоватой, - впрочем, что за толк от нее в бешено мчащемся экипаже?

Отец Родгер собрал последние часы. Перед ним на столе лежали три совершенно одинаковых простеньких циферблата в крепкой, но не лишенной изящества оправе.

- И вот что я еще думаю, - отец Родгер снова смотрел прямо меня, - огромное множество часов по всей Италии измеряет время - струйкой песка, качанием маятника, точной работой связанных воедино колесиков... но все часы измеряют одно и тоже - время. Разве не означает это, что время есть сущность, не зависящая от того, что ее измеряет? Есть часы без стрелок и циферблатов.

Важен их ритм, их ход! Человеческое сердце тоже могло бы служить часами, не будь оно подвержено ускорениям и замедлениям... Часы с разболтанными шестеренками - плохие. Они постоянно ломаются, спешат или отстают. Часы мастера идут долго и равномерно. Время везде одно и то же, просто чем совершеннее носитель, тем точнее мы его измеряем. А что может быть совершеннее Божественного Света? - голос отца Родгера зазвучал почти благоговейно. - Что может быть совершение часов, механизм которых суть лишь свет и больше ничего?!

- Но как сделать стрелки и циферблат из света? - не сдержал я удивленного вопроса. Уж проще набить фуоками экипажи Фонарщиков.

- Зеркалами, мой мальчик, зеркалами, - снисходительно ответствовал мне отец Родгер. - Двумя зеркалами. Считать одним мгновением, когда луч отразится от одного зеркала и вернется к другому. И, коль скоро свет зависит от скорости движения его источника, от нее же должно зависеть и время!

Отец Родгер вскочил на ноги и взволнованно заходил по анфиладе.

- А может, это все зависит не только от скорости, но и от ветра, от погоды, от... от высоты над

морем, в конце концов, - бормотал он. - Все это нужно проверить...

Нашу беседу прервал усиливающийся грохот на улице. Хрустальная люстра угрожающе покачнулась, переливчато тряхнув подвесками. Ее фуоки посыпались на пол. Альвио выскочил из-за стойки и выбежал на улицу.

- Фонарщики! - От его истошного вопля мы с Джованни вскочили как подброшенные, а отец Родгер, схватив со стола один из циферблатов, с невероятным проворством метнулся по винтовой лесенке вниз и со скоростью, достойной ядра пушек Святого Эльма, вылетел на улицу вслед за Альвио.

Фонарщиков было целых шестеро. Трое, не останавливаясь, промчались мимо по направлению к темной громаде Везувия. Трое осадили лошадей прямо перед "Империалом".

Каждый миниатюрный экипаж, запряженный тройкой лошадей, был рассчитан всего на одного седока и управлялся одним Фонарщиком. Ажурный абрис экипажа гармонировал с изящным сложением тонконогих лошадей. На лошадях - алые и зеленые шляпы. По углам каждого экипажа - четыре ослепительно белых фонаря.

Один из Фонарщиков спрыгнул на землю. Он

был укутан широким зеленым плащом и носил широкополую шляпу с пышным плюмажем. Передвигался он легко и плавно, точно кот, сошедший с витрины венецианского магазина игрушек. Он направился прямо к оторопевшему Альвио. Тот попятился.

- Buona notte, сеньор, - Фонарщик элегантно снял шляпу, открыв молодое лицо, разгоряченное быстрой ездой, - капучино без сахара, пожалуйста.

- Да-да, конечно... - Альвио поспешил принести требуемое.

- На Везувий? - деловито осведомился отец Родгер. Не прикрытое широкими полями шляпы, лицо Фонарщика потеряло всю свою загадочность.

- Отец Родгер, - поклонился Фонарщик, - чрезвычайно польщен встречей.

Голос Фонарщика был звонкий, а тон почтительный.

- Я с вами.

Фонарщик сделал приглашающий жест рукой, одним глотком осушил принесенную Альвио чашку кофе.

- Двое часов тебе - одни оставишь здесь, другие захватишь с собой и отправишься к подножью

Везувия, жду тебя там через два дня... - скороговоркой произнес отец Родгер изумленному Джованни и одним прыжком оказался на заднем сидении экипажа.

Я сорвал с плеч свой плащ и кинул его римлянину:

- На Везувии сегодня холодно, святой отец!

- Благодарю, юноша, благодарю!

- Потом... потом не загляните ли в Обсерваторию? Сеньор директор был бы очень рад...

Фонарщик изогнул губы, чуть-чуть приподнял свою роскошную шляпу. А потом внезапно и жутко выкрикнул несколько непонятных слов. Три лошади с хрипом рванулись в галоп, выпученный лиловый глаз мелькнул, казалось, близко-близко от моего лица.

- Жди меня у подножия Везувия, Джованни-и-и!.. - донеслись до нас слова отца Родгера, и все потонуло в бешеном перестуке копыт, высекающих искры из булыжной мостовой.

- "Одни оставишь здесь". Кому это - "здесь"? И куда его опять черт понес? То за летучими кальмарами, то за безумными флорентийцами, теперь вот с Фонарщиками, масонами этими... - бормотал Джованни.

- Оставь мне, - вдруг попросил я, мне очень

захотелось еще раз увидеть отца Родгера.

Джованни с явным облегчением протянул мне часы.

Экипаж мчался к набережной, к Санта Лучии, и дальше-дальше, мимо "Гамбринуса", прямо к темному подножью старого двугорбого вулкана.

Tarantella, facennoce 'e cunte
Nun vale cchi? a niente
'O ppassato a penz?.
Quanno nun ce stanno 'e tramme,
'Na carrozza ? sempe pronta
'N'ata a ll'angolo sta gi?.{2}

Два других экипажа погрохотали по Толедо, распугивая прохожих, чтобы потом, видимо, свернуть на Аппиеву дорогу и устремиться к Казерте. Остальные двенадцать огоньков Фонарщиков уже мелькали поблизости от Везувия...

Господь всемогущий, пресвятая Дева Мария и святой Антоний, да что у них за лошади?!

{2} Комментарии: 2
Тарантелла, подводя итоги,
Больше не стоит
Думать о прошлом [о войне].
Теперь, когда не ходят трамваи,
Есть повозка,
Она уже готова на углу. (неаполитанский)

Шум стих. Ставшие из белых почему-то чуть красноватыми огоньки Фонарщиков слабо мерцали на склонах Везувия - наверное, пыль поднялась. Джованни тихонечко мурлыкал тарантеллу, увязывая на ослика мешочек с часами. Господин Хайао рисовал кота в зеленой бархатной шляпе. Моя Фламма в кармане плаща была, наверное, уже где-то на Везувии.

Виктор Касаткин

ВСЕ БУДЕТ СОВСЕМ ПО-ДРУГОМУ. ПОНИМАЕШЬ?

Дочери Арине посвящается.

Я вижу взгляд, сияющий меж звёзд,
Исполненный душевного участья
И пожеланий неземного счастья
Средь вечно юных и безбрежных вёсн.
С.П. СЕМЕНОВ

1.

Дневной свет проникал через щели оконных жалюзи и ложился ломаными полосами на предметы и стены рабочего кабинета известного ученого-астрофизика, профессора Юрия Ворстока. Ученый сидел за рабочим столом. Полоса света освещала лицо, тонкие черты его были

неподвижны, глаза закрыты. В комнате, как и во всем здании научного центра, было очень тихо, только пальцы профессора нервно постукивали по крышке стола.

Он открыл глаза и посмотрел на часы: "Осталось 5 минут ..." Потом перевел взгляд на стоящую на столе рамку с фотографией смеющейся женщины, его жены. Это было давно, в той жизни... Жена умерла от рака, совсем молодой. Ворсток тяжело переживал ее уход: замкнулся и вел одинокий образ жизни. Для себя он решил: "Моя жизнь - это наука".

"Может, и хорошо, что ты не видишь этого, Маргарит", - произнес он, с содроганием вспомнив, что творилось день назад на улицах города. Крики: "Это кара Господня! Покайтесь, грешники! И мы спасемся!" или "Всем хана! Делай, что хочешь!". Испуганные лица людей, торопящихся уехать из города. Многие находились под действием алкоголя и наркотиков. "Как звери, - думал Ворсток, - пытаются урвать от жизни последнее..." Сам он решил спокойно и гордо принять смерть, но с досадой чувствовал, что внутри медленно нарастает напряжение.

Снова взглянул на часы: осталось две минуты! Рубашка стала мокрой от пота. Прекратив бара-

банить пальцами по столу, неожиданно для себя он резко зажмурил глаза и весь сжался, ожидая удара. Послышался нарастающий гул. Уши заложило. Все вокруг зашаталось. Казалось, что стены гнутся под напором ветра. Не открывая глаз, он ощутил, что на улице потемнело, и сжался еще сильнее: "Вот сейчас... Ну, быстрее же... чтобы не мучиться..." Минута, другая...

Но то, чего ожидал Ворсток, не произошло. С трудом открыв глаза, он попытался встать, чтобы поднять жалюзи на окне, но не смог: мышцы не слушались его и ныли, как после тяжелой физической нагрузки. Он откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Мысли, перебивая друг друга, проносились в голове: "... а может, я уже умер?", "...он прошёл по касательной", "...значит, Пауль ошибся?". Постепенно вихрь мыслей стих, и через минуту ученый погрузился в сон - сказались бессонные ночи и напряжение предыдущих дней.

2.

Ворсток стоял в большом светлом зале с прозрачными стенами, полом и потолком, за которыми светили звезды. Зал будто парил в космическом пространстве.

Он был не один - вокруг были люди разных рас, возрастов... Все стояли примерно в двух шагах друг от друга. Ему показалось, что среди присутствующих он узнал нескольких известных ученых и политиков.

Все растерянно осматривались по сторонам. Стоял небольшой гул. И вдруг наступила тишина. В глубине зала возник светящийся шар. Он стал менять форму и принял контуры человека. На темном фоне звёздного неба его фигура светилась белым светом.

Светящийся человек сказал:

- Мы собрали вас, чтобы объяснить произошедшее.

Ученый с удивлением отметил, что спокойный и располагающий к себе голос звучит как будто рядом и обращается лично к нему.

- Вы ждали столкновения Земли с астероидом. Но оно не произошло, потому что мы изменили его траекторию, предотвратив катастрофу.

По залу прошел легкий гул. Ворсток обернулся на шепот: "Господи! Прости меня грешного, что я порой малодушничал и не верил в тебя... Пришло Царство Божие!" Это шептал пожилой священник в черной одежде. По его лицу текли слезы.

Рядом кто-то тихо сказал: "О, Майтрея, Будда

Будущего! Ты пришел к нам..." Это был худой, аскетического вида мужчина с темным лицом, одетый в старое желтое одеяние. "Видимо, тибетский монах, - решил ученый. - Странно, они говорят на своём языке, но я понимаю их..."

Он снова устремил взгляд на светящегося человека: "Неужели это Христос или Будда?". Профессор был атеистом, и его раздражали разговоры о религии и мистике.

Светящийся человек продолжал:

- Кто мы? Мы - цивилизация, которая гораздо старше вашей.

"Ну вот все и объяснилось! - облегченно выдохнул Ворсток. - Не надо петь "Харе Кришна" или "Аллилуйя".

В существовании других разумных существ во Вселенной он не видел ничего необычного. Ученый хорошо знал, что Мир бесконечен и таких планет, как Земля, скорее всего, несчётное множество.

- Вам надо знать, что астероид, который мы отклонили, не один. В ближайшем будущем Земле угрожает группа астероидов. Сегодня мы помогли вам. Но мы не можем оберегать вас от опасностей, с которыми вы в состоянии справиться сами.

Ваша цивилизация обладает достаточными техническими возможностями и должна сама решать проблемы такого масштаба. Однако для этого вам надо изменить устройство своего общества, преодолеть разобщённость. Одно или два даже очень развитых государства не могут противостоять серьёзным угрозам. А вам угрожают не только космические тела, но и смертоносные пандемии, экологические катастрофы, изменение климата и многие другие опасности. Только Объединённое Человечество имеет шанс и выжить, и развиваться.

Мы собрали здесь тех, кто способен понять необходимость такого объединения. Каждый из вас может по-своему помочь этому.

Да, вы все разные, вы представители разных культур, у вас разное воспитание и взгляды на устройство Мира, поэтому мы считаем правильным продолжить разговор с каждым из вас отдельно.

3.

Ворсток оказался в просторной комнате, в которой, как и в зале, стены, пол и потолок были прозрачными, а за ними - звездное небо. Комнату заливал мягкий свет. В ней не было ничего, кроме

двух легких кресел.

Напротив ученого стоял светящийся человек. Он жестом предложил ему сесть в кресло и сел сам.

- Здравствуйте, если не возражаете, мы будем к Вам обращаться просто - Профессор.

Ворсток пожал плечами, пробормотав:

- Как вам угодно...

Он внимательно разглядывал своего собеседника. Тот был как бы соткан из света. Сначала ученый предположил, что это голограмма. Но потом все-таки решил, что это живое существо: от него исходило ощущение жизни, спокойствия и дружелюбия. У Ворстока возникло чувство, что он общается с кем-то очень родным, давно знакомым, что он говорит с близким другом.

- Вы давно наблюдаете за нами? - спросил ученый.

- Да, с самого начала существования человечества. Мы наблюдаем и за другими ростками разумной жизни в нашем секторе галактики.

- Вы уже вмешивались в нашу жизнь?

- Да, разумеется. Мы вмешивались всякий раз, когда возникала проблема, с которой человечество самостоятельно справиться не могло.

- Почему же вы не появились раньше и не по-

делились своим опытом? Почему не помогли нам стать лучше, предотвратив страшные войны, несправедливость, смертельные болезни?! - с горечью спросил Ворсток.

- Мы подчиняемся законам Мироздания, законам развития Живого, разумной Жизни. Каждая цивилизация идет своим путем. Только опираясь на свой опыт, вы можете двигаться в будущее, - ответил Светящийся человек и, помолчав, добавил: - Мы отличаемся от вас: мы рождены другой планетой, мы другие. Наш опыт может не подходить для вас...

- Я понимаю, что цивилизация сама должна решать свои проблемы, иначе не будет развития. - и Ворсток, вспомнив свою жену, тихо прошептал: - Но мне сложно принять это...

Собеседник внимательно посмотрел на ученого и сказал:

- Ваша горечь нам понятна. Мир так устроен: жизнь и смерть предполагают друг друга... Мы переживаем гибель других цивилизаций так же, как вы переживаете уход близких людей... - и добавил: - Устройство Мира, Земли, подобных планет подразумевает возникновение жизни, а жизнь неизбежно производит Разум.

Светящийся человек коснулся руки Ворстока:

- Наша цивилизация, Юрий, заинтересована в человечестве.

- Я все понимаю... Извините... поддался эмоциям. Напряжение последних дней... - ученый на минуту погрузился в себя, затем обратился к собеседнику: - В зале вы говорили о Едином Человечестве. Но из чего следует, что такое объединение возможно?

- Движение к объединению - одно из главных направлений в развитии Жизни. Клетки объединились в сложные организмы. Живые существа образуют пары, стаи, стада... В человеке, как ни в ком другом на Земле, воплотилось стремление ко всё большему и большему объединению: племена, государства... И вот теперь человечеству суждено соединиться в планетарный организм. Это принципиально новый виток жизни. Он сопостави?м с тем, когда в прошлом на Земле, из отдельных клеток сложился многоклеточный организм. Важно понимать, что способность к такому соединению заложена в природе человека, в ваших генах.

- Может... Может быть... О чем-то подобном говорил ученый Тейяр де Шарден, - сказал ученый. - Но пока я вижу не объединение, а, скорее, все большее разобщение людей. Идет война

"всех против всех". Человечество распадается на глазах. Порой кажется, что и простые люди, и политики просто сошли с ума.

- Такое разобщение объяснимо: когда старая форма устройства общества доходит до своего предела, в ней нарастают противоречия, и в конце концов общество распадается. Вот вы сказали: "Порой кажется, что и простые люди, и политики просто сошли с ума". Да. Распад происходит и в головах: люди как бы глупеют. Один из ваших мыслителей, Сергей Семёнов, остроумно назвал этот феномен DEMENTIA NUMENIS.

- Корабль прогнил, дал течь. А поглупевшие капитаны пытаются плыть дальше... - грустно усмехнулся Ворсток. - Но не сгущаете ли Вы краски? Разве нельзя исправить положение, приняв правильные законы, выбрав во власть нормальных, разумных людей? И тогда человечество будет спокойно существовать дальше.

- Нет. Нынешняя форма вашего общественного устройства отжила свой срок. Судите сами: общество, основанное на конкуренции и погоне за наживой, постоянно будут раздирать противоречия, конфликты, войны. А значит, вы будете слабы и беззащитны перед внешними угрозами, что и показала история с астероидом.

- Да... Как ученый я могу добавить: сейчас большие научные проекты просто неосуществимы из-за нашей разобщённости.

- Но кроме внешних угроз существуют угрозы, исходящие из самого устройства вашей цивилизации. Посмотрите: погоня за обогащением привела к тому, что стало выгодным производить продукты, которые противоречат природе человека, разрушают организм, мозг и ваш геном. К этому же приводит и нарастающее загрязнение окружающей среды... Создаются искусственные болезни, которые выгодно лечить, о чем свидетельствуют пандемии последних лет... Семимильными шагами идет распространение наркомании... Можно долго перечислять проблемы вашего общества. И многие из них, если так будет продолжаться, могут оказаться гибельными.

- Вы утверждаете, что нашей цивилизации необходимо измениться. А что, если мы не сможем этого сделать?

- Цивилизации, остановившиеся в своем развитии, обречены. В галактике немало звездных систем, в которых жизнь не смогла преодолеть внутреннюю разобщённость. На смену им через миллионы лет приходит новая волна Разумной Жизни. Но на смену...

- Нерадужная перспектива для человечества... Но о каком обществе Вы говорили в зале?

- Единое Человечество, Планетарный Суперорганизм... Когда не будет погони за обогащением, не будет конкуренции и борьбы за деньги, блага и власть, а будет сотрудничество, направленное на развитие каждого человека и Человечества, а затем уже и на большие цели.

- Нет, эта идея умерла. Попытка построить такое общество провалилась!

- Первая попытка, первый опыт нередко содержат много ошибок. Мы знаем, у вас такая попытка была в России - построение коммунизма. К сожалению, недостаточное знание законов развития общества, психологии, отрицание духовной связи между людьми привело к тому, что задача воспитать Нового Человека не была решена. Но ведь многие другие задачи решались, и довольно успешно... Человечеству еще предстоит осмыслить этот уникальный опыт.

Светящийся человек задумчиво посмотрел на Ворстока и сказал:

- Профессор, если вам не нравится слово коммунизм, общество Будущего можно назвать иначе, например, так, как его называл русский мыслитель Владимир Вернадский - ноосферное

человечество, или как другой русский мыслитель Сергей Семёнов - Гуманистическое Общество.

- Гуманистическое общество? По латыни "гуманус" - человек. Да, такое название лучше. - неожиданно Ворсток улыбнулся: - Знаете, в юности я любил научную фантастику. Общество будущего неплохо описал ученый, фантаст Ефремов, но мне больше нравилась концепция "Геи" у Азимова в его книге "Основание и Земля". Цивилизация Геи - это такой, как Вы говорите, Планетарный Суперорганизм, в него входят и люди, и другие живые существа планеты, и растения - в общем, вся планета целиком.

Ученый задумался...

- Да.... Все это, конечно, красиво... Но, зная людей, мне сложно быть оптимистом. Менялись времена, страны, общества... но сами люди не менялись. Человек остался агрессивным, эгоистичным, жадным... как тысячи лет назад. Думаю, человек не способен меняться!

- Это не так. В вашей генетике заложен только проект человека, а вот каким будет сам человек, зависит от того, в каком обществе будут формироваться его природные задатки, какова культура общества. Один и тот же ребенок, будь он воспитан в разных культурах, будет вести

себя по-разному. А то, что люди на протяжении веков остаются агрессивными и эгоистичными, в этом нет ничего удивительного, ведь они формировались в цивилизации, основанной на конкуренции, борьбе за обогащение.

- Но разве дело не в природе человека? У нас принято считать, что человек - социальное животное, и потому он порочен, склонен к злу и жадности. И только законы как-то сдерживают его.

- Это удобная точка зрения - списать проблемы общества на натуру человека. Конечно, в человеке от природы есть задатки агрессии, жадности, эгоизма, но есть и задатки способностей к дружелюбию, взаимовыручке и альтруизму. Вопрос только в том, какие природные качества будет развивать данное общество.

- Наше общество формирует одиноких эгоистов, ищущих только деньги, развлечения, кайф... Я нередко сталкиваюсь с людьми, которые искренне считают, что они свободны и сами делают свой выбор, но, если внимательно приглядеться, они живут на основе установок, сформированных этим самым обществом, - ученый грустно усмехнулся. - Наше общество - это конвейер по производству потребителей...

- Причем таких людей становится и будет становиться всё больше, потому что именно такие нужны рынку.

- Да... наше общество далеко не идеально. Но ведь, с другой-то стороны, стремление к обогащению, конкуренция - важнейший двигатель прогресса! Это стимул для активной деятельности. Без такого стимула человек превратится в ленивое существо, что-то типа капибар - животных, которые только и делают, что наслаждаются жизнью, греясь на солнышке или нежась в теплых источниках.

- У человека есть немало потребностей, которые при правильном воспитании способны заменить такие стимулы. Например, потребность в служении обществу, в совместном труде, в творчестве, исследовательской деятельности... При этом способность человека к разрушительной деятельности может оказаться полезной в освоении мертвого космоса, а стремление конкурировать превратится в соревнование. Но вот что очень важно: деятельность Человека Будущего перестанет носить индивидуалистический характер и обретет перспективу.

- Согласен, когда живешь и действуешь только для себя, это снижает ценность жизни и приво-

дит к мыслям об абсурдности существования. Я столкнулся с этим, и, если бы не наука... - Ворсток ненадолго задумался, затем сказал: - Но все же большинство людей устраивает сегодняшнее положение вещей. Им нравится так жить. В развитых, благополучных странах - сытно, тепло...

Он замолчал, а потом тихо добавил:

- Знаете, мне страшно об этом говорить, но мне кажется, что только полное разрушение привычного образа жизни или гибель значительной части человечества может как-то изменить позицию моих современников...

- Что касается разрушения, то оно уже идет. А гибель части Человечества - один из худших и, к сожалению, возможных сценариев... Но мы надеемся, что людям достанет разума вовремя понять бесперспективность старого общества. Ведь вы так себя и назвали: Homo sapiens - человек разумный...

- Очень хочется, чтобы так и было. Но давайте вернемся к обществу будущего. Вот Вы говорите: "Человечество - единый организм", а у меня невольно возникает вопрос - не будет ли это коммунистическим муравейником, состоящим из одинаковых людей-винтиков, где нет места свободным творческим людям.

- Общество-"муравейник" не имеет перспективы. Для продвижения в Будущее необходимы свободные, творческие личности.

- Какова цель гуманистического общества? Создание доступных благ и радостно-беззаботная жизнь?

- Закончить развитие человечества созданием животного рая, где всего лишь сытно, комфортно и много развлечений? Нет. Этого мало для разумного существа. И это противоречит вселенским законам развития жизни. А первостепенными задачами Гуманистического общества являются: дать человеку возможность всестороннего гармоничного развития и обеспечить человечеству выход в Космос. Ошибочно считать, что человечеству в его сегодняшнем виде есть место на просторах Вселенной.

- Первобытные людоеды на своих космических пиро?гах отправились на охоту в Космос... - невесело усмехнулся Ворсток.

- Да, это примерно так и выглядит. Только тогда, когда человечество станет единым, его не будут сторониться другие космические цивилизации, и появится возможность сотрудничества с ними... Вам еще предстоит осознать свое место в Мироздании, своё, если так можно выразиться,

предназначение - стать активным участником развития Вселенной.

- Это очень похоже на мечты русских космистов - Вернадского, Циолковского... Но сейчас у нас популярен другой образ будущего - технически развитое общество, по устройству похожее на наше, ведущее нескончаемые войны с другими цивилизациями...

- Этот образ основан на вашем историческом опыте. Но Планетарное Человечество - совершенно новый этап развития, и соответствующего опыта у вас, разумеется, нет. Что касается воинственности других Миров, то это всего лишь ваши психологические проекции и фантазии. Агрессивность несовместима с высоким уровнем развития цивилизации.

- Но ведь человечество может выбрать и другой путь, не Гуманистическое общество?

- Конечно. Вы можете, например, создать искусственный суперинтеллект - суперробота, который будет просто обеспечивать комфортно-расслабленное состояние человеку, а затем, когда человек сойдет со сцены, робот заменит его, возглавив эволюцию на Земле. Или другая, не менее нелепая возможность: в поиске бессмертия, постепенно заменяя детали своего тела,

вы, в конечном итоге, перенесёте свое сознание в кибернетическое существо. В обоих случаях человечество окажется промежуточным звеном развития между живыми и кибернетическими организмами.

- Значит, эволюция не дает гарантий, что будет красивый "хэппи-энд"... - задумчиво покачал головой Ворсток. - Теперь я хочу спросить Вас о нашей сегодняшней встрече. Почему в зале я видел мало известных политиков? Казалось бы, что именно они должны были быть на такой встрече.

- Вы же понимаете, что большинство политиков заинтересованы в сохранении существующего порядка. Они, как шестеренки, крутятся в механизме, который пока еще работает. Сейчас только единицы способны понять ситуацию и действовать на благо человечества. Именно такие люди и были в зале.

- По-моему, тогда надо было бы пригласить как можно больше ученых, а не этих шарлатанов, бездельников, погруженных в свои фантазийные галлюцинации...

Светящийся человек улыбнулся:

- Под шарлатанами вы, вероятно, имеете в виду мыслителей, духовных деятелей и просто религиозных людей?

- Конечно! Зачем они вообще были в зале? - возмутился Ворсток.

- В настоящих духовных учениях есть вера в Человека, в его возможности. Тогда как в вашем обществе человек воспринимается как социальное животное. Духовные учения озабочены будущим человечества, хотя по-разному понимают его: Царство Божие, Сукхавати... Но, что особенно важно в кризисное время, духовно одарённые люди, сами порой не подозревая, открыты на коллективное психическое Человечества и могут оказывать на него благотворное влияние.

- Я не силен в мистике... - поморщился ученый.

- Понять не трудно, если согласиться с тем, что человечество - это живое целое, огромное Живое Существо. А если это так, то, как любое живое существо, оно имеет свою психику, душу или коллективное психическое.

- Описанная Азимовым цивилизация Гея была таким планетарным организмом, а значит - обладала коллективным психическим. Каждый из жителей планеты был открыт на это коллективное психическое. Они были связаны друг с другом незримой связью: чувствовали друг друга, знали, что с каждым происходит, могли пользоваться знаниями всей планеты... Но при этом каждый

оставался индивидуальностью.

- Судя по вашему описанию, эта цивилизация прошла длинный путь развития. А вы находитесь в самом начале. Но и сейчас у вас есть люди, одарённые способностями к духовной практике, открытые на коллективное психическое. Их концентрация внимания (медитация) на той или иной идее может заострить ее в сознании других людей. Конечно, такое влияние осуществимо только тогда, когда пришло время и недостает лишь толчка.

Помолчав, Светящийся человек сказал:

- Если убрать из ткани человечества людей, которые занимаются духовной практикой или просто разумных верующих, оно быстро деградирует. Их вклад в коллективное психическое Земли трудно переоценить...

- А если убрать ученых, - возмущенно сказал Ворсток, - человечество вернется в средневековье: в невежество и сплошную мистику. Мы это уже проходили!

- Да, так и будет, - сказал собеседник. - Мы понимаем вас. Вы ученый и изучаете внешнюю, как вы говорите, объективную реальность. Ваши исследования можно проверить, повторить.... А для людей, посвятивших себя духовному пути,

главной ценностью является их опыт постижения внутреннего плана Универсума. Это, а также и нематериальность самих "объектов", которые они исследуют или в которые верят, может приводить к ошибкам, самообману и, как вы сказали, "фантазийным галлюцинациям".

- Вот! Вот! О чем я и говорил! Все это древние мифы и сказки! Создание Мира за шесть дней! Хорошо, что сейчас уже не говорят про алмазный купол над Землёй или Бога, сидящего с ангелами на облаках! Все это устарело! - с жаром произнес ученый.

- Действительно, многие из них опираются на древние и устаревшие представления, которые сегодня выглядят архаично...

Светящийся человек немного помолчал.

- Знаете, Профессор, люди, действительно открытые на духовную реальность, всегда найдут общий язык и смогут эффективно взаимодействовать с людьми другой конфессии, другой точкой зрения.

Затем Светящийся человек улыбнулся, сказав:

- Но мы с вами ушли в сторону.

- Да. Конечно. Почему вы так долго говорите со мной? Чем вызвано такое внимание ко мне? Я не проповедник, и не политик. К тому же в послед-

ние годы я отстранился от людей...

- Вы очень важны. До доклада профессора Пауля вы занимались исследованиями, в которых обнаружили, что Земле могут угрожать целые группы астероидов, идущих с разными интервалами, друг за другом. Но когда профессор Пауль сделал свой доклад о приближающемся одиночном астероиде, Вы прервали свои исследования. Так вот, те ваши расчеты о группах астероидов - верны. Мы надеемся, что вы согласитесь вернуться к своим старым исследованиям, доработать их и как можно быстрее опубликовать. К вам сейчас прислушаются, ведь речь идет уже не об одном астероиде, а о нескольких группах, что не дает надежды на удачный исход, как это было сейчас. Ваша публикация будет иметь большой резонанс. И у человечества появится то, чего не было в этот раз - достаточно времени, чтобы перед лицом общей опасности сделать первый шаг к объединению и вместе предотвратить гибель.

- Не знаю... Как давать сейчас обещания? Да я и забросил... и забыл о тех расчетах...

- Профессор, вы видимо, сейчас склоняетесь к тому, что все это сон.

Ворсток смутился.

- Сон это или не сон, вы решите сами. У вас в па-

мяти будет информация о тех, кто был сегодня в зале. Когда вы закончите расчеты, поищите этих людей в интернете. Ведь в зале было много тех, о ком вы раньше не могли знать. Нам кажется, это вас убедит. Если вы решите не продолжать свои исследования или не опубликовывать их в ближайшем времени, то нам будет сложно найти другого ученого...

- Понятно... Я подумаю... - неуверенно сказал Ворсток.

- Надеюсь, мы ответили на ваши вопросы?

- Да, конечно.

- До свидания, Профессор.

- До свидания...

Контуры комнаты стали таять.

4.

Вечерний свет проникал через щели оконных жалюзи и ложился полосами на предметы и стены кабинета. Ворсток полулежал в рабочем кресле. Он с опаской приоткрыл глаза: "Я у себя. Значит, это просто сон! Но, на всякий случай, надо посмотреть старые расчеты". И, придвинувшись к рабочему столу, включил компьютер...

Прошел месяц. Ворсток считал, анализировал, сопоставлял данные. Погрузившись в работу, он

почти не замечал происходящего вокруг. А город постепенно приходил в себя, люди возвращались из своих убежищ. Научный Центр наполнился сотрудниками.

И вот итоговые расчёты готовы. Действительно, вероятность встречи Земли с астероидами была большой. И все же ученый сомневался. Чтобы уточнить данные и уже уверенно говорить об опасности, понадобится еще год-полтора. Если опубликовать расчеты сейчас, ошибка может обернуться проблемой. Ворсток видел, как изменилась жизнь профессора Пауля: люди вымещали на нем свое раздражение - за то, что он спровоцировал панику и хаос в ожидании несостоявшейся катастрофы. Ворстоку не хотелось оказаться в подобном положении. "Нет. Надо подождать, - рассуждал он, - надо все еще проверять и проверять..."

Ученый был доволен тем, что проделал большую работу. Он улыбнулся и тихо сказал, обращаясь к фотографии своей жены: "Да.... А все же какой чудесный был сон месяц назад, он подтолкнул меня вернуться к моим старым расчетам. Разговор со своим бессознательным... Кажется, во сне русский химик Менделеев открыл периодический закон. Да и вообще, как же сложно

устроен человек, если может видеть такие сны!"

Ворсток встал и начал энергично ходить по своему кабинету. Вдруг его взгляд упал на дальний конец стола, где лежал лист бумаги. Он вспомнил, что месяц назад после удивительного сна в его памяти неожиданно всплыла информация о тех, кто был в зале в том сне. Он быстро записал фамилии и... забыл об этом.

"Стоит ли искать этих людей из сна?" -думал ученый. И хотя он был уверен в том, что все это игра воображения, сел за компьютер... В списке были мыслители, философы, религиозные деятели разных конфессий. Первой открылась информация о настоятеле какого-то монастыря: с экрана на него смотрел тот самый человек, который что-то шептал тогда в зале про Царство Божие... "Это случайность!" - сказал себе ученый и приступил к поиску других.

"Не может быть! Я не знал и никогда даже не слышал о них", - все больше и больше раздражался Ворсток. Особенно его озадачило то, что он нашел и того тибетского монаха, шептавшего о будде Майтрее: "Ну, уж об этом-то монахе я точно никак не мог знать..." Ученый отметил, что религиозные деятели из списка не занимали больших постов в своих иерархиях. Да и другие персонажи

из списка были малоизвестны.

Закончив поиски, он выключил компьютер и долго смотрел в темный экран монитора. Затем сильно оттолкнулся ногами от пола, так что отъехал на рабочем кресле в дальний угол кабинета, резко встал, набросил пальто и вышел. Он шел по коридору Научного Центра, не замечая почтительных взглядов сотрудников. Выйдя из здания, Ворсток быстрым шагом пошел по улице. Наступила весна, деревья покрылись молодой листвой. Город постепенно восстанавливался, но кое-где еще виднелся неубранный мусор, разбитые мародёрами стекла магазинов. Он резко свернул в пустынный парк. В глубине парка подошел к большому раскидистому дереву и остановился. Ни о чем не думая, Ворсток просто смотрел на дерево: на шероховатом стволе кое-где виднелись отпадающие старые пластинки коры, за которыми светлела нежная коричневатая кожица. Ветер мягко шевелил свежую листву. Воробьи, чирикая, перелетали с ветки на ветку...

Вдруг кто-то дернул его за рукав. Он вздрогнул, с недоумением повернулся и увидел мальчика.

- Извините, профессор. Вы меня не узнали? Я ваш сосед...

- Что?.. А... узнал. Здравствуй.

- Мы уже вернулись с родителями домой.

- Да... Хорошо... - Ворсток медленно возвращался к реальности.

- Профессор, говорят, вы всё знаете о Космосе. Пожалуйста, скажите: может все это повториться? Мои родители были очень напуганы и плакали. ЭТО может повториться?

- Что - ЭТО?.. Ах да, - ученый на минуту задумался. - Не надо бояться. Если что-то и будет, то все будет иначе.

И, немного подумав, уверенно сказал:

- Все будет совсем по-другому. Понимаешь?

Автор рассказа выражает благодарность Н. Сауновой, И. Чернышевой за помощь в работе над текстом.

Наталья НОВАШ

СКРИПКА И ЯЙЦО ФАБЕРЖЕ, Или В ДОМЕ ТЕРЯЛИСЬ ВЕЩИ

"...Иесус понадобился только для того, чтобы сказать одну вещь, которой не увидели в Торе: "Вы станете, как дети малые, когда наступит царство божие на Земле...". Но и опять этого никто не заметил, и получилось то, что получилось. Православие и Путин. Способные разрушить цивилизацию."
Рав Ездра Заславичский.

- И скрипка твоя пропала? - спросила мама, оглядев комнату и, как всегда, бросив взгляд на застеклённую полку в шкафу, где хранились антикварные вещи.

Спросила без удивления, потому что в доме терялись вещи... И находили их потом в самых необычных и неожиданных местах. Но скрипка!..

- Не пропала, мамочка, не пропала! - поспешила заверить Мини. - Её выпросила Олечка.

Поиграть.

Олечка была младшей подружкой Мини. Третьеклассница Мини была старшая. А Олечка - совсем крошка.

- Она, кажется, ещё не ходит в школу? - уточнила мама.

- Не ходит! Ей только шесть лет. Но она уже учится играть на скрипке. Скрипку ей пока ещё берут напрокат. Она решила поиграть на этой.

- Умная девочка! - усмехнулась мама. -

Казалось, она искренне, хоть и с иронией, восхитилась Олечкой. Но Мини почувствовала и неодобрение.

- Не волнуйся, мамочка! Не волнуйся. Когда ей купят свою, собственную, она обязательно вернёт.

- Ну-ну... - скептически согласилась мама.

- Олечка очень честная.

- Посмотрим, - сказала на это мама. И добавила: - Ты всё-таки поступила опрометчиво, не посоветовавшись с нами.

И как в воду глядела. Олечкин учитель музыки сказал, что скрипку надо переставрировать. "Но старое дерево треснуло, и скрипка пришла в негодность!" - объяснил он Олечке и показал какие-то обломки... А потом выяснилось, что

учитель музыки продал скрипку за семь тысяч долларов кому-то, у кого была такая сумма. Хотя она стоила дороже. А Олечке дал какую-то другую. Насовсем. Но это было в прошлом году.

Если бы Мини спросили не сейчас, когда она ходила уже в четвёртый класс, а лет в пять, кем бы ей хотелось быть, девочкой или мальчиком, она бы сказала - мальчиком.

Мини никогда не играла в куклы. Это ей было не интересно. У неё были совсем другие игрушки, доставшиеся от бабушек. Одна сохранила скрипки прадеда. Другая - яйцо Фаберже, которое в ленинградскую блокаду, как и все ценные вещи, отнесли в торгсин, где за них давали продукты, чтобы выжить в голод. Яйцо было подлинное, с клеймом и очень красивое - из сияющего розового камня с узорами из бирюзы, на смешных золотых ножках в форме розанчиков и с такой же золотой окантовкой смыкающихся на экваторе полусфер. Но одна ножка была отломана, и на прозрачном камне была трещина, поэтому за него отказались давать положенные большие деньги. Решив, что владельцы никуда не денутся и принесут опять... А тут и блокаду сняли - вот его и оставили на память. Так настоящее яйцо Фаберже достались Мини.

А скрипок у неё было две. Одна была изумительная - лёгкая, чарующая изящными вырезами и изгибами и сияющая золотистым деревом. С латинским именем мастера, её сделавшего, где-то сбоку. На ней бабушкин прадед играл и делал скрипки сам - по её образцу. А вот вторую, самодельную скрипку доделать он не успел, потому что умер. Даже не покрыл её лаком. Скрипки нашли на сыром и холодном чердаке старого дома. Фирменная была как новенькая. А не доделанная потемнела, приобрела какой-то синеватый оттенок. Неотполированное дерево казалось рыхлым, набрякшим, похожим на простую фанеру... Рядом они смотрелись как две противоположности - сияющий золотоволосый ангел и неуклюжий, неумытый негритёнок.

Вот какие игрушки были у Мини в детстве. Были ещё книжки, доставшиеся от обеих бабушек - написанные через ять, с цветными иллюстрациями, напоминавшими картины Эрмитажа, и переложенные каждая папиросной бумажкой. А вовсе не куклы. Да и имя у неё было совсем другое. Её, как и маму, назвали Юлией. Когда ребёнку пошёл второй годик, родители поняли, какую совершили глупость. Если звучит одно имя, попробуй-ка разбери, кого зовут. На зов прибегали

сразу обе Юли. И папа сказал: "Хватит. Дальше так нельзя, нужно что-то делать. - И придумал. - Ты, мама, взрослая, будешь Юлей-макси. А ты, малышня, - Юлей-мини!" Но само имя у "малышни" как-то сразу же потерялось. Осталась приставка - прозвище. Все её так и звали с тех пор - Мини.

Мини очень расстроилась из-за того, что случилось со скрипкой. И даже повзрослев на целый год, не могла с таким смириться.

"Как он мог? - думала она про учителя. - Как можно вообще брать чужое? Ведь оно не твоё!". Нет, этого она не могла понять. И сказала папе:

- Как мог человек такое сделать? Я бы никогда так не поступила!

- Ха, - сказал папа, отворачиваясь от компьютерного монитора. - Ты говоришь так, пока ты ещё ребёнок. Не зарекайся. Неизвестно, на какие поступки ты будешь способна, став взрослой!

- Что? А разве взрослые - не такие? Они хуже детей?

- Конечно. А как ты думала? Тебе хорошо. Ты ни за что не отвечаешь. Дети живут за их счёт. А взрослым надо выживать. Две тысячи лет природа программирует взрослых на выживание. Им и хочется выживать. И надо. Но, как и в дикой природе среди зверей, выживает сильнейший

- более сильный, чем остальные, так и в человеческом обществе выжить может более подлый. Более наглый, более хитрый, более агрессивный. Лишь недавно в цивилизованном мире стали создаваться условия для процветания более умных и нравственных людей. Но всё же это пока дело будущего.

- Жалко... - сказала Мини. - Правда же?

Папа кивнул.

- А в нашей стране пока что учитель - самый бедный и неоплачиваемый человек. Даже в царской России, в царской колонии, у нас белорусский деревенский учитель, если его преследовало самодержавие и за вольнодумство грозило тюрьмой, мог запросто сбежать в Америку.

- Откуда ты знаешь?

- Читайте классиков. Хотя "На росстанях" должны запретить изучать в школе. Там суровая правда. Из неё следует, что каждый деревенский учитель получал такую зарплату, что мог запросто купить билет за море. Если понадобится. И ещё у него по закону при школе была какая-нибудь деревенская бабуся, которая его обслуживала - убирала в школе и его доме и готовила ему еду.

- Домработница?

Папа кивнул:

- Бесплатная. А твой учитель музыки - несчастнейший человек. Бедность и нищета довели его до отчаяния. И он просто воспользовался случаем добыть денег... благодаря такой дурочке, как ты.

- Да он просто вор! - сказала Мини. - Чего тут думать. Ведь ты так бы не поступил? Хоть и взрослый.

- Я - нет. Никогда. Люди - как твои скрипки. Разного качества. Фирменная скрипка сделана из какого-то особого дерева, какого не было у нашего предка.

Мини знала из какого. Бабушка говорила: из вишнёвого. Для этого её прадед растил в саду какие-то особые вишнёвые деревья. Мини их помнила. Высоченные, сучковатые с корявым стволом, старые-престарые вишни, и на них никогда не было ягод. Ими зарос весь сад, пока его не срубили и дом не снесли.

- Так вот, - продолжал папа. - Нужного, качественного дерева, из которого делал скрипки Страдивари, у нашего предка не могло быть. Откуда? Да он, к тому же, и умер, не успев отшлифовать корпус и покрыть лаком. И вот результат - одну скрипку купили за доллары через сто лет, а другая гниёт у тебя в шкафу - "как память".

Мини жалко было и пропавшую скрипку. Она знала, что та уже не вернётся, как возвращались другие вещи, исчезавшие в многомирии. О нём она прочитала в интернете, когда в новой квартире стали пропадать вещи. Потому что их новая квартира, построенная в новостройке в чистом поле, вероятно, имела выходы в многомирие. В отличие от их старого дома. Так думала Мини. И, может быть, была права.

Потому что изо дня в день в их новом доме странным образом продолжали исчезать вещи...

Вещи исчезали, как и в других домах. И находили их потом, по обыкновению, в самых неподходящих и неожиданных местах. В тех местах, где никто не мог даже предположить, как они там очутились.

И было бы всё, как во всех домах, где нет порядка, и живут растеряхи, если бы не одна деталь. Мини учитывала всё. Она просматривала все возможные варианты, и пропавшую вещь находили там, где её раньше не было. Она это точно знала.

Пропадали две только что напечатанные пачки фотографий о летнем отпуске. Пропадал семейный альбом. Терялась тетрадка старшего брата Даньки с конспектами лекций... Исчезала папина флэшка с письменного стола. Пропадал в

январе мамин крем для загара. И флэшку потом находили на книжной полке, а крем - на полу в прихожей у входной двери.

Иногда пропавшие вещи были те же самые. А иногда - нет. Всё-таки чуть-чуть другие. Мини сразу же пришло в голову не трогать вещи, если они оказывались чужими. И те со временем просто исчезали. Так, карандаш, которым она однажды заложила учебник, вдруг пропал, а потом через день опять появился в книжке, на том самом месте, где его оставили. Но это был уже совсем другой карандаш - вовсе не из нашего мира. У нас не бывает таких карандашей. Утолщённых на обоих концах и истончённых посередине, вроде песочных часов. Им было бы даже удобней пользоваться. Мини сразу это заметила и потому не дотронулась, быстро отдёрнув руку. И он исчез примерно через час.

Точно так же и свой пропавший купальник в белую и красную полоску она нашла через неделю в ванной. В темноте, на полу под раковиной. И точно так же сразу отдёрнула руку, заметив на нём ещё и тоненькую, едва заметную полосочку жёлтого цвета. И купальник исчез мгновенно. Он был точно не её.

Жалко конечно, что в таких случаях, когда Ми-

ни не дотрагивалась до странных пропаж, их собственные вещи могли потом вовсе не появиться. Но она не могла брать чужое. Да только впервые так оно и случилось - с её носками. Пропали её синие шерстяные носки. А потом нашлись. С виду они были точь-в-точь её собственные... Но, когда Мини их внимательно рассмотрела... Ей стало не по себе.

Носки были новые, ещё не ношенные - совершенно неотличимые от тех, что бабушка подарила на Новый год, только один был с дырочкой, аккуратно, но уж слишком грубо заштопанной толстыми белыми нитками на самой середине подошвы, где у всех людей носки никогда не трутся. Так что носить левый носок было совсем невозможно. И в каждом из них было по две пятки.

Носки были возвращены явно не туда. Но Мини знала, что взрослые и тут придумали бы какое-нибудь здравое и логическое объяснение. Поэтому оба пришлось выбросить в мусоропровод. И с тех пор Мини никогда не дотрагивалась до возвращённых назад - но чужих вещей.

Мини любила просто наблюдать. Иногда, однако, приходилось вмешиваться.

Так было с пропавшей Данькиной тетрадкой

лекций по философии. Он забыл об этих своих конспектах до самой сессии. А летняя сессия как раз начиналась с этого совсем не важного, как он считал, предмета, и брат на неделю укатил на дачу к товарищу, решив, что просмотрит конспекты лекций вечером перед экзаменом и этого будет достаточно... Но не тут -то было. Вернулся он в середине дня, в самый последний день перед злосчастным экзаменом и не нашёл тетрадку.

В безуспешных поисках семья перерыла весь дом и полки в книжном шкафу, куда, как ему казалось, Данька мог запихнуть тетрадь, чтобы та не валялась на письменном столе. Но ничего не нашли...

И только когда Мини вежливо попросила: "Духи, отдайте, пожалуйста, тетрадку", Данька заметил её под креслом в своей комнате. Мини прекрасно знала, что никаких духов нет, и что тетрадку сто раз можно было заметить под креслом, как делал брат, бегая туда-сюда из комнаты в поисках пропажи. Тетрадь сразу же бросалась в глаза каждому, кто в комнату входил... И никакие духи были тут не причём, но она решила, что следует так сказать... Ей давно было ясно, что кто-то невидимый и осторожный следит за жизнью в их доме... Книги оставались

открытыми не на той странице, на которой их оставляла Мини. И вещи пропадали именно такие и именно тогда - в тот момент, когда они были не нужны обитателям дома.

Она старалась поддерживать хорошие отношения с теми, кого она называла "духами" и кто поступал достаточно благородно, хотя в своей работе порой допускал непростительные ошибки. Как было, например, с носками. Или в доме вдруг оказывались журналы, которых никто никогда не выписывал и никто ниоткуда не приносил. Она это прекрасно знала, хоть взрослые на этот счёт всегда находили объяснения. "Откуда-то приволок Данька... Зачем?" или "На что бабушке такой дурацкий и примитивный женский журнал?.. Ах, да, это его оставила её придурошная подружка..."

Так постепенно накапливались факты. И вот теперь, когда "духи" вернули по её просьбе тетрадку, Мини задумалась.

"Попадают ли пропадающие вещи в разные множественные миры, и, странствуя там, - возвращаются или... не возвращаются обратно? Или это она сама, Мини, путешествует по этим разным пространствам, где обнаруживает свои или чужие вещи - возвращаясь или в свою или

- тоже какую-нибудь чужую, но почти идентичную квартиру? Отличающуюся от бесчисленных, рассеянных в многомирии двойников лишь ничтожными мелочами? Теми вещами, которые "исчезают"?

Мини подумала и решила, что может быть и так, и так. И, возможно, оказалась права.

"Но тогда, если верно второе, - предположила Мини, - то проблема во мне?!" Именно она сама, отличаясь от других людей, слонялась по многомирию... "Но тогда... Я таскаю с собой и свою семью?" Или же её мозг, настраиваясь на другую реальность, воспринимал неким образом оказавшиеся там - пропавшие вещи? И тогда... Такие способности можно развивать!

Пропажи всегда обнаруживались случайно. Пропадало то, что не станут искать! Например, вспомнят вдруг только накануне экзамена. Или опять понадобятся надоевшие всем фотографии. Как тогда, когда к Данику вдруг заявился друг, который давно уже не показывался. И надо же было ему нагрянуть так неожиданно, да ещё на ночь глядя. Когда его даже Даник не ждал! Мини тогда перерыла всё и была абсолютно уверена, что этих двух чёрных пакетов с фотографиями, обнаруженных ею на следующий день, не было

в злополучный вечер на полке за плюшевой маской чебурашки. А так хотелось фотографии показать....

Вот-вот! Всё складывалось так, что пропажи всегда обнаруживались неожиданно! Только по какой-нибудь нелепой случайности. Всё складывалось так, что они не должны были обнаружиться. Исчезало то, о чём в данный момент вспомнить вроде бы не могли - о чём просто не должны были помнить.

И словно узнав о догадках Мини, "духи" после этого случая долго ничем не напоминали о себе. Вещей нездешнего происхождения не появлялось, и пропажи обнаруживались там, где их, как правило, и оставляли рассеянные маши-растеряши. А положить на место, привычки у занятых своими мыслями обитателей дома не было и в помине... Потому что не было в том никакой надобности. Тратить время на ерунду!

И вот в самый последний день летних каникул Мини заметила новую пропажу. Яйцо Фаберже исчезло с полки, где хранились антикварные вещи.

А вечером случилось ещё одно неприятное для Мини событие - в гости опять нагрянула бабушкина подружка детства. Мини она совсем

не нравилась. "Возможно, в детстве с ней и можно было дружить. Но теперь?" Мини в этом не понимала бабушку. К тому же эта бабушкина подружка детства была со странностями. Всегда боялась, что дверь в её комнате захлопнется намертво и не сможет открыться. Поэтому ей выделяли комнату с простым и надёжным ключом в замке. Такая комната была только у Мини. И ей приходилось переселяться в папин кабинет. Где было ей не совсем удобно, и перед сном под рукой не оказывалось ни компьютера, ни любимой книжки. И тогда, без привычных вещей она предавалась раздумьям.... Просто так, чтоб побыстрей заснуть. И в голову приходили разные мысли... например, о том, что способности можно развивать... И надо.

И вот в тот последний приезд бабушкиной подружки, пожелавшей поздравить любимую внучку своей любимой подруги с праздничным днём первого сентября, самой виновнице этого нелепого, придуманного взрослыми торжества, совершенно не удавалось заснуть.

"Ну и как, - размышляла Мини, - как можно развить собственные способности? К примеру, - такие, чтобы заснуть мгновенно?"

Знаменитый умница Пуаро, придуманный

Агатой Кристи, умел приказывать своим "серым клеточкам". А Мини решила приказывать своим собственным нейросетям... Да только те оказались совсем не такими послушными, как серые клеточки у Пуаро... И выдавали совсем не те истины, о которых просила Мини.

Вот и в тот злополучный вечер... Вместо полезных и нужных рекомендаций о немедленном засыпании, почему-то в голову лезли совершенно не нужные мысли о палестинских арабах. Тех, у которых цель уничтожить Израиль. Это как у русских с их соседней Украиной... И выходило, что исламистские джихадисты не виноваты, когда, совершая джихад, убивают неверных.

"Так зомбирует мусульман их религия - вот и всё!" - решила для себя Мини.

"Кто бы спорил... - съехидничали нейросети. - Угораздило Мухаммеда разрешить всем принявшим его "религию мира"... убивать всех прочих, неверных, и прибирать к рукам их имущество!"

"Так чего же тогда стоит человек?" - спросила себя Мини.

"Ничего!" - ответили ей нейросети.

Она решила выключить свет.

И встав с дивана, Мини увидела на полу недавнюю пропажу.

Яйцо Фаберже так и светилось своим чудным розоватым светом.

Она обрадовалась, и, опустившись на колени, уже протянула руку к своей дорогой детской игрушке, но замерла огорчённо...

Оно не моё! Как жаль!

Вторая ажурная ножка - в форме причудливого золотого розанчика была цела, а на верхней сияющей полусфере не было той самой злополучной, или можно сказать, счастливой трещины в форме молнии, из-за которой ценная вещь досталась Мини. Она отдёрнула руку... И яйцо исчезло.

И Мини сразу же уснула в папином кабинете.

И в ту ночь ей приснился сон. Во сне она увидела папин кабинет. Но только - в странных необычных красках и в каком-то призрачном непонятном свете. Было темно, но Мини видела красное дерево старинного шкафа и коричневое с разводами дерево книжных полок, на которых стояли книги. А в пространствах над книгами пылал нежный розовато-сиреневый свет. Как свет кварцевой лампы, которую мама часто включала на кухне. Он был живой и пульсировал ореолом над рядами плотно прижатых друг к другу томов - он струился над ними, вылизывал корешки и выплёскивался из полок клубами светящегося

сиреневого пламени. И Мини казалось, что в комнате сверкают молнии.

В кресле посреди комнаты сидел тёмный человек, слегка опустив веки. Мини знала, что он читает книги.

Потом Мини проснулась и увидела это на самом деле. А дальше она помнила только утро следующего дня. Утро было необычным само по себе. Мини многого от него ждала. Это был первый день в новой математической гимназии. В пятом классе.

Утро было необычным и по-другому. Оно было не таким, как всегда. Глянув на солнце за занавеской, Мини почему-то знала, что днём пойдёт дождь. Просто солнце было такого цвета и по небу сразу было видно, что будет дождь, хоть в окошке не было ни одной тучки.

В дверь заглянул котёнок, и Мини сразу увидела, какой он стал ленивый и глупый. Он уже вырос и не играл больше, как в прежние времена, она давно уже замечала за ним такое, а теперь она поняла, что он сердится и недоволен. Опять кто-то забыл оставить открытой дверь в туалет, где стояли его два лотка для... самых неотложных дел, и надо было её открыть, а вставать так не хотелось. К счастью, раздался скрип открываемой

двери, и котёнок умчался из её комнаты.

В это утро мама ей показалась более усталой и озабоченной, а бабушка - более доброй, чем всегда, она так жалела свою теряющую разум подругу...

Обе по очереди заглядывали в её комнату - не проснулась ли? Но Мини притворялась, что спит. Она знала, что было ещё рано. А кроме того, она знала содержание всех книг в папином кабинете. И главное, она почти всё в них понимала. И рассуждать сейчас было так приятно. Недаром дедушка говорил всегда, что самые умные мысли приходят в голову, когда утром лежишь в кровати. И поэтому он не любил утренних лекций...

Мини была уже не вчерашней четвероклассницей, и так как сегодня, именно в этот день должна была пойти в пятый класс, она заранее приготовилась много знать... но всё равно ей стало не по себе от наполнивших её голову знаний. Она отчётливо представляла, как работает электромотор и генератор, и знала массу подробностей о токах, магнитных полях и напряжениях. Основы высшей математики стройно и логично выстраивались рядами в её голове. И даже Тора была прочитана так, как надо. "Вот так и заканчивается история!.." - язвили саркастические нейросети...

Но Мини не обращала внимания. Её собственная история только начиналась! Она теперь точно знала, что никаких духов не было и в помине.

Какой-то медлительный нерадивый Кригрэрэрд - так странно возникло в ассоциации его имя - должен был и никак не мог закончить просмотр двух плёнок... двух новеньких плёнок слайдов. И вернуть их немедленно на первый уровень к объекту номер семнадцать сектора номер четыре в мире номер пять.

И какой-то сердитый Мэгрэрэрд - таким словом ей послышалось второе имя - бесконечно сигналил ему в пространство и бесконечно обещал ему устроить в будущем что-то такое, чего Мини не захотела до конца понять.

В общем, дальше у неё выходил сумбур из терминов и незнакомых слов, и Мини ушла от восприятия информации в этом спектре пространства.

Она попробовала порегулировать своё восприятие в разных направлениях. Это здорово получалось. Как раньше, прищуривая и скашивая глаза, наблюдала она солнце сквозь ресницы - видела его двойным, тройным на стекле и предметы - раздвоенными, расстроенными, прищуривая и скашивая глаза, так и теперь, делая что-то со

своим мозгом, видела она реальность в бесконечном, мелькающем калейдоскопе диапазонов. Миры сменялись в её восприятии мирами. Она видела их серые и разноцветные окна, в которых мелькала нелепая жизнь.

И даже строгий и несговорчивый Мэгрэрэрд - Мини почему-то уверена была, что это он, - промелькнул перед ней в комнате с прозрачными желеобразными стенами, сквозь которые просвечивало раздвоенное белое солнце.

Бесконечно просматривала она варианты, словно сдвигая и сморщивая что-то в своём мозгу. Наблюдала, проваливаясь в другую жизнь, словно заглядывала в чужие окна. И наконец, наткнулась на свою собственную комнату.

Мини только подрегулировала краски, чтобы они стали такими, как раньше, и дальше не захотела уже ничего менять. Ей так больше нравилось.

И тут, опомнившись, Мини вдруг поняла, что действительно сидит в своём кресле посреди своей комнаты... Тогда как только что спала на диване в папином кабинете, а бабушкина подруга, которая ей сейчас особенно не понравилась, глядит на неё вытаращенными от страха глазами из дальнего конца комнаты и безуспешно дёргает

в панике почему-то запертую дверь.

И ключа не было ни у неё в руках, ни на столике у кровати.

Тут Мини всё поняла и расхохоталась, наверное, на весь дом, а может быть, и ещё дальше. Она представила, как эта суеверная и вечно чего-то опасающаяся бабушкина подружка, запиравшаяся, как видно, на ночь, не нашла вдруг ключа под подушкой или на столике, где его оставила. И, проведя всё утро в безуспешных поисках - ох, уж, этот копуха-Кригрэрэрд! - мелькнуло у Мини, - и в безуспешных попытках выбраться из собственной ловушки, вдруг увидела Мини в кресле посреди запертой комнаты!

Мини хохотала и хохотала. Она вновь неосознанно прорвала константы энергопространства, но представила его уже почти отчётливо как бесконечный океан колеблющейся энергии, состоящий из бесчисленных слоёв с различно колеблющимися волнами, или с разными степенями колебаний этих бессчётных, существующих помимо друг друга и наполняющих это пространство волновых процессов.

И каждый сменяющийся разряд колебаний она ощущала уже как новый энергетический уровень, на котором вдруг согласно начинали

существовать теперь уже все электроны атомов её тела. И миры сменялись мирами не только перед глазами, но и в окружающей реальности - данные ей в ощущениях... Как говорит та самая материалистическая философия из Данькиной тетрадки....

Она осознанно приводила себя в состояние колебания, принадлежащего следующему и следующему энергетическому уровню, и Мини сама уже оказывалась в комнатах другой жизни, а не просто "подсматривала в окна".

И наконец она оказалась в точном подобии своей комнаты, где на столике лежал ключ. Вот это был успех!

А как Мини возвратилась назад в свою комнату, ответить на этот вопрос, могли, вероятно, лишь её собственные - непослушные и несговорчивые, постоянно хулиганящие нейросети. Не теряя времени, она подскочила с кресла, чтобы вручить несчастной узнице ключ, и та тотчас же исчезла за дверью. Ей давно нужно было в туалет, как и котёнку.

В кресле было не так приятно рассуждать, как лёжа в кровати. Дедушка был сто раз прав. Но в голове у Мини последовательно складывалась теория. Не противоречившая ни истинам из

пропадавшей Данькиной тетрадки, ни самой Торе, где говорится о множественности миров. А продолжавшие хулиганить нейросети вдруг зачем-то подсовывали ей воспоминание о том, как бабушка однажды сказала, что в Торе ничуть не опровергается тот факт, что Машиах может быть женщиной. Ну, к чему бы, спрашивается? Она не стала растрачивать внимание на постороннее. Она впитывала рождавшееся в мозгу новое и знала, что эти разные степени колебаний представляют собой отдельные энергетические уровни существования материи - различные сферы её видения и восприятия. И только те, кто принадлежит к одному и тому же волновому уровню - видят друг друга и чувствуют одну реальность.

И её интересовали уже все эти миры - вселенные внутри вселенных, находившиеся в пределах её комнаты как бесконечное семейство вставных матрёшек. Матрёшки эти были разные и непохожие, но все они были одного размера, так ловко умещавшиеся друг в друге, ничем не выдавая себя соседкам. И Мини это очень понравилось. Никто никому не мешал. Как мешает арабам Израиль или русским - соседняя Украина. Вот бы так стало на Земле! А от того, что сама она во

всём разобралась, радовалась Мини ещё больше. И всё так же безотчётно проделывая что-то со своим мозгом, перебирая бесконечные варианты, оказывалась она в бесконечном калейдоскопе жизней, купалась в мелькающем свете зелёных и розовых солнц и их странных и удивительных миров. Некоторые ей очень нравились. Вот бы сюда перенести Израиль, мечтала Мини! "А может быть так когда-то ушли шумеры?!" - мешали ей по-прежнему надоедливые нейросети. А обрадованный Кригрэрэрд сигналил и сигналил упрямому и недоверчивому Мэгрэрэрду, что пространство, наконец, сознательно прорвано ИМИ - соседями, с ИХ стороны, и теперь-то уж контакт по инструкции разрешается!

Оба они сигналил и Мини. Но Мини молчала. Она решила не отвечать. Потому что знала, что контакт будет устанавливаться не с ней, а со взрослыми. А взрослых нельзя допускать в многомирие. ...Неизвестно чего они могут там натворить! У них просто мания убивать и брать чужое!

Поэтому Мини делала вид, что не слышит. Ей очень не хотелось огорчать своих новых друзей, но стыдно было всё объяснять Кригэрэрду, и она упорно продолжала не отвечать. Пусть думают,

что произошла ошибка.

А потом Мини старательно проверяла свой собранный с вечера портфель. И думала, как бы чего-нибудь не забыть? "А оставляют ли в гимназиях на второй год?" - издевались не к месту нахальные нейросети. "Кажется, нет... А жаль".

Но Мини была спокойна. Знала, что впереди у неё - как минимум десять лет хорошей жизни. Ведь там ещё будет институт. И ничто не помешает взять хоть раз академку - полноценный академический отпуск на целый год.

"Но всё-таки, самое лучшее было бы именно сейчас, - твердили ей вечно спорящие нейросети, - получше как-нибудь придуриться и пару годиков посидеть дополнительно в каком-нибудь классе".

Чтобы хоть на парочку-тройку лет отсрочить тот неизбежный переход... в эту самую... категорию взрослых...

Ведь когда-нибудь ей придётся отвечать Кригрэрэрду... И честно сказать, что представляют из себя взрослые на самом деле...

Евгений ДОБРУШИН

Телевизор

А вообще, хостель Абраму нравился. Квартирка была маленькая, однокомнатная, но зато, со всеми удобствами. Туалет, душевая, кухонька такая аккуратненькая. В комнату проведено кабельное телевидение. Балкончик, опять же, хоть и крохотный, но солнечный, летом можно будет там даже ночевать. Соседи замечательные - такие же старички-одиночки, спокойные, музыку никто громко не включает, дискотеки до двух ночи не устраивает. В общем, жить можно.

Жаль только, телевизор старый сломался. В мастерской сказали - чинить не имеет смысла. Дешевле новый купить. И вот, старик снял со счета тысячу шекелей и пошел в магазин. День был солнечный, но не жаркий. Впрочем, до полудня оставалось еще два часа.

Абрам вышел на улицу и гордо глянул на красивое новое здание, в котором ему дали квартиру. Он чувствовал, что начинает еще больше любить Израиль, и был доволен этим чувством. Два последних года он маялся по съемным квартирам.

Дети жили отдельно, своими семьями, и он не хотел им мешать. После смерти жены пришлось брать напарника - одному ему съем не потянуть. Теперь же он был сам себе хозяин. Его сосед получил жилье в том же доме, и они продолжали дружить, по вечерам играя в домино и карты за столиком в садике, что находился неподалеку. Вот и сейчас он пересекал этот тихий сквер, здороваясь с сидящими на скамейках и всматриваясь в их лица, пытаясь отыскать среди них своего приятеля.

- Абрам, ты куда так торопишься? - услышал он знакомый голос за спиной.

- А, это ты? А я как раз тебя ищу.

- Это я тебя ищу. Тебе нужен телевизор?

- Я вот за ним и иду.

- Куда?

- Как это - куда? В магазин, конечно!

- Зачем тебе магазин? Пойдем со мной! Тут кто-то выбросил классный ящик! "Сони". Старый, но, похоже, в рабочем состоянии.

- Чего же ты сразу не сказал? - оживился Абрам. Он уже стал прикидывать, что можно купить на сэкономленные деньги.

Телевизор стоял рядом с мусорным баком. Модель была и в самом деле довольно древняя

- деревянный коричневый корпус, зеленый экран и кнопки вместо пульта дистанционного управления. Самое интересное, что название японской фирмы "Сони" было написано почему-то по-русски. Правда, старички на такой пустяк внимания не обратили. Они подняли вдвоем ящик и потащили его в хостель. После этого Брыскин (так звали приятеля Абрама) сразу ушел - у него была очередь к глазному на полдвенадцатого, а наш герой подключил прибор к сети, вставил переходник от коробочки кабельного декодера в нужное гнездо... и телевизор заработал!

По российскому каналу показывали утренний выпуск новостей.

Когда речь зашла об Израиле, Абрам по привычке стал комментировать происходящее. По своим убеждениям он был ультраправым и, как всякий человек, ненавидящий своих врагов, довольно образно выражал свои мысли по поводу арабо-израильского конфликта.

Весь день старик провел у новой игрушки. Он переключал каналы с одного на другой, смотрел передачи, высказывая свои мысли вслух. Теперь у него был постоянный собеседник. В отличие от других, его можно было в любой момент прервать или перевести на "другой разговор" - то

есть на другой канал. Телевизор не возражал. И в этом было его главное преимущество. С ним можно было посплетничать о жизни других людей - за сериалом, поругаться во время программы новостей и посмеяться на юмористической передаче. А можно было вспомнить детство вместе со старыми довоенными мультиками, время от времени транслируемыми в детских программах.

Абрам так увлекся, что не вышел в столовую ни на обед, ни на ужин. В девять вечера он смотрел израильский "Мабат" по первому каналу и ругался таким отборным матом, что из-за стенки стали стучать соседи. Особенно его раздражали два Йоси - Бейлин и Сарид. Их он иначе, как проститутками, и не называл. За двенадцать лет, проведенных в Израиле, он уже довольно неплохо изучил иврит и понимал почти все, о чем говорилось в передаче. Тем сильнее был его гнев. Человеку, полной чашей вкусившему антисемитизм и коммунистический террор, было непонятно, как люди ради карьеры и денег могут предавать собственный народ.

А в одиннадцать вечера передавали матч "Зенит" - "Динамо" (Москва).

Как бывший ленинградец, Абрам истово болел за свою команду, и когда "Зенит" все же проиграл,

минут пятнадцать не мог прийти в себя.

Заснул он далеко за полночь.

На следующий день он проснулся перед самым обедом. Умывшись и приведя себя в порядок, Абрам спустился в столовую.

В столовой царило необычное оживление. Все что-то обсуждали, многие плакали, правда, скорее, от радости, чем от горя, у других был на лицах испуг, а один дед бегал от столика к столику, потрясая над головой черной кипой, и громким шепотом бормотал:

- Дождались! Дождались! Я же говорил, что он придет! Я же говорил!

Абрам взял порцию супа, картошку с мясом, хлеб, салат, стакан с чаем и, отыскав глазами Брыскина, подсел к нему.

- Добрый день! - сказал он.

- А! Привет, привет! Слыхал новость?

- Какую?

- Говорят, Мессия пришел.

- Ну, ну. "Свежо предание..."

- А я думаю, это кто-то забавляется.

- Ты можешь мне пояснить по-человечески? Что случилось?

- Ты вчера телевизор смотрел?

- Ну.

- И... ничего такого не замечал?

- Не понимаю, а что я должен был замечать?

Брыскин отодвинул в сторону пустую тарелку.

- Значит, ты еще не в курсе.

- В курсе чего?

- Наверное, ты смотрел не те передачи...

- Хватит тянуть кота за хвост! Говори по существу!

- Погоди, не кипятись. Дело в том, что кто-то вклинивается в трансляции и комментирует передачи. Причем, ругает гоев на чем свет стоит, призывает к трансферу... Ну и все такое.

- Да?

- Ну. Причем, самое интересное, что делает он это по-русски!

- Подожди, ты что, меня разыгрываешь?

- Да об этом с утра весь хостель говорит! Спроси любого!

- Это правда? - обратился Абрам к старушке за соседним столиком, которая внимательно слушала разговор двух приятелей, однако, не вмешивалась.

- Он не врет. А мой сын мне сегодня звонил и сказал, что ТОТ, - она указала пальцем вверх, - еще и за "Зенит" болеет. Вчера питерцы продули московскому "Динамо", так ОН потом долго еще

судью на мыло посылал.

- Чудеса! - Абрам пожал плечами.

Они еще долго обсуждали это событие. Впрочем, ни в Бога, ни в Мессию, Абрам не верил. В конечном итоге они сошлись на мнении, что это дело рук какого-нибудь хакера, и пошли по комнатам спать.

А вечером все новостные каналы передавали о необычном феномене. Выяснилось, что эти "комментарии" принимались во всем мире, причем каждый из зрителей их слышал на том языке, который лучше всего знал. Впрочем, комментарии были не ко всем передачам. Чаще всего это встречалось на русских международных каналах, реже на израильских, и еще реже на европейских, таких, как ТВ5, АРТЭ, САТ-1, САТ-3 и РТЛ.

Голос комментатора был старческий, но бодрый и даже иногда злой. Судя по характеру комментариев, он был евреем, причем, жителем Израиля. Жил на пенсию в каком-то хостеле.

Родом новоявленный мессия был из Ленинграда, где в детстве пережил блокаду, поэтому ненавидел немцев, а также арабов, как врагов Израиля и еврейского народа. Мессия ругал также русских, французов и даже почему-то американцев. Последних он называл предателями и

зажравшимися янки.

Так продолжалось изо дня в день.

Все спецслужбы "стояли на ушах". Никаких посторонних помех не регистрировалось, все частоты оставались на своих местах, и создавалось впечатление, что наложение голоса происходит непосредственно в мозгу тех, кто смотрит передачи.

Единственным, кто не слышал ни разу "комментатора", был старый Абрам.

Первым, кто догадался о личности "мессии" был Саша Брыскин. Друг Абрама.

Он пришел к нему в гости и сказал:

- Это ты, Абрам!

- Что - я? - не понял тот.

- Ты и есть тот, кто заварил всю эту кашу!

- Какую кашу?

- Ты - "комментатор"!

- Я?!

От неожиданности Абрам сел на диван.

- Я наконец узнал его - это твой голос! - продолжал Брыскин. - С самого начала он казался мне знакомым. Потом я проанализировал все факты и понял - это ты!

- Но - почему?

- Не знаю. Но я могу это доказать.

- Как?

- Ты сейчас включишь ОРТ, и будешь читать вслух, ну, хотя бы, Пушкина, а я пойду к себе, и включу тот же канал. И посмотрим, что получится.

- Ты спятил...

- Боишься?

- Ничего я не боюсь! Иди, включай телевизор!

Так они и сделали.

А потом Саша позвонил Абраше и продекламировал:

- "Онегин, добрый мой приятель, родился на брегах Невы, где, может быть, родились вы..."

Закончить строчку из поэмы он не успел - в телефонной трубке что-то грохнуло, и связь прервалась.

Когда он вбежал в комнату друга, Абрам лежал на полу и не дышал. Телевизор был включен на канале ОРТ.

Старика похоронили на следующий день. Брыскина на похоронах не было - он лежал в больнице с сердечным приступом.

В мире, между тем, происходили кое-какие изменения. За те три недели, которые длились "комментарии", многие политики пересмотрели свое отношение к Израилю и евреям. А стало

это возможным благодаря многочисленным демонстрациям в поддержку страны, в которой живет "мессия". Тем более, что доводы "пророка" были настолько убедительны, что многие резко поменяли свое мнение по поводу еврейской нации вообще и арабо-израильского конфликта, в частности. Все-таки, Абрам был неглупым человеком. Сам того не подозревая, он стал рупором своей страны и сделал для нее больше, чем все израильские премьер-министры, вместе взятые.

Когда "комментарии" по известной причине прекратились, пошли слухи, что мессия умер. С одной стороны, это было так. Но с другой...

В комнату Абрама вселили другого старичка. Он выбросил прежний телевизор и поставил свой, более новый и современный.

Но прибор пролежал на помойке недолго. Его нашел подросток по имени Ицик и притащил к себе домой.

Вскоре планету облетела весть - "мессия" вернулся! Только теперь он был пацаном и комментировал, в основном, порноканалы и МТВ. Всем музыкальным стилям предпочитал рок и тащился от полногрудых блондинок.

Старенький "Сони" продолжал работать.

Ольга БЭЙС

ДНЕВНИК УДАЧИ

Каким будет новый день? Таким, каким ты хочешь его увидеть!

В этот день погода была просто жуткой. Холодно, сыро, мелкий колючий дождь бил по лицу, бессовестно забираясь под зонт. Остаться без машины в такой день - вот пример дикого невезения. Именно это со мной и произошло. Машина у меня старенькая, давно отслужила свое... Но я страдаю патологической привязанностью к привычным вещам. Для меня обувь сменить - это проблема. А тут машина!..

В общем, мотор моей старушки отказался заводиться напрочь, а мне, как назло, срочно нужно было в аэропорт. Моя любимая сестричка, наконец, удосужилась приехать в гости, она должна была прилететь вечерним рейсом.

Я хотела заказать такси, но если уж начались неприятности... Телефон не работал. Вот и пришлось мне пробежаться, как минимум, до соседнего дома, чтобы позвонить от соседей.

До ближайшего коттеджа было метров двести, не больше. Но в такую морось!... Я уже проскочила полдороги, когда услышала истошный кошачий вопль.

Котенок сидел на дереве и, видимо, боялся спуститься. Он был мокрый, грязный и так дрожал, что было непонятно, как он еще удерживается на этой ветке. Дерево было не слишком высоким, но, чтобы достать горемыку, пришлось повозиться. Я с трудом сняла его и завернула в платок, который до той минуты был повязан вокруг моей шеи. Пришлось возвращаться домой, хорошо, что у меня нет привычки откладывать дела на последнюю минуту.

Я положила моего неожиданного гостя у теплого радиатора на кухне, налила ему блюдце молока и уже хотела повторить свою попытку дойти до дома соседей, но тут услышала сигнал собственного телефонного аппарата. Это была сестра. Из-за нелетной погоды наша встреча откладывалась, по крайней мере, на сутки.

Не могу сказать, что я обрадовалась, но определенное чувство облегчения меня все же посетило. Сегодня уже не надо было выходить на улицу.

Пока переодевалась, принимала душ, готовила себе ужин, пушистик просох, согрелся и

оказался очень симпатичным рыжим котиком с большими круглыми глазами, зелеными как два изумруда. Он сразу почувствовал себя хозяином в моем небольшом жилище, но я вдруг подумала, что, возможно, его кто-то ищет. Что же делать?.. И словно отвечая на мои мысли, кто-то постучал. Я открыла дверь и была крайне удивлена. Там никого... Но на пороге лежал какой-то пакет.

В пакете была старая школьная тетрадь... Кажется это... Ну, конечно!

Еще в школе я вела дневник, в который тщательно записывала все свои радости и печали, важные для меня события, или вернее то, что тогда казалось важным. Но это было так давно!..

Так расчувствовалась, что на глаза навернулись слезы. Я открыла тетрадь и...

Что это?! 15 апреля 2... года! Но этот день наступит только завтра! Сегодня 14 апреля!.. На всякий случай, я проверила правильность своего ощущения времени по всем присутствующим в моем доме источникам информации. Что же это за мистификация? Как можно записать события дня, который еще не наступил? Если это кто-то пошутил, то он хорошо знал мой почерк и умело ему подражал. Я НЕ МОГЛА этого написать! Ну что ж, посмотрим... Заглянем в завтра...

Да, если верить этому дневнику, у меня завтра будет день сплошных чудес! Милая совсем безобидная шутка...

Кроме чудесного прогноза на следующий день в тетради больше ничего не было. Просто чистые листы. Настроение мое поднялось, и я мысленно поблагодарила того, кто затеял этот невинный розыгрыш.

В этот странный вечер меня рано сморил сон. Котенок, сытый и довольный устроился на моей кровати. Я погладила его шелковистую шерстку, и он громко замурлыкал, наполняя мою комнату каким-то неповторимым уютом. "Может он и ничей", - с надеждой подумалось мне, назову его Солнышком.

Засыпая, я вспомнила чудесный дневник... "...Издательство ЦЕНТР приглашает Вас для заключения...". Да хорошо бы, но...

Утро было великолепным. Ярко сияло солнце, на небе ни облачка!.. Деревья шелестели зелеными лаковыми листочками, цветы в палисаднике весело и любопытно вытягивали свои разноцветные головки навстречу легкому весеннему ветерку. Не верилось, что еще вчера все это великолепие красок было скрыто от нас серым занавесом дождя.

В почтовом ящике было несколько писем. Ни одного счета! Замечательно!

Один конверт привлек мое особое внимание. Я вдруг вспомнила необычное вчерашнее происшествие. Солнышко сидел у моих ног и умывал свою неотразимую мордашку. Я разволновалась и не сразу смогла распечатать это долгожданное письмо, получить которое уже почти не надеялась. Впрочем, еще не известно, что внутри....

"...Издательство Центр приглашает Вас для заключения договора на издание присланных Вами произведений..."

Я дочитала письмо, но почувствовала не только радость...

Дневник!.. Откуда неведомый шутник мог все это знать. Погода, котенок и, наконец, это письмо?!

В старой тетради еще было много чистых страниц...

А что, если?..

16 апреля 2... года, написала я на верхней строке. Почему бы не попробовать самой написать хотя бы несколько страниц своей жизни...

БАБУШКИН ПОДАРОК

Керри закрыла дверь за последним гостем, подошла к еще пока неостывшему камину, рухнула в большое старое кресло и, наконец, расплакалась. Бабушка умерла ночью. Тихо, почти беззвучно. Лишь осторожно вздохнув, на прощанье. Керри вдруг подумала, что совершенно не помнит ее голоса. Если бы она сейчас услышала ее голос, наверное бы, узнала его. Но какой он был? Чем отличался от других голосов?

- Керри! - вдруг прозвучало рядом, - прекрати это мокрое безобразие!

- Бабушка? Это ты?

- Я, кто же еще?

- Но...

- Только не напоминай, что я забыла передать тебе подарок! Я помню. Тебе ведь вчера исполнилось девятнадцать лет.

- Мне не нужно ничего, я хочу, чтобы ты была со мной! Всегда!

- Глупости! - возмутилась неожиданно добрая старушка. - Ты же прекрасно знаешь, что никто не живет вечно.

- Знаю, но и то, что я сейчас могу с тобой говорить, тоже или сон, или чудо! Так ведь?

- Назови это как хочешь. Но подарок у меня для тебя есть. Пойди в спальню и на комоде рядом с зеркалом возьми коробку. Погоди, выслушай меня сначала. Не открывай ее сразу. Это не простой сюрприз. С секретом. Очень трудно бывает загадать желание, когда знаешь, что оно исполнится, и притом только одно. Откроешь коробку тогда, когда будешь абсолютно точно знать, ЧТО тебе в данный момент крайне необходимо, запомни - КРАЙНЕ необходимо.

Керри показалось, что она спала и проснулась. "Как жаль, что это был всего лишь сон" - подумала она. Но любопытство, или какое-то еще более экзотическое чувство заставило ее подняться из кресла и пойти в спальню. Коробка была на комоде, небольшая, чуть крупнее, чем та, в которую помещались наушники от мобильного телефона. Картонная, темно-коричневого цвета. Очень хотелось попробовать открыть ее сразу, но она вспомнила бабушкины слова, пусть даже и прозвучавшие во сне, и решила подождать. Чего? Она толком и не знала. Взяла этот странный подарок и решила выйти из дома, чтобы вернуть себя в реальность. Уж больно непонятно завершался этот тяжелый день.

Что произошло, Керри поняла только тогда,

когда услышала щелчок захлопнувшейся двери.

- Ой! - только и сумела произнести она. Что же делать? Время позднее. Ей никогда не приходилось сталкиваться с такой проблемой. Соседей беспокоить неудобно. Да и никого она пока не знает настолько, чтобы обращаться в такой ситуации. Хоть плачь! Тут она почувствовала, что еще держит в руке коробку. Машинально открыла ее. Что это? Там лежал ключ, точно такой, каким она еще недавно открывала дверь своей квартиры. И он подошел.

Когда она опустилась в старое кресло возле камина, она опять, или ей это почудилось, услышала чуть ворчливый голос бабушки: "Теперь ты знаешь, какой случай может оказаться подходящим, чтобы вспомнить о моем подарке".

ВРАТА НЕЖДАННЫХ СЮРПРИЗОВ

"Врата нежданных сюрпризов". Эта дурацкая фраза пришла в голову Кэрри, едва она утром открыла глаза.

Нет, она не была случайной. Но только Кэрри понимала ее смысл и соответствие обстоятельствам жизни. Ей предстояло сегодня явиться на работу, которую ей предложили в бюро по трудоустройству, туда она решила обратиться не

тогда, когда уже просто не будет другого выхода, а заранее. На ее банковском счету еще было не пусто, но она не привыкла решать проблемы в момент, когда не решать их уже невозможно.

Кое-кто в ее окружении считал это занудством. Ну и пусть.

Контора по подбору кадров для СМИ занимала всего две небольшие комнаты в огромном здании "Сэндилайн"

За большим письменным столом сидел человек средних лет, который почему-то сразу вызвал у Кэрри симпатию. Впрочем, она особо и не волновалась. Она понимала, что делает первую попытку, которая редко бывает удачной.

- Рад, что вы обратились к нам госпожа Брук, - с мягкой почти отеческой улыбкой произнес человек за столом.

- Я надеюсь, что обратилась к вам не зря, - пролепетала с неожиданной робостью, совершенно ей не свойственной, Кэрри.

- Уверен, что так. У вас есть все качества, необходимые для той работы, которую вам предстоит выполнить, конечно, если вы согласитесь.

- В ней есть что-то особенное?

- И нет, и да. Как посмотреть. У вас есть опыт репортера, фоторепортера и хорошая спортивная

подготовка, что, пожалуй, самое важное.

- Предстоит работа в каком-то необычном месте?

- Если вы согласитесь на наши условия.

- А что за условия?

- Первое состоит в том, что оплату на свой банковский счет вы получите до того, как отправитесь на место репортажа.

- Вряд ли это предложение может быть мною отвергнуто. - Кэрри вдруг улыбнулась и, наконец, полностью успокоилась.

- Второе условие: вы никому и никогда не будете рассказывать об этом опыте.

- О моей работе у вас?

- Назовите это так.

- Хорошо. Да и кому мне рассказывать?

- В этом конверте чип, вы сейчас возьмете его и вставите в аппарат, вот в этот. - Он указал на небольшое устройство, похожее на старый мобильный телефон, появившееся у него в руке как по волшебству. - Погодите, вы это проделаете не здесь.

- Конечно, - подтвердила Кэрри.

- А теперь, собственно, о задании. Что вы знаете о Бермудском треугольнике?

- Практически только то, что он есть, и что

вблизи этого пресловутого треугольника когда-то пропадали корабли и, кажется, даже самолеты.

Собеседник Кэрри снисходительно, как ей показалось, улыбнулся. И продолжил:

- Что ж, это уже немало. Корабли и самолеты пропадали не только там, но этот условный треугольник стал самым известным и обрел славу таинственного места. Чего только о нем ни говорят, какие чудеса ни приписывают.

- Да, вы правы. Но что вы хотите, чтобы сделала я?

- Вам нужно будет добраться на небольшом катере до некоторой точки в океане. Катером будет управлять наш оператор, - предварил предполагаемый работодатель вопрос Кэрри. - Там вам нужно будет вставить в этот прибор чип и бросить устройство в океан. И еще ничему не удивляйтесь.

***

Кэрри проснулась, открыла нехотя глаза и потянулась. Приснится же такое. Но насчет работы надо бы узнать, денег едва хватит на пару месяцев. И то, если соблюдать жесткий режим экономии. Она включила комп, чтобы уточнить, какими средствами располагает. Что это? Явная

ошибка, такой суммы на своем счету Кэрри не видела никогда! Надо срочно связаться с банком.

- Госпожа Брук, - заворковала служащая, - наш курьер уже едет к вам, ваша кредитная карта готова. Примите наши поздравления.

- Поздравления?! С чем?! - выкрикнула Кэрри, но связь уже прервалась.

ПОЛОСКА БЕЛАЯ, ПОЛОСКА ЧЕРНАЯ

Я не помню уже, когда познакомилась с такой моделью жизни и судьбы. Иногда мне кажется, что с пониманием этой нехитрой истины я родилась. Так и жила, постигая ее, мгновение за мгновением. Белые полоски мелькали, незаметно таяли во времени, дарили краткие мгновения счастья.

Из черных приходилось выбираться. Они тянулись и тянулись, пытаясь не выпустить меня из своей власти, влияя на мои мысли, чувства и даже поступки. И некому было мне не только помочь, но и подсказать, как же вырваться?

Но я пыталась. Придумывала планы, способы, сценарии выхода из черноты.

На самом деле я слишком была занята переживанием своих проблем. Мне сейчас кажется, я настолько в них увязла, что все остальное оста-

лось не только вне моего наблюдения, но и за пределами малейшей доступности. Я была внутри тонкого прозрачного цилиндра, за пределами которого и протекала, собственно, жизнь вообще и моя жизнь, с которой я как будто порвала все отношения. Или хотела порвать.

Это случилось осенью. Хмурым дождливым днем, а как же иначе?

Я была дома. Стояла у окна и тупо наблюдала за каплями, ползущими по стеклу. Повторяю - я была совсем одна. Понятно, что одна я была в некотором пространстве, ограниченном некими стенами, в которых, конечно, всегда можно было увидеть и дверь. Но тогда я видела только стены. И они держали меня. До определенного момента.

Дождь, хоть и казался вечным, иногда затихал, словно и ему нужна была минутка отдыха. И сразу на меня падала тишина. На очень короткое мгновение. В одно из таких мгновений я услышала звук. Кто-то стучал в мою дверь, входную, через которую я поддерживаю связь с миром, окружающим мой дом.

Я вышла в прихожую и открыла дверь. На пороге стояла девочка лет семи-восьми. Она что-то укрывала за пазухой, очень осторожно прижимая это к своему телу. Я потянула за рукав ее мокрой

курточки, втянула ее в дом и закрыла дверь. Девочка подняла ко мне свое мокрое не только от дождя, но и от слез, личико. Она сразу успокоилась. И произнесла прекрасное и волшебное слово: "помогите!"

- Конечно, помогу, - ответила я, - что случилось?

- Я только хотела притронуться к дождю. Мама не разрешает мне открывать дверь даже, если кто-то звонит, когда я дома одна. Но мне так... - она заплакала. - Дверь захлопнулась!

- Ты хотела поговорить с дождем? - спросила я.

- Да, я понимаю, что это... - Она не сразу вспомнила нужное слово, - глупо.

- Нет, это совсем не глупо, но ты могла все ему сказать, и не выходя из дома.

- Но он бы не услышал меня!

- Ну, что ты, услышал бы, это же дождь!

Я сказала это уверенно, и мне поверили. Девочка успокоилась. И мы с ней стали решать наши текущие проблемы. Она назвала номер телефона своей мамы. Я позвонила женщине, объяснила, что произошло, и взяла с нее слово, что она не будет сердиться на дочь.

И только потом я вспомнила о существе, которое пряталось в курточке ребенка.

- А кто у тебя там? - спросила я.

- Это Мурзик! Он тоже был на улице!

Она расстегнула курточку. Котенок выпал на коврик, возле которого мы стояли. Как будто ничего особенного не происходило вокруг, этот серый комочек тихо мяукнул и стал тщательно вылизывать свою шерстку.

Вскоре за моей гостьей пришла мама, молодая симпатичная, лет тридцати, я думаю.

Когда я открывала ей дверь, то заметила, что дождь уступил место солнечному свету, решительно пробивавшемуся сквозь медленно исчезавшие тучи.

ОСТРОВ ДЛЯ СОКРОВИЩ

Что это опять принес Торн? Боюсь я его подарков. Больше всего мне хотелось, чтобы он забыл ко мне дорогу. Но я не могу ничего поделать. Он свободный ветер: непонятно, где рождается, неизвестно, куда улетает.

" Господи, почему я еще жива? Не утонула, не разбилась о скалы? Обрекла себя на длительную и мучительную... Нет, это лучше, чем то, что..."

Да это живое! Торн именно о них рассказывает в своих тоскливых песнях. Жаль, что я не

всегда понимаю бессвязные речи этого шумного балагура.

Но как? Может, прилетело? Нет! Птицы иногда прилетают, чтобы отдохнуть во время своих странных перелетов, но это не птица, слишком велико это существо, да и летать вряд ли способно. И не житель подводных глубин. Не пытается вернуться в воду. Даже наоборот, цепляется за каменистый берег. Надо бы помочь, что ли.

"Господи, что это? Неужели мало на мою долю выпало страданий?!"

Кажется, я его напугал.

" Я схожу с ума! Кто-то говорит со мной? Или не со мной? Может, на этом острове есть люди? Нет! Не верю! Не хочу никого видеть и слышать. Не надо!"

Не надо, так не надо. Но неужели спокойно смотреть, как умирает живое существо? И даже, возможно, мыслящее? На, хоть перекуси, вдруг это поможет.

"Ой, что это? Виноград? Нет, не стоит, а вдруг он отравлен?"

Вот странное существо! Только что стремилось умереть, и вдруг...

"Впрочем, какая разница, ведь я же... Какой ароматный и сладкий!"

Вот, уже разумная мысль! Судя по всему, первая. Ну, есть надежда!

"Вкусно, а, может... Нет, правда, я не пропаду здесь! Замечательный, сказочный остров!"

Мне очень приятно. Поладим.

ВДОХНОВЕНИЕ

Приятные сюрпризы на моем жизненном пути были предусмотрены не часто. Так, в основном, по мелочи: удачный билет на экзамене, мелкие денежные выигрыши по подаренным в день рождения лотерейным билетам.

Но с самого детства я почему-то была уверена, что однажды со мной обязательно случится что-то чудесное и прекрасное. Наверное, я не одинока в этих своих грезах, и я это всегда понимала.

Не стану вам излагать историю моей жизни, хотя, возможно, вы и нашли бы в ней кое-что поучительное. Однако мне это неинтересно. Для меня настоящая жизнь началась только после той незабываемой зимней ночи.

Нужно сказать, что зима для меня всегда была временем абсолютно бесперспективным с точки зрения ожидания чуда. Все свои реальные

или фантастические мечты и надежды я могла связать только с весной. Объективных причин так считать у меня не было, но таковы были мои ощущения. Кроме того, зимой у меня всегда были проблемы, связанные с необходимостью работать. А моя профессия такова, что без настроения никогда не сделаешь ничего такого, за что не стыдно получать соответствующее вознаграждение.

В это время я как раз была, что называется, в творческом тупике. Ежедневные посещения мастерской не приносили никакой пользы ни мне, ни моим заказчикам.

Был февраль. Весна, конечно, была уже на подходе, но этим вечером о ней не вспоминалось. За окном завывал ветер, стекла разрисовал мороз. Бесцельно блуждая по квартире, я подошла к стоявшему в моей спальне старому массивному шкафу со встроенным с внешней стороны дверцы большим овальным зеркалом. И что мне пришло вдруг в голову смотреться в зеркало, не включая свет?

Вы когда-нибудь смотрели в зеркало в темном помещении? Попробуйте. С этого незатейливого эксперимента все и началось....

Изображение за стеклом показалось мне на

какое-то мгновение совсем чужим. Я вгляделась чуть пристальнее...

Странное мистическое чувство стало медленно вызревать где-то в самых темных глубинах моего сознания. Я почему-то оглянулась и вдруг увидела, что комната куда-то исчезла, а я стою посредине огромного зала, тускло освещенного светом луны.

Было ли мне в этот момент страшно? Не знаю. Разве что самую малость. Но зато было безумно интересно. Где же это я оказалась? Вопрос "как?" я оставила на потом. Тут я четко услышала шаги, легкие и частые, они свидетельствовали о том, что кто-то сейчас появится здесь, и, очевидно, это любопытное приключение получит свое развитие.

Это была бледная девочка лет семи с темными волосами, беспорядочно спадавшими на худенькие плечи. Одета она была в длинную белую ночную сорочку из какой-то мягкой шелковистой ткани, на ногах были туфельки, которые ей явно были велики. Черты лица трудно разглядеть при столь скудном освещении, но все в этом забавном персонаже казалось мне удивительно знакомым.

Малышка не обратила на меня никакого вни-

мания, да я и не уверена, что она меня видела. Она подошла к большому окну, взобралась на подоконник, устроилась на нем так, чтобы как можно лучше видеть усыпанное звездами ночное небо, и замерла, словно ей было дано услышать откровение вечности.

А где в это мгновение была я сама? Для меня это останется загадкой. Прекрасная и величественная картина уносящейся в бесконечность звездной дороги захватила всю мою сущность. Это невозможно описать словами... Душа открылась навстречу чему-то большому, светлому и доброму. И это осталось со мной навсегда...

После той ночи я целый месяц практически не покидала мастерскую. Я почувствовала и поняла, что такое творчество! Я влюбилась в мир, который раньше мне казался только фоном, на котором выстраиваются декорации наших судеб.

Спасибо тебе, мой маленький Ангел!

Я до сих пор не знаю, что на самом деле произошло в моей жизни той странной ночью, но все так резко изменилось в моей судьбе именно с этого момента.

Возможно, это был всего лишь сон. Тогда это удивительное видение наверняка было симво-

лом грядущих перемен.

ОН - ПРОСТО ДЕМОН

Как я попала в такую историю? С чего все началось? Мне ужасно не хотелось идти на занятия. Вообще такое со мной бывало крайне редко. Я люблю учиться. Меня даже не особо утомляют лекции по общеобразовательным предметам. Но, кажется, в тот день мне нездоровилось. Или, если не лукавить, я решила, что мне нездоровится, именно потому, что не хотела никуда уходить из дома. Был декабрь. За окном тяжелое серое небо, иногда начинал сыпаться снег, мелкий и колючий, как мне представлялось. От такого не защитит никакая одежда. Сыро, холодно, неуютно.

А дома все просто наоборот!

Я придвинула поближе к старому камину свое любимое кресло и решила, что сегодня сделаю себе не просто выходной, а бесконечно счастливый выходной. Как это? А скажу-ка я себе, что этот день навсегда.

- Слышите, мои враги, мои беды, мои ошибки, все ненавидящие меня, все предавшие меня, все, кому невыносим сам факт моего существования в этом мире. Я живу!

Я произнесла эти слова вслух и засмеялась, хотя из глаз моих текли слезы, и я не могла их остановить.

Что случилось? Это трудно не только объяснить, это очень трудно даже осознать.

Да, слишком пафосно получилось.

Я встала и медленно, словно чего-то опасаясь, подошла к высокому зеркалу в прихожей. Там уже стоял мой чемодан. Он был готов покинуть это жилище даже раньше меня. Еще до того, как я осознала, что это единственный для меня выход. Я посмотрела на дверь и опять засмеялась. В моем смехе уже не было прошлого, не было горечи, исчезли, испарились потери и сопровождающие их печали. Осталось лишь ощущение безграничной свободы. Это были счастливые мгновения забытья.

Я глянула на свое отражение: что это? Вернее, кто это?

Сначала там отразилось то, что осталось от меня после того, как мне указали на эту замечательную дверь. Ну, все не так уж плохо: руки, ноги, голова. - все на месте. Я не рассыпалась в прах, не вознеслась, но и не провалилась в преисподнюю. За этой дверью огромный мир. И этот мир сейчас мне откроется.

Но то, что я увидела, как минимум, было достойно удивления. Ничего, что должно было, по законам природы, отразиться за моей спиной в зеркальном прямоугольнике, не возникло. Там было лишь мое отражение. На фоне... А где же фон? Я увидела лишь черное бесконечное пространство. Ну и ну...

- Господи!

- Определись, дорогая, кто тебе по-настоящему нужен?

Голос был совсем не злым и даже не страшным. Скорее, дружелюбным.

- Кто здесь, - вскрикнула я, и мое отражение исчезло, а появилось то, что я не могу описать обычными словами, так, чтобы было понятно еще кому-то, кроме меня. Но я его узнала. Он родился в моей душе, он долго жил там. И еще в моих мыслях и чувствах. Сначала я не противилась его рождению и соседству. Это было даже забавно. Но он рос и, взрослея, стал подминать мою сущность под себя. Как это случилось? Кажется, я понимаю. Если у меня вдруг появлялось ощущение беспомощности, точнее - нежелание выполнять указания того, что принято называть здравым смыслом, он тут же приходил и давал мне аргументы в пользу простого решения воз-

никшей проблемы. А я охотно, практически не задумываясь, следовала его советам. Они были притягательны не только простотой и изяществом решения, но и доступностью инструментов, при помощи которых я могла все решить. Что за инструменты?

Самый простой - это ложь. Можно ведь не называть все своими именами. Можно придумать слова, весьма комплиментарно описывающие любые действия, мысли чувства. Это так удобно. Я научилась этим виртуозно пользоваться, но там и была главная ловушка. Ничего нам не дается бесплатно. Приходит время, когда за все приходится платить. И цену уже назначаю не я.

Когда я это поняла, цена уже выросла так, что еще пара мгновений, и я не смогу ее заплатить.

- Нет! - решительно выкрикнула я, увидев истинное свое отражение. - Я не хочу быть тобой, я не хочу быть такой! Ты не человеческая моя сущность, ты мерзкое лицемерное зло! Я избавляюсь от тебя навсегда!

И тут мое отражение затянулось сначала почти прозрачным туманом, затем в прямоугольнике зеркального мира я увидела ЕГО, демона и господина. Мое первое побуждение было - просто разбить мерзкое стекло. Но это бы значило

- подчиниться злу, сделать именно то, чего оно от меня ждет.

- Нет! - выкрикнула я. - Уходи сам!

Он медленно, очень медленно, словно давая мне время передумать, повернулся ко мне спиной и стал удаляться.

Этот демон меня оставил. Но он не один там, откуда они приходят. Не забыть бы эту простую истину.

ЕГО ГОЛОС

Элина хорошо помнит тот главный день. Конечно, это не один день. На то, чтобы осознать себя и предстоявший ей путь, ушли годы. Свою жизненную линию она вычерчивала долго и мучительно. Она помнит, как постепенно, и надо сказать, неохотно вживалась в мир, который принимал и не принимал ее.

Принимал настороженно и равнодушно. К этому она была готова. Но начало пути ее почти оглушило.

Нет смысла описывать биографию среднестатистической личности, которой она была и которой себя осознавала. Таких историй написано и опубликовано в разных видах и формах множество.

Сейчас она сосредоточилась на статье, которую

нужно было срочно дописать. Пальцы скользили по компьютерным клавишам:

"Попробую лишь обобщить полученный опыт и связать его с тем, что станет понятно каждому, решившемуся дочитать эти строки до нужной ему точки.

С этим явлением наверняка сталкивались очень многие.

Например, вы участвуете в неком важном для вас процессе. Вы предприняли несколько весьма хорошо продуманных и удачных действий, в результате чего подошли, как вам представлялось, к стопроцентному успеху вашего предприятия после всего единственного и несложного шага, и вдруг все рушится из-за события, которое казалось абсолютно невероятным в вашем воображаемом сценарии.

Еще один пример, в противоположном направлении. У вас черная полоса: что бы вы ни делали, все оказывается неудачей. Вы уже настолько измучены отрицательными результатами своих действий, что предпринимаете шаг, заранее обреченный на провал, со стопроцентной НЕвероятностью, и вдруг случается именно то, что вы считали совершенно невозможным, вы получаете бесценный подарок судьбы.

Эти ситуации есть в жизни каждого, кто просто задумается об этом.

Реальных примеров можно привести море.

На первый взгляд кажется, что нарушается один из постулатов психологической составляющей судьбы. Мы его излагаем очень просто: от судьбы не уйдешь. Как часто мы слышим об этом. Но можно это выразить и по-другому.

Всякая система, построенная на внутренних закономерностях, необходимых для ее существования, содержит некий механизм, обеспечивающий ее самосохранение".

Дописав статью до этого момента, Элина остановилась.

Острая боль заставила ее отвлечься от работы над текстом, который она хотела дописать до того, как естественные и такие желанные события выбьют ее из привычной колеи. Вспышка боли была неожиданной, но короткой.

"Еще девять дней впереди", - попыталась она успокоить себя, но тревожное: "сроки только предполагаемые" заставило ее встать и сделать то, что ей казалось необходимым: она собрала в сумку всякие мелочи, положила рядом с собой телефон и хронометр с тихим, но вполне отчетливым звуковым сигналом, который будет

повторяться каждые пятнадцать минут.

Затем она продолжила работу над статьей.

"Два практических вывода:

1. Планируя последовательность действий для достижения некого результата, нужно всегда держать в сознании как можно больше вариантов развития событий после каждого предпринятого вами сознательного действия.

2. Не стоит впадать в депрессию, оказавшись в полосе неудач, нужно помнить, что система дорожит каждым вариантом и каждым своим наблюдателем.

Я не сомневаюсь в том, что это сложное явление, не сомневаюсь и в том, что психические реакции тесно связаны с физиологическими.

Но чтобы научиться рационально и эффективно использовать свое физическое тело для развития сознания и психики, нужно очень точно определиться как с исходными параметрами, так и с направлением развития. Пресловутый вопрос цели я хочу максимально освободить от эмоциональной окраски и рационализировать, чтобы понять, откуда растут эти самые эмоции".

Опять боль. Только уже не та, которая была ожидаема и желанна. По щекам Элины вдруг

потекли горячие струйки долгожданных слез. Стало не только легче. Вернулось ощущение или, как минимум, предвкушение счастья.

Все пройдет, а это ощущение...

Она решительно продолжила работу, понимая, что времени осталось совсем немного.

"Я уверена, что культура эмоциональной среды очень влияет на систему осуществляемых нами макровыборов.

Еще один момент - меня интересуют, в связи с этим, два значения слова "боль", ибо я уже, если не понимаю, то очень точно ощущаю связь между придаваемым ему значением и исконным понятием, выраженным фонетически.

Так вот, на первый взгляд это слово обозначает физиологическую реакцию на действие, опасное для физического тела или направленное на его разрушение, но фонетически оно ближе к психической реакции на препятствие в достижении прогресса развития сознания.

Можем ли мы выбирать здесь систему отсчета? Или она жестко задается, как минимум, на некотором пространстве-времени? Да, вопрос о существовании программирования событий жизни, о жесткости этого программирования, о наличии развилок и циклов"

Все, что помнила Элина на следующий день - это бесконечный коридор, по которому ее везут. Куда? Она понимала, что в другую жизнь, счастливую ли? Впрочем, в этот момент налетела мысль, которая перечеркнула все: весь ее жизненный опыт и все ее ожидания.

Белый потолок, в который упирался ее взгляд, безнадежно молчал. Но почему?!

Что случилось?! Я ничего не слышу! Что... Почему? Почему он молчит? Я хочу его услышать. Я согласна отдать ему все!! Слышите?! Все!

Но белый потолок молчит и нагоняет черный страх. Была ли боль? Не знаю! Тут все вспоминается некстати, "В вашем возрасте вы очень рискуете, но мы сделаем все возможное..."

Что вы собираетесь сделать? Я хочу только, чтобы он жил! Я хочу...

И вдруг страшное безмолвие белого потолка разрывается криком! Это его голос, и нет в мире ничего прекраснее!

ЖЕЛАНИЕ

Сона проснулась за несколько секунд до того, как заголосил будильник. Она встала и успела заправить постель прежде, чем услышала эту мелодию. Вообще в часы было загружено пять

мелодий, это Сона придумала несколько лет назад, такое забавное, но, наверное, глупое гадание. В зависимости от того, какая мелодия ее будила, она как бы могла определить уровень своей удачи на грядущий день, но, боже, как часто день приносил вместо даже самой крохотной удачи, в лучшем случае - разочарование.

С тех пор, как она покинула свой дом и обрела, как ей тогда казалось, настоящую свободу, прошла целая вечность. Что, собственно, обрела Сона?

Она посмотрела на электронный календарь на хронометре, укрепленном над входной дверью: 31 декабря.

О!

Самое время подводить итоги и загадывать желание. Хотя бы одно, но самое важное!

Она задумалась. Когда в тот роковой вечер она захлопнула за собой дверь в прошлое, совсем не хотелось думать о будущем. А ведь это было тоже 31 декабря. Что тогда случилось? Почему она так поступила? Тогда она не видела другого решения, а сейчас уже ничего не помнит о той обиде, которая руководила в тот момент ее решениями и поступками.

Она вдруг осознала, что хотела загадать един-

ственное желание: вернуться в то 31 декабря и все исправить. Она понимала, что ее желание не исполнится даже с новогодним боем часов, даже если она успеет высказать его до того, как прозвучит последний удар.

В это время кто-то позвонил в дверной колокольчик. Сона стремительно шагнула к двери и рывком ее открыла. Ее полный тоски и раскаянья взгляд устремился навстречу точно такому же взгляду. Ей показалось, что в этот миг вокруг стало очень светло. И зазвучала прекрасная мелодия, которую она слышала впервые, но ждала и очень хотела услышать...

ПОЛЕТ НЕ ВО СНЕ

Настоящего можно не замечать, прошлое можно забыть, но будущее есть всегда. Откуда я это знаю? Я с этой мыслью родилась. Поэтому все, что со мной происходило, особенно, если происходящее мне очень не нравилось, а так было часто, я пропускала мимо своего сознания и видела только будущее.

Там мне открывалось не сплошное счастье, нет. Там все было по-честному: на сотни проблем и неудач - иногда один счастливый случай. Сколько их было в моей жизни? Я не считала, сознательно,

не хотела считать. Просто из счастливых мгновений я строила свою дорогу вперед, в будущее.

Самым трудным периодом моего земного существования было детство. Я не помню своих родителей, а, может, их у меня и не было. Жизнь моя протекала в каком-то богоугодном заведении. Почему-то в этом приюте я сразу пришлась не ко двору. Я не страдала от непонимания и обид, я ведь не знала, что может быть иначе. Откуда бы мне это знать? Я приспосабливалась, как могла, стараясь не общаться со сверстниками и не вызывать недовольство взрослых, даже не догадываясь, что именно этим и провоцировала презрение одних и раздражение других.

Все изменилось, когда я случайно встретила по пути из церкви старушку-волшебницу. Это было в канун великого праздника, в тот день, когда, если сделать все правильно и загадать именно то желание, которое заслуживаешь, оно должно обязательно исполниться. Это же все знают? Правда?

В церковь я убегала тайком, ранним утром, зная, что найду открытой заветную дверь. Но я никому и никогда не покажу, где она находится, это ведь дверь моей надежды.

На дороге было пустынно и холодно. Ветер и

мелкий колючий дождь проникали сквозь мою уже изрядно промокшую одежду. Но меня это не беспокоило, даже наоборот - вдохновляло. Я была уверена, что к исполнению моего заветного желания обязательно нужно пройти через испытание, вот таким это необходимое испытание и виделось мне.

Не знаю, откуда появилась на моем пути сначала прозрачная, серая, бесформенная тень, которая вдруг обрела четкие очертания и преградила мне путь.

Как бы я ни описала эту женщину, каждый, кто прочтет или услышит мое описание, увидит совсем не то, что видела я.

Судьба у всех своя, нет двух одинаковых жизненных обстоятельств, какими бы скромными эти обстоятельства ни оказались.

Женщина повернулась ко мне лицом и подняла правую руку. Она беззвучно, но явно обратилась ко мне:

- Я пришла, чтобы исполнить твое желание. Ты действительно этого хочешь? Не передумаешь, если я скажу, что твоя просьба услышана?

- Нет, - не задумавшись ни на минуту, ответила я.

- Что ж, но никто не должен знать о той воз-

можности, которую я сейчас тебе подарю. Кроме того, я не знаю, куда направится твой полет, это будешь знать только ты и только тогда, когда полет завершится. Ты окажешься там, где и суждено тебе быть, и не обязательно тебе там понравится. Ты все еще хочешь рискнуть?

- Да! - Я вложила в свой ответ всю страсть своего желания и своей безумной, наверное, просьбы. - Мне это очень нужно!

Я была готова на все, во всяком случае, мне так казалось.

- Тогда лети!

Это были последние слова моей судьбы. Чудесная сила нежно подхватила меня, я стала медленно подниматься. Чем выше был мой полет, тем больше я была ему рада. У меня не было страха. Я наконец увидела мир, увидела таким, каким хотела его видеть. Что же изменилось, по сравнению с тем, что я знала о нем? В нем исчезло всего одно понятие и слово его обозначающее. Здесь ни на одном языке, ни в одном словаре, ни в одной книге не было слова ЛОЖЬ, исчезли и синонимы.

Нет, я никого не приглашаю с собой, это мой выбор. Я не смогу о нем даже пожалеть, откуда мне знать...

НЛО

Никогда не задумывалась о том, какой у меня характер, что я за человек. А тут мне пришлось заполнять анкету.

Я всего лишь снимала номер в отеле небольшого городка, где мне предстояло прожить несколько дней, выполняя задание редакции. Девушка-регистратор попросила меня ответить на несколько вопросов, предупредив, что можно отвечать только на те, на которые я готова ответить. Вопросы были предоставлены мне в устройстве, похожем на обычный смартфон.

Видно было, что в этом устройстве нет ничего, кроме сведений, полезных для постояльцев отеля. Было и несколько рекламных объявлений. Они тоже предназначались туристам и всякого рода путешественникам, случайно оказавшимся в незнакомом городе.

Но в конце этой своеобразной анкеты было объявление:

Информация для особо любопытных путешественников.

Затем был адрес и номер телефона такси, которое доставляет по этому адресу, если позвонить по указанному номеру.

Почему я приняла условия этой авантюры?

Я была уверена, что нахожусь в эмоциональной яме, и любое изменение в моей жизни будет шагом к свету. Что бы ни случилось, все будет к лучшему.

Дальше события вполне могли быть описаны в каком-нибудь фантастическом рассказе.

Ну, очень фантастическом.

Едва я нажала на заманчивую ссылку, как дверь, возле которой я стояла, распахнулась, и на пороге появился представитель фирмы. Еще пара секунд - и я в машине, плавно отъезжающей от гостиницы.

Мне показалось, что автомобиль несется по шоссе: мимо улиц этого странного города, домов, небольших, но очень красивых скверов со скоростью, вполне соизмеримой с той, что бывает у самолета, бегущего по взлетной полосе, чтобы уже в следующее мгновение оторваться от нее.

Испугалась ли я? Может, испугалась, но страха своего я не помню.

Помню безграничное голубое небо, пронизанное вдоль и поперек золотыми лучами света.

Свет исходил отовсюду.

В какой момент я почувствовала свой полет - не знаю, но его уже нельзя было прервать, да я этого

и не хотела. Если и был у меня страх, то он рассеялся и превратился в такой восторг, которого я никогда до этого мгновения не испытывала.

Я готова была остаться в этом прекрасном полете вечно, но знала, что это невозможно. Поэтому просто доверилась потоку событий, в который сознательно погрузила себя, свое сознание, свои чувства.

Счастливые мгновения, как правило, длятся недолго, но остаются в памяти навсегда. Они становятся точкой отсчета. Эта точка делит нашу жизнь на "до" и "после".

Мы не всегда можем их заметить, скованные повседневностью, эмоциями, хлопотами...

Но если замечаем, то становимся сами собой, если хотите, узнаем о себе все. Что было, что будет...

Но часто для тех, кто живет рядом с нами, мы превращаемся в неопознанные летающие объекты.

НОВОГОДНИЙ АЭРОПОРТ

Куда можно спрятаться от этого праздника? Я его просто не выношу. Я вообще не люблю дни, которые принято праздновать.

Когда я еще верила в прекрасных фей, добрых

волшебников, неожиданные счастливые чудеса, мне легко было поверить и в новогоднее чудо.

Но с тех пор, как говорится, много воды утекло. Чудеса в моей жизни случались, но не бесплатно. Понадобилось лет двадцать пять, чтобы я поняла, как дорого они мне достаются. И я перестала их ждать. Я вычеркнула эти ожидания из своей жизни. Научилась превращать отмеченные рамочками дни настольного календаря в дни ударного труда. Если не удавалось заняться делом в редакции, я объявляла для себя генеральную уборку в квартире.

Конечно, можно было бы готовить материалы для предстоящих публикаций или сочинять вопросы для планируемых интервью. Но я заметила, что такое использование праздничных дней не приносит пользы. Мне попросту приходится все переделывать.

Однако мне удалось научиться выглядеть в нужное время веселой и счастливой. Вернее, притворяться, что мне все это не безразлично, как минимум.

И есть только один праздник в году, с которым мне не удавалось справиться. Да, да. Именно обычный календарный Новый год. Увеличение числа, обозначающего изменение даты во всех

видах календарей на единицу. Всего-то!

Вот вы и догадались, что я расскажу именно о том, что со мной приключилось 31 декабря прошлого уже года.

Говорят, под Новый год, что ни пожелается... Стихотворение это достаточно известное, чтобы любой, кто захочет дочитать мое повествование, продолжил эти строчки.

Я его не зря вспомнила и сейчас, и тогда. Вранье это!

Сколько бы я ни желала находиться в этот момент в совершенно другом, далеком отсюда, месте, мне приходилось довольствоваться тем, что было.

Я оказалась в аэропорту большого города, не будем заниматься антирекламой, поэтому важно только то, что город был очень большим и современным по всем нынешним приметам.

Мой рейс отложили уже второй раз. Сначала объявили, что по метеоусловиям принимающего аэропорта. Потом уже не объясняли причин.

Настроение мое было на грани внутренней истерики. Вокруг суетились такие же неудачники, как и я. Радости, похоже, никто не ждал.

- Извините, - вдруг услышала я, - вы не могли бы чуть подвинуть вашу сумку, очень устал. - Голос

незнакомца вполне подтверждал его слова. Как и взгляд, который вроде был устремлен прямо на меня, но скорее выглядел так. Рядом со мной лежала или стояла, уж не знаю, как будет точнее, моя дорожная сумка, на этот факт я только в этот момент обратила внимание. Поспешно сняла ее и поставила на пол рядом с собой, освободив соседнее сиденье. Мой неожиданный собеседник буквально рухнул на него.

И в тот момент, когда мы с ним, наконец, увидели друг друга, что называется, лицом к лицу, откуда-то сверху, вместо очередного объявления для пассажиров, прозвучала мелодия, какую слышали все: и те, кто сидел за праздничным столом, и те, кто оказался, по воле обстоятельств, вдали от дома, среди незнакомых людей, и все, хочется на это надеяться, улыбнулись каким-то своим самым светлым воспоминаниям.

Улыбнулись и мы. В ожидании новогоднего чуда, которое обязательно случится, и будет оно волшебным и добрым. Добра в этом мире гораздо больше, нужно только помнить об этом.

Вслед за новогодним поздравлением прозвучало и первое в этом году приглашение на посадку в самолет. В самолете мы оказались тоже рядом. А сейчас все это вспоминаем тоже ВМЕСТЕ.

ПАМЯТЬ СТАРОГО ДОМА

Не зря говорят, что характер - это судьба.

К примеру, приехала я в незнакомый город на пару недель. Дело у меня было пустяковое. Остановись я в гостинице, как все нормальные люди, ничего особенного со мной, скорее всего, не случилось бы.

Но я терпеть не могу провинциальные гостиницы, столичные, впрочем, тоже. А тут прямо на вокзале ко мне подходит очень приятная молодая женщина и предлагает просто сказочный вариант.

Необходимо заметить, что внутренний голос подсказывал мне: есть шанс вляпаться в историю, но я, как обычно, приказала ему заткнуться.

Снимать целый дом на такое короткое время, что за странная причуда? Причем, странность была в самом предложении. За этим мне привиделась некая тайна, а там, где появляется возможность сунуть нос в загадочные и таинственные дела, я уже не способна обратить внимание на такие мелочи, как здравый смысл и осторожность.

***

Неожиданно, в первую очередь для себя, я оказалась в небольшом, но очень уютном домике, окруженном очаровательным, хорошо ухоженным садом. Здесь было спокойно и комфортно. Впрочем, мне предстояло здесь прожить всего-то несколько дней.

Неделя прошла без всяких происшествий. Да у меня и времени не было на необдуманные поступки. Приходила я к своему временному очагу настолько поздно, что даже не включала телевизор. Легкий ужин, прохладный душ и крепкий здоровый сон в течение восьми часов - вот чем ограничивалось мое пребывание здесь.

Но наступил день, когда ситуация несколько изменилась. Все мои дела были закончены, а уехать домой я могла только утренним поездом, значит завтра. Сегодня же я должна была придумать, как поступить со своим свободным временем. Что бы делал на моем месте нормальный человек? Думаю, вы легко найдете, как минимум, несколько ответов на этот вопрос. Я, кстати, тоже сначала хотела погулять по городу, посидеть в каком-нибудь кафе, и так далее... Но, уже практически держась за ручку двери, я увидела лестницу,

ведущую на чердак моего временного жилища.

***

Наверняка эта лестница была здесь и раньше, но я ее как-то не замечала, а тут увидела.

По скрипучим ненадежным ступенькам я поднялась почти к самой крыше.

Чердак, как чердак... Пыль, паутина, хлам всякий... Сколько таких существует на белом свете. А вот это что-то интересненькое. Прямо под маленьким круглым окошком стоял большой деревянный ящик... Я бы не назвала его сундуком. Он был сколочен из грубо и неумело отесанных досок.

Замка на нем не было, и я решилась заглянуть внутрь. Крышка ящика оказалась довольно тяжелой.

Ничего интересного: никаких писем, дневников или карт. Какие-то старые тряпки, ржавые железки непонятного назначения, пожелтевшая от времени, некогда, очевидно, белая скатерть. А это что?

Парусиновый мешок, а в нем что-то мягкое и шелковистое. Ух ты!

Я держала в руках шикарное вечернее платье. Совершенно новое. Как только что сшитое!

Наверняка точнехонько по моей фигуре. Что случится, если я его примерю? Ведь оно лежало здесь, в этом пыльном ящике, а не висело, где положено. Значит, никто им особо не дорожит.

Аккуратно сложив платье, я стала спускаться вниз, собираясь устроить примерку в спальне, где было большое зеркало...

Я была уже почти внизу, когда заметила, что все вокруг несколько изменилось. И самое главное: у меня гости!

Откуда, любопытно узнать, взялась вся эта массивная старинная мебель? Да и пространства в доме словно стало больше...

Посредине комнаты стоял накрытый к ужину стол. Свет исходил от свечей в двух тяжелых подсвечниках, размещенных между тарелками. За столом сидели двое. Меня они явно не видели, хотя я остановилась совсем рядом с ними.

Мужчину можно было бы назвать даже красивым, если бы не выражение его лица. Злоба, смешанная с презрением - вот как я определила бы его взгляд. Женщина сидела спиной ко мне, и лица ее я не видела, но она казалась маленькой и хрупкой. Плечи ее слегка вздрагивали. Кажется, она плакала. И тут я услышала ее голос.

- Зачем ты женился на мне, если не любил?

- теперь в голосе женщины звучали обида и негодование.

- Всем когда-нибудь надо жениться, а ты была бы не хуже других, если бы не ныла и знала свое место. А любовь - это выдумка тех идиотов, которые пишут книжонки для глупых истеричек, в которую ты сама себя превращаешь, а мне казалось, что я женюсь на разумной женщине.

Меня по-прежнему не видели или не замечали. Что-то очень знакомое было и в рассуждениях, и в голосе этого грубияна, чтобы не сказать больше. Голоса супругов стали громче, а потом и вовсе перешли в крик. Мужчина вскочил со своего места...

Я сделала еще один шаг к столу. Ну, уж этого я точно не допущу!

***

Внезапно все исчезло. Кажется, я уснула в кресле перед телевизором и проспала так всю ночь. В голове моей засуетились какие-то смутные воспоминания, я посмотрела в угол, где располагалась лестница, ведущая на чердак. И тут я почувствовала, что-то шелковистое в своих руках: это было красивое вечернее платье.

***

Приехав домой, я сразу подошла к телефону. Там, куда я звонила, долго не брали трубку. Наконец мне ответили.

- Да! Это ты? Я не ждал тебя сегодня, но, разумеется, если ты приехала, я готов внести изменения в свои планы.

- Не стоит! Я хотела только тебе сказать, что, пожалуй, мы поспешили, я еще не готова к замужеству.

- Это в твоем-то возрасте?!

- Вот именно! - Я положила трубку и в этот день уже не подходила к телефону.

ПОТЕРЯВШИЕСЯ

Женщина в строгом темно-синем костюме зачитала решение суда. Наконец все закончилось. Мы оба свободны. Свободны друг от друга, от наших ссор и обид, от общих бытовых проблем, от всего, что нас раньше связывало. Если бы еще освободиться от памяти.

Мой бывший муж виновато улыбнулся на прощанье и поспешил к своей машине. Его очаровательная подружка проявила тактичность.

Она ждала его в авто, и я лишь мельком увидела ее изящный локоток в неплотно занавешенном окошке.

Я села в свою машину и через несколько минут уже подъезжала к нашему дому. Впрочем, уже не нашему, моему.

Все не так уж плохо. Развод - это неприятно, но, когда люди не заходят за определенные рамки, можно не доводить ситуацию до трагедии или фарса.

Зазвонил телефон.

- Да, я уже дома. Все нормально. Нет, не слишком. За полгода как-то уже подготовилась. Нет, не стоит. Ну, если ты так считаешь... Да, спасибо. Конечно, позвоню. Пока не могу сказать... Я еще позвоню. Нет, честное слово, все под контролем. Пока.

Ну вот, подведем итоги. Я - свободная независимая женщина, тридцати пяти лет. Мое материальное положение вполне стабильное.

На работе меня ценят. У меня двое очаровательных детей. Значит, в любом случае, жизнь прошла не бесполезно.

Опять телефон.

- Да... Мамуля? Все в порядке... Настроение... вполне. Как ребята? Передай им, что я скоро

приеду. Да. Меня только что отправили в отпуск. Думаю, в конце недели. Ну, это обязательно... Конечно, ты абсолютно права. Я и сама так думаю. Вся в тебя. Да, целую всех. До скорого. Пока.

Поймала себя на том, что бесцельно брожу по комнатам. Без детей в доме ужасно пусто. Только ли без детей? Ну да ладно, когда мы не можем изменить обстоятельства, главное - правильное относиться к ним.

От события, которое произошло сегодня утром, осталась не только горечь в душе... Еще у меня появилась некоторая сумма, на которую я не рассчитывала. Сгоряча я хотела от нее отказаться, слишком было похоже на то, что мне просто заплатили за услуги, предоставляемые мною в течение двенадцати лет. Но просчитав ситуацию, я поняла, что меня не поймут, ибо существует некая практика.

Итак, деньги... От них иногда может быть существенная польза. Но неожиданные, шальные деньги, если их правильно употребить, могут доставить массу удовольствия. Остановимся на этом варианте.

Сначала я поехала в парикмахерскую. Девушка, у которой я постоянно причесывалась, разуме-

ется, была в курсе. Ее сочувственный взгляд не оставлял никаких сомнений. Черт с ним!

- Дорогая Аликс, сделайте мне сегодня на голове что-нибудь необычное, праздничное.

Великое дело - женская солидарность! Аликс превзошла себя! Я посмотрела в зеркало... Этому нет названия!

Следующим местом моего паломничества был косметический салон. Здесь меня никто не знал, но оставленная там сумма сделала свое дело.

Я купила себе костюм, о котором давно мечтала, заплатив за него столько, сколько могла бы стоить небольшая спортивная машина в хорошем состоянии.

После посещения обувного магазина денег у меня осталось на бутылку шампанского и торт. Наплевать на все диеты! Хочу наслаждаться!

Дома я почти целый час вертелась перед зеркалом и убедила-таки себя, что у меня еще все может быть... хорошо!

Планы на вечер были пока весьма расплывчатые, но не зря же я так постаралась. В одном из магазинов мне сунули вместе с покупкой рекламный буклет какого-то ночного клуба. А почему бы и нет? Не пропадать же всей этой красоте.

Времени для принятия решения у меня было

более чем достаточно. Сварив себе крепкий кофе и отрезав приличный кусок торта, я забралась на диван, включила только что купленный новый диск моей любимой музыкальной группы и наслаждалась всем этим, пока не услышала странный звук, доносившийся из-за входной двери. Выключила музыку и прислушалась... Кто-то возился на моем крыльце и жалобно постанывал.

Это был рыжий лохматый щенок. С радостным визгом он ворвался в дом, но затем стал беспокойно осматривать мое жилище, словно пытался что-то найти.

- Э, да ты, похоже, потерялся...

Щенок сел у моих ног и посмотрел одновременно с тревогою и с надеждой. Так мне показалось.

- Ничего, - постаралась я успокоить его, - мы обязательно отыщем твоего хозяина. А пока хочешь молока?

Щенок выпил молока и съел большой кусок торта. Настроение его явно улучшилось. Но время от времени он все же подбегал к двери, будто ждал, что кто-то вот-вот придет.

- Глупый малыш, твой хозяин вряд ли способен отыскать тебя по запаху. Вот завтра мы дадим объявление в газете...

В это время раздался звонок в дверь.

Не знаю, насколько справедливо утверждение, что между хозяином и собакой есть определенное сходство, но мужчина, стоявший на пороге моего дома и вертевший в руках поводок, был рыжий. Глаза у него были веселые и добрые, хотя взгляд оставался встревоженным.

- Извините, я купил коттедж рядом с вами, так что мы соседи. Вы случайно не видели...

Тут он заметил щенка, радостно виляющего хвостом и хрипловато визжащего от переполнявших его чувств.

- Джерри! Ах ты, проказник! Мы только сегодня переехали. Пока выгружал вещи, он убежал. Дома рядом, вот он и перепутал...

Когда я закрыла за ними дверь, то поняла, что никуда я сегодня не пойду. Это странно, впервые за весь трудный день я заплакала. Хотите верьте, хотите нет! Но больше всего мне не хватало сейчас смешного рыжего Джерри!..

В дверь опять позвонили, на пороге стоял сосед. Возможно, он хотел меня поблагодарить.

Я всегда умела хорошо владеть собой, а тут... Слезы капали и капали из моих глаз... Сильные мужские руки обняли меня. Я уткнулась в широкую грудь совершенно незнакомого человека и

дала волю эмоциям, накопившимся не только за прошедший день, но и за все эти шесть трудных месяцев.

- Ради Бога! Простите меня. Мы сегодня развелись с мужем, но не в этом дело... Правда, не в этом...

- Я знаю, пару лет назад я тоже пережил нечто подобное, но теперь я уверен: все, что ни делается, все к лучшему. Знаете... У меня ведь... что-то вроде новоселья, да и Джерри так удачно нашелся. Есть повод...

Через час мы сидели за столиком маленького уютного ресторанчика. На мне был новый костюм. Впрочем, важно было не то, как я выглядела, и даже не то, как себя чувствовала.

Иногда нужно потеряться, чтобы найти то, что, сам того не ведая, искал всю прошедшую жизнь.

ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ

- Ты не посмеешь так поступить! - выкрикнула я, глядя в глаза этой циничной и наглой особы.

- И почему это? - спокойно, но заинтересованно, спросила она. - Мне кажется, это вполне возможным и даже забавным.

- Но так нельзя... - уже не столь решительно

попыталась возразить я.

- Нельзя, говоришь? Кто может мне это запретить?

- Но есть же какие-то правила... - совсем уже беспомощно пролепетала я навстречу холодному и насмешливому взгляду.

- А что, приличия должны соблюдать только мы с тобой? - Впервые в диалоге прозвучало это объединительное местоимение.

- Но мы даже не можем это доказать!

- Нам не нужны доказательства, мы вполне уверены, не правда ли?

Это была точка в нашем споре или обсуждении, как на это посмотреть. После этих слов ей следовало бы уйти, но она этого не могла сделать, это могла сделать только я. Поскольку она была лишь моим отражением.

СТЕНА

В отличие от большинства женщин, передвижению на четырех колесах в комфортабельном салоне я предпочитаю стремительно несущийся навстречу брошенной в никуда дороге мотоцикл.

Своего стального друга я тщательно выбирала. Я заплатила за него столько, сколько не всякий

готов заплатить даже за автомобиль.

Но зато теперь я могла насладиться скоростью и свободой. Для меня не существовало препятствий, я их не видела. Пространство и время покорялись мне беспрекословно. Разумеется, все эти ощущения строго регламентировались правилами дорожного движения.

Этот день не обещал никаких сюрпризов, а жаль! Ведь это был день моего рождения. Я встала очень рано. Даже раньше, чем всегда, хотя я стопроцентный жаворонок. Чтобы не разбудить родителей, не стала возиться на кухне. Выпить кофе и проглотить что-нибудь вкусненькое можно и в кафе. Бесшумно выскользнув из дома, я вывела из гаража своего красавца, прокатила его до самого шоссе и только там заставила взреветь и броситься навстречу утренней прохладе и торжественно восходящему на горизонте солнцу.

До чего же здорово мчаться по дороге с еще не проснувшимся движением! Будто весь мир принадлежит только тебе. Маршрут был мне хорошо знаком. Примерно с полчаса я могла не сбрасывать скорость. На пути моем не было ни поворотов, ни перекрестков.

Это произошло настолько неожиданно, что невозможно было не только что-либо понять, но

даже удивиться не было времени.

На абсолютно прямом участке пути, где я проезжала бесчисленное количество раз, стояла стена. Разглядеть ее я не успела, но мне показалось, что она выросла прямо из земли. Стена была похожа на остатки разрушенного древнего строения. Я закрыла глаза и...

***

Сознание потихоньку возвращалось. Откуда-то издалека я услышала голоса. Итак... мыслительный процесс у меня почти в норме. Я осознала, что еще жива и что рядом есть еще кто-то.

Но первое, что я увидела, открыв, наконец, глаза, сильно поколебало мою уверенность в том, что с головой у меня все как надо.

Рядом со мной стояли пожилая женщина и очень симпатичный молодой человек. Но как они выглядят! Во что одеты! Кроме того, мужчина с трудом удерживал огромного вороного коня, копыта которого были так близко от моего лица, что я опять зажмурилась.

Так, только не паниковать. Очевидно, неподалеку идут съемки какого-то фильма. Странно только, что актеры (они же свидетели) до сих пор не вызвали полицию и дорожный патруль.

Кстати, где мой мотоцикл?

Я открыла глаза и попыталась подняться. Женщина тут же склонилась ко мне и заговорила с нескрываемой тревогой.

- Слава Богу, дитя мое, вы очнулись. Но не торопитесь подниматься, лучше убедиться, что у вас ничего не сломано. Доктор уже идет сюда. Он посмотрит, насколько вы пострадали, а затем мы решим, как доставить вас домой.

Тут я увидела еще один странный персонаж. Неужели в этом фильме снимается настоящий врач? Впрочем, почему бы и нет?

Во всяком случае, действовал он вполне профессионально. К счастью, все обошлось без сколько-нибудь серьезных травм. Все кости, похоже, целы.

Я еще раз попыталась встать на ноги, но мне не дали довести это действие до конца. Симпатичный молодой актер, привязав к дереву своего коня, подхватил меня на руки. Сначала, я испытала несколько весьма приятных ощущений, связанных с этой трогательной заботой.

Но что все это значит? Где шоссе? Где город? Куда это меня, черт возьми, занесло? И где, наконец, мое любимое средство передвижения? Я поняла, что необходимо немедленно внести ясность.

- Прошу прощения, но не могли бы вы мне сказать, где мой мотоцикл? - Я проговорила это вполне вразумительно, но видели бы вы их лица! Глаза молодого человека смотрели на меня с такими признаками неподдельного волнения, будто он, по меньшей мере, мой старший брат, а не человек, случайно оказавшийся на месте дорожно-транспортного происшествия, в котором слегка пострадала совершенно незнакомая ему особа. Но тут меня оглушила еще одна замеченная мною нелепость. Что это на мне надето?..

Так, надо успокоиться и постараться все хорошенько вспомнить, всему должно быть объяснение. Простое и внятное объяснение. И в этот момент я почувствовала, что опять теряю сознание.

***

Я огляделась. Странная комната, заставленная какой-то антикварной мебелью. Но почему-то все здесь мне смутно знакомо.

Окно выходит в сад. Вот старая яблоня... Шелк на занавеске слегка выцвел. Надо попросить Полину... Боже! Что с моей головой?!

***

Дверь тихо приоткрылась...

- Мама, неужели я так долго проспала?

- Тебе сегодня лучше не вставать. Так сказал доктор Шелли. Ты так напугала нас вчера. Алекс ушел совсем расстроенный.

- Алекс? Ах, да. Но ведь все обошлось.

- Я всегда боялась, что твоя любовь к скачкам...

- Но я прекрасно держусь в седле, это всего лишь случайность, кто же мог предвидеть...

Я вдруг наткнулась на какое-то странное воспоминание: удивительно гладкая серая дорога... Стена!..

***

Солнце медленно выползало из-за темнеющего на горизонте леса.

Как здорово все же мчаться навстречу рассвету на резвом молодом жеребце. Терпеть не могу все эти повозки, кареты...

СТЕНЫ И ДВЕРИ

Развод

Наш последний разговор длился недолго и был относительно спокойным. Собственно, так и должно было быть. Взрослые люди, все уже уяснившие и мысленно проговорившие.

Я пожелала Тони удачи, почти искренне. Мне уже нечего было защищать. Я это прекрасно понимала. Сейчас этот человек уйдет из нашего бывшего общего дома, из моей жизни и судьбы. Навсегда.

Плохое слово, пропитанное безысходностью, но точное в нашем случае.

- Ты же не останешься здесь? - зачем-то спросил Тони.

- Побуду немного. Потом вызову такси, - ответила я, - ты иди, не волнуйся. Все будет нормально.

- Я мог бы тебя подбросить, куда скажешь.

- Я еще ничего не решила.

- Разве ты так и не сняла себе квартиру?

- Нет, я не уверена, что останусь в этом городе.

- Как всегда, все решаешь в последнюю минуту? - Вопрос прозвучал почти без обычного раздражения.

- Да. Иди, тебя уже заждались.

- Что ж, прощай.

- Прощай. - Улыбкой, как мне показалось, я смягчила это безжалостное слово.

Я слышала, как хлопнула входная дверь. Кажется, я даже слышала, как зашуршали по дороге колеса.

На кухне, где еще недавно я любила посидеть вечерком за чашкой чая, было непривычно тихо.

Прежде всего "замолк" холодильник. Его увез Тони, так мы договорились: холодильник ему, а из остальных вещей я могу взять все, что хочу. И вообще наше расставание было без слез и воспоминаний.

Тем не менее мне вдруг стало грустно. Привычка? Возможно. Но не только.

Почувствовала какое-то напряжение в горле, еще мгновение и...

Нет, нельзя, не хочу!

Расслабиться, улыбнуться и в аэропорт. Там взять билет на ближайший самолет и улететь в светлое будущее из серого прошлого.

А было прошлое таким уж серым? Опять останавливаю себя на полумысли-полувоспоминании. Не хватало еще расплакаться. Господи, ведь все же так банально.

В зале суда почти не было любопытных. Скучно.

Решительно встала и прямо к входной двери. Полтора метра по коридору - и вот она новая судьба! Интересно же.

Но где же дверь?

Прямо передо мной стена.

Несколько мгновений я рассматривала завитушки на обоях. Потом подошла, погладила дрожащими руками шершавую поверхность.

Стена!

Ерунда какая-то, здесь должна быть дверь. Но ее нет.

Вернулась на кухню. В шкафу должна была остаться маленькая электроплитка. И старый кофейник, которым давно не пользовались. Не помню, когда мы его купили. Или нам его на свадьбу подарили? Да, точно, подарили!

Слава богу, кофейник никуда не исчез. Значит, все будет хорошо. Плитка тоже включилась, чуть мигнув крохотной красной лампочкой.

Пока греется вода, решила все же убедиться, что дверь на месте.

Выглянув в коридор, убедилась и успокоилась.

Нашла на полке банку с кофе. Не люблю растворимый, но ничего, сойдет. Опять выглянула, чтобы увидеть дверь. Но ее там не было. Что за ерунда?

Мне только в этот момент стало страшно. Нет, это был еще не страх, а его предчувствие! Квартирка у нас небольшая: кухня, две комнаты, маленькая кладовка в тупичке за кухней.

Коридорчик в двух направлениях: совсем небольшие пространства. Но где же дверь?

Ее не было. Такого не может быть! Я помчалась к тому месту, где должен был быть выход.

Но там была стена.

А коридоры неожиданно стали расти по мере того, как я пыталась добраться до ускользающей и временами исчезающей двери. Я уже не понимала, где я. Пространство издевалось надо мной. Страх гасил мысли, пытавшиеся пробиться в мою несчастную голову. По щекам моим наконец потекли горькие и позорные слезы. Я просто заревела, глупо по-детски, что называется, в голос.

Я уже не видела нелепости этой странной ситуации. Слезы принесли какое-то облегчение. Я села у глухой стены и дала волю неожиданным слезам и накопившимся горьким чувствам.

Я не помню, сколько времени так просидела. Прямо на полу. В глазах потемнело.

Очнулась я там же, но не одна. Конечно, даже не открывая глаза, я поняла, кто сидит рядом и крепко прижимает меня к себе. Как давно я не

чувствовала... такого щемящего покоя.

- Тони!

- Да, дорогая, я рядом.

- Но как ты вошел? Дверь исчезла!

- Я открыл ее своим ключом.

- Прости меня, Тони!

- И ты прости меня.

- Ты был прав, я глупая, безалаберная, ленивая и злая. Но я не могу...

- И не надо, я тоже ничего не хочу... без тебя.

УПУЩЕННЫЙ ШАНС

Он появился в моем доме в тот момент и то время, когда я не хотела видеть даже свое отражение в зеркале. Был поздний вечер, я только что вернулась с похорон.

Хоронили моего соседа из дома, который был как раз напротив моего жилища. Покойный принадлежал другому поколению, и поэтому мое знакомство с ним носило весьма поверхностный характер.

Не знаю, почему это скорбное событие так сильно зацепило меня. Сложно описать словами то, что творилось в моей душе. С чем это можно сравнить? Не знаю...

Я говорила себе, что ужасно глупо переживать

по данному поводу. В конце концов, умер очень пожилой человек, которого, к тому же, я почти не знала.

Но ничего не помогало. Такая тоска навалилась на мою душу! Если бы я хотя бы могла понять причину этого своего состояния! Но мой, с позволения сказать, интеллект закипал, не умея справиться с этой задачей.

Тут я и увидела, что в комнате не одна. Странно, но в букете эмоций, которые я испытала, вовсе не было страха, чувства наиболее логичного в этих обстоятельствах.

- Ты как здесь оказался? И что тебе надо? - В моем тоне не было ни агрессивности, ни особого удивления, словно я смутно узнавала того, кто непонятно как оказался в моей комнате и спокойно сидел на моем диване без малейшего ощущения неловкости.

- Мне? Подумай хорошенько, может, ты сама... нуждаешься в моей помощи?

- А чем ты можешь мне помочь?... Да я и не знаю, что меня сейчас так достает.... Может, ты знаешь?

- Знаю, но ты мне не поверишь...

- Почему?

- В правду мало кто верит...

- Зачем же ты здесь, если не хочешь говорить?

- Ты не дослушала, я не стану отвечать тебе прямо, но подскажу. Идем со мной.

- Куда?

- В дом напротив.

- Зачем? Там не до нас,.. Да и ночь, все, наверное, уже легли спать...

- Мы никому не помешаем, нас просто никто не увидит.

Процесс, в результате которого мы оказались на чердаке дома напротив, начисто стерся из моей памяти, видимо, из-за своей абсолютной незначительности по сравнению с остальными событиями.

Я огляделась вокруг: чердак как чердак, зачем мы здесь? Клад, что ли, ищем?

- Это можно назвать и кладом, но не в том смысле, на который ты намекаешь.

Мой странный проводник указал жестом в угол, где я неожиданно заметила низенькую дверь на заржавевших петлях и со сломанной ручкой. Дверь с таинственным скрипом отворилась, пропуская нас в какое-то нереальное по моим ощущениям пространство.

То, что я увидела там, безусловно, не принадле-

жало нашему миру. Это была длинная открытая терраса, выходившая в прекрасный цветущий сад. Мы прошли по ней и свернули влево. Там увидели еще одну дверь, сильно отличавшуюся от предыдущей. Новенькая, покрытая темным лаком, украшенная причудливой резьбой, начищенная до блеска ручка внушала почтение и даже какой-то трепет. Дверь сама открылась перед нами, словно кто-то толкнул ее изнутри.

Что это! Мы оказались в большом красивом зале с колоннами, все стены которого были увешаны картинами. Я не слишком разбираюсь в живописи, но даже мне было абсолютно понятно, что все висевшие здесь полотна - настоящие шедевры.

Пока я с восхищением перебрасывала свой взгляд с одного произведения на другое, мой спутник (я почти забыла о нем) заговорил:

- Человек, покинувший сегодня ваш мир, в молодости мечтал стать художником, но его первые работы не принесли ему ни известности, ни денег. Путь таланта тернист и труден - это банальная, но истина. Он пошел по более легкой дороге. Стал хорошим бухгалтером и честно проработал много лет... То, что ты видишь здесь и сейчас, невозможно увидеть больше нигде и никогда,

ибо это упущенный шанс великого художника, которого уже потерял ваш суетный мир.

Я открыла глаза и увидела, что сижу в своем любимом кресле. Странный сон! Да, все-таки это был сон! Я попыталась себя уговорить, но тем не менее...

По старенькой винтовой лестнице я поднялась на чердак своего дома. Среди множества давно никому не нужных вещей, скопившихся здесь бог знает за сколько лет, я отыскала толстую старую тетрадь в некогда синем кожаном переплете. Пожелтевшие от времени листы были густо исписаны почти детским почерком. Это были мои первые литературные пробы, не принесшие мне ни известности, ни денег. Но...

Я спустилась вниз, села за компьютерный столик, и, когда мои пальцы коснулись клавиатуры, с души моей соскользнула тяжесть, ее место робко заняла надежда.

МИНИАТЮРЫ

Леонид АШКИНАЗИ

Как мы встретились

С. К.

- Я думаю, что сегодня.

Она кивает. Человек уточняет.

- По моему опыту - час или полтора.

Пауза.

- Если я буду нужен - нажмете на эту кнопку.

Она кивает. Человек выходит и аккуратно закрывает за собой дверь. Она остается... нет, пока не одна.

Она сидит около кровати, держит его руку и молчит. За много лет она неплохо его изучила и чувствует, что все делает правильно. Она затруднилась бы объяснить, что и почему в данной ситуации правильно вообще, и что и почему считает правильным лично она, поэтому я - сторонний наблюдатель, - и употребляю слово "чувствует", а не "понимает". Но она и чувствует, и понимает, что тот, кто лежит в кровати и чья рука лежит сейчас в ее руке, счел бы это правильным. Эта рука холоднее, чем ее - как всегда.

Тот, чья это рука, мог бы с радостью обсудить все смыслы слов "чувствует" и "понимает", а также рассказать о теплообмене в организме и с окружающей средой. Устроив обычный полусерьезный и полушутливый получасовой анализ. На который уже, скорее всего, не осталось времени.

Она держит его за руку и молчит. Она не знает, слышит ли он ее, и поэтому молчит. Или, наверное - думаю я, сторонний наблюдатель - потому, что не знает и не чувствует, что надо и надо ли вообще что-то ей говорить. И уже некому подсказать - ошибочно думает она. Ошибочно - потому, что он, не открывая глаз, произносит очень тихо - но у нее прекрасный слух и попискивание монитора не мешает - произносит:

- Напомни, как мы познакомились.

Пауза. И уточняет.

- Как мы встретились.

На их внутреннем языке - это разные вещи. Немного разные.

- Первый раз мы встретились... ты ведь помнишь, где?

Он еле заметно кивает. Но у нее прекрасное зрение.

- Ты всегда говоришь, что тебя купила моя смущенная улыбка и еще кое-что.

Она смущенно улыбается, но он делает еле заметный отрицательный жест, у которого - как мне, стороннему наблюдателю, кажется, - странно, но нет специального названия. Сказать "мотает головой" в этой ситуации, пожалуй, нельзя. Она понимает его жест и поправляется:

- Ты всегда говоришь, что в обратном порядке - кое-что и моя смущенная улыбка.

Она не уточняет - и я, сторонний наблюдатель, умиляюсь, - насколько может умилиться сторонний наблюдатель - что даже тут, в последние полчаса вместе - она не все называет своими именами. Потому, что они не совсем вдвоем. Попискивает монитор.

- А потом мы встретились в кафе... и ты сказал, что мужчина всегда должен иметь в своем рюкзаке вольтметр, и я усомнилась, правильно ли я сделала, что встретилась с тобой... а ты достал из рюкзака и показал его мне, он был маленький, в половину твоей ладони, маленький и симпатичный, и я начала понемногу привыкать к твоим странным шуткам... мы сначала по-разному запомнили название этого кафе, но через несколько лет ты стал соглашаться со мной... когда ты опять просил, чтобы я опять тебе это рассказала, и я называла это кафе... А просил опять рассказать ты

не реже раза в год, когда мы отмечали годовщину первой встречи...

Он еле заметно кивает. Он лишь через несколько лет понял, какая у женщин хорошая память. И какое у нее прекрасное зрение.

- А потом мы встретились третий раз и сразу поехали к тебе...

Он еле заметно кивает. У нее по-прежнему прекрасное зрение, она все видит.

- И почему-то сразу не стали предохраняться... но ничего не случилось, и ты всю жизнь об этом жалел... А я боялась...

У нее прекрасные память и зрение.

Потом монитор стихает. И она ощущает, что эту ладонь она первый раз в жизни - в жизни? - думаю я, сторонний наблюдатель - первый раз она не сможет согреть.

Леонид АШКИНАЗИ
Циклы, или Замкнутость

Кажется, у меня в перспективе интересное приключение - подумал я, прогревая машину. Написал мне сегодня главврач заведения, в котором я и консультирую, и с моей замечательной подругой встречаюсь. Написал и пригласил для консультации. Но приключение не в этом. И не в том, что он честно предупредил - у нас сейчас часть сотрудников отсутствует, они уехали на неделю туда-то и туда-то на курсы лекторского мастерства. Это если и приключение, то не интересное. А интересно то, что он заключил с моим университетом договор о том, что предоставит медицинскому факультету... что организует на нем... короче, цикл лекций медиков-практиков о практической, так сказать, медицине. То есть командирует несколько сотрудников для прочтения курса. Разумеется, не только своих, а и из других медицинских учреждений, но это уж его проблема, то есть он будет старшим в этом проекте, так сказать, ответственным исполнителем. А соисполнителей сам подберет. Сухой со всего

этого остаток - надеюсь, что не сухой - в том, что две или три лекции из этого цикла прочтет моя подруга. У нас в университете.

То есть она приедет сюда. То есть!

А пока что я за рулем, деревья мелькают, штат наш зеленый, озера и заповедники, или заповедник? - вот туда ее и свожу, размечтался, чуть экзит не пропустил.

Сидим, общаемся. Мэн выяснил, кто я, фамилия, ученая степень, место работы и опубликованные результаты, проникся уважением. Да и я своего - хотя бы отчасти - почуял, потому что мэн явно много читал, основные результаты правильно цитирует и явного бреда пока не изрек. Про многолистную модель Вселенной знает, про пузырьковую модель знает, про модель с необратимым расширением - тоже. И в виде резюме говорит, в общем, понятную и даже близкую мне психологически вещь. Что все эти модели имеют один общий минус, причем даже не физический, а психологический - либо в ней выделенное положение "вселенной наблюдателя", а в последней вообще вдобавок "все" конечно. Да, выделенность - это психологически дискомфортно, наука вообще вся исповедует независимость от наблюдателя. Кванты, правда, с грехом по-

полам зависимость от наблюдателя пытаются протащить, но в космологических масштабах это криминал. Даже "слабый антропный принцип" не все признают.

Так вот, говорит мэн, мне кажется, что именно в плане борьбы с выделенностью я кое-что придумал. Ага - думаю я - переходим к делу. Хорошо, что мэн мелкий и явно не спортивного склада, а то мое солнышко в трех часах езды, если что - не успеет...

Но позвольте - говорит мэн - я сначала расскажу некую побочную мелочь, которая меня на это натолкнула и, кстати, из-за которой меня жена и уговорила сюда приехать продиагностироваться, хотя думаю, она скорее к разводу готовится. Так - думаю я - или параноик, или завидная трезвость мышления, мне б такую. Делаю понимающее лицо и киваю. И мэн излагает следующее.

Люди всерьез религиозные считают, что Всевышний создал человека. Писатели-фантасты неоднократно писали, что человек, создавая программы искусственного интеллекта, выступает в качестве творца. Кое-кто писал, причем всерьез, что признаком интеллекта у искусственного интеллекта будет заведение им внутри себя, точнее - внутри компьютерной сети, либо своего "любим-

ца", домашнего животного, либо своего ребенка, то есть, опять же, сотворение. Это цепочка, она конечна, каждое звено в ней выделено. Бесконечных цепей не бывает, поэтому единственный способ замкнуть цепочку...

Мэн с улыбкой замолкает, а я принимаю вызов и продолжаю: единственный способ замкнуть цепочку, это соединить ее концы.

Мэн в восторге, я пожимаю плечами и спрашиваю - и эта идея показалась кому-то столь странной, что... Да - отвечает мэн. Пауза. Подумав немного - решение-то я видел, когда он еще говорил, но мне надо выглядеть солидно - я продолжаю.

Если понимать под созданием некое ограниченное во времени действие, то да, такое невозможно. Чтобы создать, я должен уже существовать, а тогда меня создать уже невозможно. Но возможно созидание в процессе. А тогда такая ситуация вполне возможна, у нее даже научное название есть. Да вы его, наверное, знаете.

Нетранзитивность! - просиял мэн - только я не придумал, как ее реализовать. Соотношение устанавливается ведь по значению параметра, но если A > B, и B > C, то A > C, разве нет? Конечно, да - отвечаю я - но разве в жизни не бывает так,

что по одному параметру больше, а по другому параметру меньше? Бывает - отвечает мэн, минуту думает и говорит немного неуверенно - то есть надо, чтобы наши с вами А, В, С имели по три параметра, например, возраст, специальность и пол, например, у А большой жизненный опыт и поэтому он доминирует над неопытным В, тот - женщина, и поэтому доминирует над С, а этот - физик и поэтому доминирует над А, который физики не знает. При длительном взаимодействии с доминированием происходит воспитание, почти сотворение...

Именно так - подхватываю я - при длительном взаимодействии трех разумов вполне возможна нетранзитивность. Даже без искусственного интеллекта, физики и жизненного опыта. Например, семья - муж, жена, ребенок. Жена гнобит мужа, тот вымещает на ребенке, а он вьет веревки из матери, то есть жены.

Мэн мрачнеет. Кажется, я что-то случайно задел. Долго и прочувственно извиняюсь и в конце говорю - так что замкнутая цепочка из творцов и творений возможна, и в ней все равны, выделенной позиции нет. Так всем и передайте, а лучше - оставьте их всех в покое. Не хотите вернемся к нашим вселенным?

Сейчас сформулирую - говорит мэн - я однажды подумал, а не возможна ли такая же, в некотором смысле ситуация, то есть вселенная А содержит как свою часть, вселенную В, она содержит вселенную С, а та - как ни странно, вселенную А? По схеме с несколькими параметрами, как мы с вами сделали, не получится, потому что "содержит" - это один параметр. А с одним параметром это, очевидно, не пройдет - говорит мэн и смотрит на меня печально.

Вы отчасти правы - отвечаю я, - но не совсем. Я этой задачей не занимался и заниматься не буду, у меня, как вы могли заметить по публикациям, совершенно другая и далекая область. Но я сейчас назову вам две идеи, которые, может быть, окажутся полезны. Когда мы рассуждаем, что может и что не может внутри чего поместиться, мы интуитивно предполагаем, что объем неизменен. Но вы же знаете, что объем зависит от скорости? Мэн радостно кивает, он ухватил идею. Так что берем большее, увеличиваем скорость и помещаем в меньшее. Правда, возникает вопрос, долго ли оно там пробудет, но ведь двигаться по прямой не обязательно. Да! - почти кричит мэн - по окружности! Вращение! Скорость зависит от радиуса, а расстояние-то не меняется!

Ну вот, может быть, на этом пути что-нибудь и найдется, говорю я - а вторая идейка чисто математическая. Вы про "парадокс Банаха - Тарского" слышали? Мэн морщит лоб - это который про то, что из одного апельсина, разрезав его на много частей, можно сложить два такого же размера? Да - отвечаю - в быту его иногда именно так формулируют. Математики говорят иначе - трехмерный шар равносоставлен двум своим копиям. Два подмножества евклидова пространства называются равносоставленными, если одно можно разбить на конечное число не пересекающихся частей, передвинуть их и составить из них второе. Части могут быть не односвязными, в промежуточном положении части могут пересекаться, а в начальном и конечном не могут. И много таких частей надо?! - ошарашенно спрашивает мэн. Чисто случайно я знаю ответ и говорю - доказано, что для удвоения шара достаточно пяти частей, но четырёх недостаточно. Мэн в шоке, он молчит две минуты и спрашивает - вы полагаете, что эту математику можно применить к Вселенной? Не знаю - честно отвечаю я - математики, наверное, сказали бы, что можно, только они не знают, как. Мэн улыбается, я тоже. Но я не математик - резюмирую я - так что скажу честно - не знаю.

Но если вы будете заниматься этой задачей, не грузите профанов. Они обижаются. Мэн улыбается с пониманием, мы прощаемся.

Дело сделано, кофе, главврач улыбается с пониманием, хайвэй, я лечу домой и играю с мыслью о приключении, которое, наверное, скоро будет...

Пауль ГОССЕН

Босоногая девушка в хищной траве

В полдень наместник вызвал дождь, сел в кресло у окна и, глядя на беснующуюся под ливнем высокую синюю траву, стал ждать. Его звездолет, трансформировавшийся после посадки, выглядел как небольшой средневековый замок. Звучал Григ - музыка, напоминающая о фьордах далекой Земли. Дымился в чашке вечно горячий кофе. Наместник закрыл глаза и почувствовал, как его виски стянула тягучая боль. Он был телепатом экстра-класса и не мог ошибиться: Марина Иордаше, девушка из поселка ирикенов, приближалась. Боль отступила, наместник снова открыл глаза. Марину было уже видно - она осторожно ступала по хищной траве, а та, разбуженная ливнем, безжалостно хлестала девушку по голым ногам. В руках Марина несла хрустальный плод, сок которого, по уверениям ее соплеменников, согревает тело и душу. Ливень ударил с новой силой, трава прогнулась и юркими змейками кинулась на девушку. Та не выдержала - прибавила шаг, а потом и побежала к воротам замка.

Довольный наместник улыбнулся.

Тэри Эдланда назначили наместником полгода назад, когда здесь, в дальнем рукаве Галактики, на планете с безликим номером EM20031702, был обнаружен поселок землян. Изучив легенды поселенцев, удалось установить, что ирикены - потомки легионеров, покинувших Землю задолго до ее вхождения в Галактическое Содружество. Теперь, не имея необходимого гражданства, они не могли быть перемещены ни на одну из цивилизованных планет. Но закон также не позволял оставить вернувшихся в каменный век людей без опеки. Поселок и его окрестности были накрыты невидимым силовым полем, а прибывший в звездолете-замке Эдланд потребовал от Развана Василеску, вождя ирикенов, признания и подчинения власти Земли. Вождь хмуро глянул на мощные стены замка и отвел взгляд - спорить с наместником он не решился.

Ирикены восприняли пришельца как бога. Во всяком случае, Эдланду было приятно так думать. Имя наместника упоминалось в многочасовых молитвах, а вокруг его каменного торса, выставленного в самом центре поселка, регулярно устраивались пляски. Какое-то время Эдланд, желая укрепить свой божественный

имидж, посылал с безоблачного неба молнии - пугал и разгонял дикарей. А потом заскучал. Жизнь бородатых мужчин и длинноволосых женщин была удручающе однообразна - пляски, охота, снова пляски, опять охота... Как вскоре установил наместник, неистовые пляски завернутых в звериные шкуры людей призывали к покорению Вселенной. Впрочем, чего еще ждать от потомков легионеров? Иногда Эдланд думал о том, что будь у агрессивных ирикенов не копья и луки, а мощный звездолет, оснащенный современным оружием, они бы легко потеснили на этой забытой всеми периферии обленившееся Галактическое Содружество. Ирикены, как выяснилось, думали так же. Наместник с запозданием обнаружил, что вождь Разван тоже телепат, пусть и классом пониже. Эдланд сразу же заблокировал подступы к своему сознанию, но было поздно. Идея захватить звездолет-замок, с управлением которого легко мог справиться даже начинающий телепат, уже не оставляла поселенцев.

Зазвонил колокольчик - Марина просила впустить ее внутрь. Эдланд вполне мог открыть ворота силой своего желания, но предпочел прежде щелкнуть пальцами - он любил эффекты.

Марина вошла и опустилась на колени. Свежие

порезы на ее ногах кровоточили, и сознание того, что он виновник страданий этой красивой девушки, доставили Эдланду странный коктейль чувств - упоение властью и жалость одновременно. Впрочем, дикарка поплатилась за дело, оправдывал он себя. По велению вождя Марина ежедневно приходила к наместнику - приносила дары. А пока тот пробовал экзотические фрукты, соблазнительно изгибалась под мелодию, которую сама же напевала. По замыслам Развана, ее нагота должна была увлечь посланника Земли, а умелые пальцы во время любовной игры пережать ему сонную артерию. Телепат-наместник знал этот немудреный план и не позволял ослепляющей страсти овладеть собой.

- Народ ирикенов любит тебя, бог с планеты Земля, - сказала Марина, - и посылает в дар плод хрустального дерева. Это дерево посадил и вырастил наш вождь Разван.

Девушка поднялась, поставила на стол перед наместником подношение и с поклоном отошла. Сквозь прозрачную кожицу плода были видны прожилки, в которых пульсировал золотистый сок.

Наместник взял плод, потом снова посмотрел на Марину. Что-то сегодня было не так. Девушка

не пыталась соблазнить его, как прежде. Не танцевала, даже не распахнула на груди пятнистую шкуру. Просто принесла плод и отстранилась. "Или это новый этап соблазнения? - подумал Эдланд. - Ничто так не заводит, как холодность..." Он прикрыл глаза, и тупая боль в висках в который раз открыла ему правду - плод отравлен, вождь Разван нашел новый путь для достижения победы.

Что ж, наместник был не прочь принять вызов. Он взял нож и не спеша надрезал плод. Марина, надкусив губу, внимательно следила за каждым движением земного посланника. Эдланд поднял плод над чашкой с кофе и выжал из хрустальной плоти несколько капель. Потом взял чашку в руку.

- Разван - великий вождь, - сказал наместник. - Он щедр и мудр. Я благодарю его за подарок. Я благодарю народ ирикенов за преданность Земле и Галактическому Содружеству.

Эдланд сделал глоток. Зрачки Марины расширились - победа! Наместник сделал второй глоток, и неожиданно Марина отвела взгляд. На ее щеке блеснула слеза. "Да она же жалеет бога с Земли, принявшего смертельный дар, - сообразил Эдланд и вдруг понял, что открытие доставило

ему радость. - Как я упустил, что в ее попытках соблазнить меня была и доля искренности?"

Смерть наступит через полчаса, подсказала боль. Виски стянуло как никогда прежде. Наместник поставил чашку на стол, снова взглянул на девушку, потом резко поднялся и привлек ее к себе. Шкура местного хищника соскользнула с плеч Марины. В первое мгновение девушка напряглась, потом отчаянно впилась в губы Эдланда. Они упали на ковер с вышитыми единорогами, наместник подмял под себя Марину, их тела сплелись. Несколько раз пальцы девушки оказывались в опасной близости от сонной артерии Эдланда, но всякий раз Марина отводила руки - это было уже не нужно.

А потом наместник встал и поправил на себе мундир. В кончиках пальцев уже чувствовалось онемение - начало приближающегося конца. Марина, лежа на ковре, натягивала на грудь шкуру.

"Пора, - подумал Эдланд, закрыл глаза и усилием воли заставил девушку подняться. - Сейчас ты выйдешь из замка, нарвешь траву и сделаешь противоядие, - приказал он; впрочем, с его губ не сорвалось ни звука. - Из хищной травы получается отличное противоядие, и ты, Марина, знаешь его рецепт. Трава будет резать руки, тебе будет

больно, но ты сделаешь все как надо. Потому что воля посланника Земли сильней воли вождя Развана... Иди, у тебя есть десять минут".

Набросив шкуру, девушка скользнула к выходу. Наместник снова сел у окна, взял чашку и отхлебнул отравленный кофе. Еще глоток. Еще... Скука прошла, он почувствовал, как возвращается вкус жизни - игра со смертью пришлась Эдланду по душе.

Дождь хлестал не ослабевая. Марина шла по полю и рвала траву - теперь синие змейки, словно почувствовав опасность, разбегались в стороны, уворачивались, стлались по земле, впрочем, тут же норовя напасть со спины. Каждая сорванная травинка, словно удар ножа, рассекала ладони до крови. На планете ЕМ20031702 трава, напоенная дождем, становится самым опасным хищником - она способна растерзать любого. Впрочем, Марине это уже не грозило - нужное количество было собрано, девушка повернулась к замку и... Стрела, вылетевшая из леса неподалеку, вонзилась ей в горло. Марина всхлипнула и упала. Трава яростно сомкнулась над ней.

Наместник хотел вскочить - не получилось, хотел выругаться - изо рта донеслось лишь шипение. Он знал, что надо подняться, собрать траву

самому, а потом приготовить противоядие - но сил уже не было. Тело онемело, лишь сознание еще какое-то время не покидало Эдланда. И наместник увидел, как из леса неподалеку вышел вождь Разван с луком в руке. Серебристая шкура неизвестного Эдланду зверя создавала вокруг вождя сияние. Взмахом руки Разван остановил дождь, и успокоившаяся трава стала клониться к земле, засыпая. Вождь что-то прокричал, подняв над собой лук, и не спеша направился к звездолету.

Чашка выпала из руки наместника и покатилась по ковру, оставляя за собой полоску дымящегося кофе.

Пауль ГОССЕН
Восход, закат...

- Красота! - выдохнул Август.

Он сидел на берегу в одних плавках, рядом на песке сушился скафандр, чуть дальше лежали мольберт и сумка с красками. Двойная звезда АМ10010836 медленно поднималась из океана.

- Тебе правда нравится? - спросил робот цивилизации циркулей.

- Еще бы, ради этого восхода я пересек половину Галактики.

- А мне все равно, - сказал робот. - Что восход, что закат... Ты, наверное, тоже художник?

- Художник, - кивнул Август. - А почему "тоже"?

Они встретились полчаса назад, когда Август выбрался на берег. Его звездолет был расплющен и затянут черной дырой, вопреки всем астрономическим законам оказавшейся на орбите планеты. Маленькая - размером с теннисный мячик - она за пару минут сделала свое черное дело. Август чудом успел выпрыгнуть за борт, прихватив реактивный ранец и принадлежности художника. Упал в океан, более часа добирался до берега. Робот цивилизации циркулей помог

ему снять скафандр и накормил плодами пьяного дерева, что росло среди руин неподалеку.

- Здесь все художники... - ответил робот. - Были.

- Что значит "были"? - Август покосился на руины. - Цивилизация художников?

- Цивилизации здесь нет. И животных нет. Только пьяное дерево - говорят, его плоды веселят душу.

- Кто говорит?

- Художники.

Август озадачено почесал затылок.

- И откуда они взялись?

- Прилетели, как и ты, - сказал робот. - Двойная звезда AM10010836 очень красива. Фотографии, сделанные с помощью телескопа, многих просто завораживают. Со всей Галактики прилетают сюда, чтобы рисовать восходы и закаты. Черная дыра на орбите планеты погубила много звездолетов. И все художники выплыли на этот берег - на планете только один остров.

Август подскочил.

- Где они?

- Кто?

- Художники со всей Галактики.

Робот указал на развалины.

- Я похоронил их за картинной галереей. Хо-

чешь взглянуть?

- Что? Они погибли?

- Умерли.

- Как?

- От старости.

- Все?

- Конечно. Последний - сто восемьдесят три года назад. Галактика слишком велика, чтобы сюда прилетали чаще.

Август опустился на песок.

- Ты хочешь сказать, что в ближайшие два столетия на эту планету никто не прилетит?

- Да, вероятность появления нового художника раньше этого срока мала. Обычно приходится ждать много дольше.

- А ты... - у Августа перехватило дыхание, - ты сам-то здесь давно?

- Сорок тысяч лет, - ответил робот. - Я заряжаюсь энергией АМ10010836 и могу существовать практически вечно. За это время сюда попало тридцать семь художников с разных планет. Я не в счет. У циркулей не бывает художников. Что восход, что закат... мне все равно. Я прилетел зарядить аккумулятор.

- И что здесь делают... художники?

- Рисуют. Выкладывают мозаику. Плетут кру-

жева. Кто руками, кто хвостом. Восход, закат... Один построил картинную галерею. - Робот снова указал на развалины. - Давно, три тысячи лет назад. Там я храню картины. Многие выцвели, но некоторые сохранились. Хочешь взглянуть?

- Позже.

- В любое время, пожалуйста, - сказал робот. - Они знали, что кто-нибудь еще прилетит. И рисовали для них... для тебя. И ты рисуй. Для тех, кто прилетит после... Восход, закат... Жаль, что мне все равно...

Двойная звезда AM10010836 оторвалась от линии горизонта и плавно пошла вверх. Огромные огненные зайчики плясали на воде. Август смотрел, не в силах отвести взгляд, смотрел до рези в глазах - по его щекам текли слезы.

- Красота, - повторил он.

- Восход, закат... - повторил робот.

Елена ЕРМАКОВА

Моя бабушка ничего не знает

- Спроси свою бабку, почему дождя всё нет. Она у тебя, говорят, колдунья.

Деревенский старший смотрит высокомерно, но я чувствую, что он на нервах. Не пойдёт дождь, ему же от народа и прилетит.

- Ничего не знаю, - хмурится бабушка. - Я им однажды помогла, так еле потом ноги унесла. Делали бы добрые дела, всё бы у них было.

Через неделю снова иду в лес к бабушке. С новым поручением от старшего.

- Бабушка, старшина велел тебе передать, что домовой во всём виноват. Мы его поймали и в сарай посадили. Сожжём его - и дождь пойдет. Старшина велел передать, что мы и без твой помощи обойдемся.

Бабушкино лицо кривится от презрения.

- Ничего не знаю. Вам бы только жечь. Ты хоть того домового видала?

Бабушка захлопывает у меня перед носом дверь в избушку, и я остаюсь стоять обиженная и злая. Её слова меня задели, а еще больше закрытая

дверь.

Поздним вечером иду к сараю на краю деревни. Нахожу окно с решеткой и заглядываю внутрь. В дальнем углу сарая горит свеча, а над свечой склонилось лохматое существо с глазами-тарелками. Хочу отпрыгнуть от окошка и убежать, но существо поднимается и медленно идёт ко мне.

Замечаю, что существо хромает. Как-то знакомо хромает, с приволакиванием полусогнутой ноги. С каждым таким шагом глаза у существа как будто уменьшаются, а шерсть обваливается. Смотрю как заворожённая. Когда существо окончательно подбирается к окошку, это уже не домовой, а соседская девочка Хромуша.

- Как ты здесь оказалась, Хромуша? И как ты расколдовалась? Ты же только что была домовым.

- Я никогда не была домовым.

- Но я видела шерсть и глаза как плошки.

- Это вы все меня заколдовали. Посмотрели на меня и заколдовали.

- Разве так бывает?

- Бывает. Вы меня ещё с детства начали заколдовывать, потому что смотрели на мою больную ногу плохими глазами. А на прошлой неделе старшина что-то сказал, и вы все стали смотреть нехорошими глазами не только на ногу, но и на

всю меня.

Мне становится страшно. Как это - плохими глазами?

А вдруг существо меня обманывает? Околдовывает? Прикинулось Хромушей и давит на жалость? Поворачиваюсь и бросаюсь в лес, к бабушке.

- Бабушка, я её увидела. Но я запуталась. Я не знаю, домовой это или Хромуша.

Я жду, что бабушка скажет своё обычное "ничего не знаю". Но она улыбается.

- Ты увидела?

Потом усмехается, пряча одобрение.

- Ничего не знаю. Сама решай, кто это.

Снова бегу к сараю и долго-долго стою у окошка. Думаю о бабушке. Она никогда не улыбается, а тут вдруг улыбнулась. Обрадовалась тому, что я смогла увидеть.

Подхожу к двери и сдвигаю в сторону тяжеленный засов. Дверь открывается со скрипом, который заставляет меня сжаться от страха.

Хромуша нерешительно выходит из сарая. Я сую ей в руку хлеб и машу на дорогу к соседней деревне. Хромуша порывисто обнимает меня и, быстро-быстро переступая с больной ноги на здоровую, выходит на залитую лунным светом

дорогу.

Эх и достанется же мне от старшего! Я поднимаю руку, чтобы помахать Хромуше, и по руке вдруг бьёт дождевая капля. Одна, другая, а потом весь мир накрывает дождь.

Елена ЕРМАКОВА
Старый трамвай

Я просыпаюсь от резкого рывка, который делает старый трамвай. Никогда раньше его не видел, думал, всё старьё на новые модели заменили.

Сон, который мне снился, был липким и тревожным.

В дверях трамвая стоит девочка в желтых сандалиях, ждёт остановки. Трамвай распахивает двери, но я грубо отталкиваю её от ступенек.

- Выйдешь на конечной и пойдёшь пешком!

Сам выскакиваю и вижу за стеклом её перепуганное лицо.

Так надо.

Около нашего подъезда толпа, дверь подъезда и квартиры распахнута, весь дом забит полицией. Соседка всхлипывает. Мне кажется, или это снова тот сон, который мне снился?

- Горе-то какое. Денежки у них водились, но, чтобы из-за этого ...

На тумбочке в прихожей портрет. Мои родители, я и сестра. На полу два трупа. Даже убитые, мать и отец держатся за руки.

Но в спальне на полу никого. Это хорошо. Зна-

чит, получилось.

- Слава богу, дети из школы опаздывают. Чуть бы раньше, и ...

Соседка всё бормочет, а меня не видит, как будто я привидение.

По лестнице торопливые детские шаги. Потом отчаянный девчачий рёв. Зачем сестру пустили в квартиру?

Я всё сделал неправильно. Да, я спас сестру, но оставил её сиротой. Так не годится. Надо было по-другому.

Времени у меня в обрез, но я еще успею всё снова изменить. Если смогу сесть в тот старый трамвай. Протискиваюсь сквозь толпу у подъезда, лечу на трамвайную остановку, молясь, чтобы пришел именно он. Когда он появляется, падаю на сиденье и, несмотря на волнение, проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от резкого рывка.

Сон, который мне снился, был липким и тревожным.

На остановке "Школа" входят мальчик и девочка в желтых сандалиях. Сажусь рядом с мальчиком и шепчу ему, "Сойдем сейчас, а она пусть едет дальше". У мальчика такие же глаза как у меня, он сердито велит сестре ехать одной

и выпрыгивает из трамвая.

Несёмся через дворы к подъезду, неумолимо сокращая время. Вбегаем в подъезд и захлопываем дверь. Успели. А предупредить родителей уже не успеем.

Провода к домофону висят на соплях, их уже обрывали. Дерни, и нет контакта. Мы так и делаем. За дверью шаги. Топчутся у подъезда, тычут пальцами в домофон. Снова топчутся. Уходят.

С души падает камень.

Я оглядываюсь, хочу похвалить своего спутника, но его почему-то нигде нет. Через некоторое время дверь в подъезд открывают ключом, и соседка вводит девочку в жёлтых сандалиях.

- Странно, домофон перестал работать. Давай до квартиры провожу. Не по себе мне, будто привидение тут.

Дверь в нашу квартиру распахивается, и я слышу мамин смех на кухне. Сестра ставит портфель на тумбочку в прихожей и чуть сдвигает портрет. На портрете трое. Мама, папа и сестра. Меня там нет, но это правильно, потому что иначе спасти их не получилось бы.

Дверь в родительскую спальню распахнута, за окном звякает старый трамвай. Я могу вернуться в подъезд через дверь, а могу спрыгнуть во двор

из окна спальни, как в том липком сне, в котором нас убивали. Тогда тоже звякал трамвай.

Больше можно не спешить. Трамвай меня подождет. На сей раз он пришел именно за мной, и, когда я усну в нём, мне будут сниться только хорошие сны.

ПЕРЕВОДЫ

Мюррей ЛЕЙНСТЕР
ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА{3}

Совет Западного Оборонительного Альянса, как обычно, принял решение о том, быть миру или войне. И, как обычно, Координатору Альянса пришлось сообщить Послу Коминтерна, что они снова победили: Альянс не станет рисковать атомной войной из-за того, что коммунисты передвинули государственную границу в Юго-Восточной Азии на тридцать миль.

- Возможно, - вежливо сказал Посол, - вам лично будет легче, если я скажу, что наша разведка уже доложила о решении вашего Совета.

Он сделал паузу и добавил:

- Подробно.

Координатор устало спросил:

- Насколько подробно?

- Во-первых, - сказал Посол, - вы должны настаивать на том, что решение не принято. Вы должны тянуть время. Если я не соглашусь, вы должны

{3} Комментарии: 3

Перевод с английского: Павел Амнуэль

THIRD PLANET By MURRAY LEINSTER, "Worlds of Tomorrow", April, 1963

предложить компромисс. Если я не соглашусь, вы должны принять предложенное нами урегулирование. Но вы должны срочно просить о времени для эвакуации граждан, которых, по нашему мнению, следует расстрелять. Это не абсолютное условие, но вы должны использовать все возможные средства, чтобы убедить меня предоставить время для эвакуации.

Координатор стиснул зубы. Совет не стал бы воевать из-за нескольких тысяч граждан азиатской страны, которые, вероятно, и так погибнут на войне. Если война действительно разразится, в западных странах погибнут миллионы.

- Я очень уважаю вас, - вежливо сказал Посол, - поэтому согласен на трёхдневную отсрочку, в течение которой вы сможете вертолетами эвакуировать нелояльных граждан. На четвёртый день наши войска выдвинутся к новой границе. Будет жаль, если по пути произойдут столкновения.

- Мы не сможем вывезти их за три дня! - возмутился Координатор. - Это невозможно! У нас недостаточно вертолётов!

- Если вас предупредят о необходимости эвакуировать людей, - сказал Посол, - многие смогут добраться до новой границы пешком.

Координатор снова стиснул зубы. Это был бы

публичный позор для Альянса, и не первый: они опять не защитили своих друзей. Но общественность западных стран не хотела войны. Она не позволяла своим правительствам воевать из-за пустяков. С другой стороны, у общественности стран-членов Коминтерна не было мнений, которые не были бы определены их правительствами. Значит, Коминтерн мог угрожать и даже выполнять угрозы, пусть и по пустякам.

Альянсу часто приходилось уступать по одному пункту за другим. В конце концов, Альянс начинал бороться и бороться храбро, но было слишком поздно.

Координатор тяжело сказал:

- Прошу прощения, господин Посол. Мне нужно позаботиться о том, чтобы перебросить в Юго-Восточную Азию как можно больше вертолётов.

***

В нескольких сотнях световых лет, в космосе, на расстоянии всего лишь миллионов миль от местного солнца, плыл исследовательский корабль "Лотос". Он выполнял строго научную миссию, поэтому коммунисты не могли его заподозрить в нежелательных политических намерениях. По крайней мере, Коминтерн не потребовал присут-

ствия наблюдателя на борту.

Задачей "Лотоса" было картографирование и первое исследование ряда планетных систем типа Сол. Это была девятая такая система в списке. Третья планета от местного солнца находилась достаточно близко, чтобы её диск был виден невооружённым глазом, а при умеренном увеличении становились видны ледяные шапки и темные участки поверхности, которые могли быть морями и континентами.

Как и следовало ожидать, здешняя Третья планета была очень похожа на более знакомую третью планету - Землю. Капитан поручил Нолану провести удалённый осмотр, пока продолжалось общее обследование системы. У Нолана был талант к такой работе.

- Ладно! - смиренно сказал он. - Новый день, новый мир!

- Мой личный кошмар, - с юмором сказал капитан, - это пучеглазые монстры. Постарайся их здесь не найти, Нолан. А?

Он говорил это уже восемь раз за путешествие. Нолан сказал:

- Мой личный кошмар - вернуться домой и обнаружить, что, пока мы искали новые миры для жизни людей, они развязали войну и превратили

Землю в место, где можно умереть.

Он тоже говорил это уже восемь раз за путешествие.

- Желаю нам обоим удачи, Нолан, - сказал капитан. - Но вон тот шар выглядит вполне подходящим гнездом для пучеглазых монстров!

Капитан покачал головой и вышел. Он всё ещё шутил.

Нолан настроил приборы и принялся за работу. Работая, он старался отогнать мысли, которые каждый день посещали всех на родной Земле. Они были такими же навязчивыми в нескольких световых веках от Земли, как и дома.

На Луне располагалась база, которую строили коминтерновцы. У Альянса там была обсерватория, но Коминтерн устанавливал гораздо больше ракет, чем телескопов. И ещё было плохое соглашение, заключённое Коминтерном и Альянсом прямо перед отлётом "Лотоса". Каждая сторона торжественно обещала заранее уведомлять другую обо всех космических запусках. Идея заключалась в том, чтобы предотвратить ошибку, из-за которой нападение в стиле Перл-Харбора не произошло на самом деле.

Но "Лотос" находился далеко от дома - примерно в семидесяти миллионах миль от звезды

солнечного типа Фануэль Альфа, Третью планету которой Нолан должен был исследовать. Он послал дистанционный импульс и провел угловые измерения диска планеты.

Сутки на Третьей длились около тридцати часов. Почти как на Земле. Экваториальный диаметр 8200 миль был очень похож на земной. Наклон оси вращения указывал на смену времён года - очень похоже на времена года на третьей планете Солнечной системы. Были облака. Более того, в южном полушарии находилась облачная масса, выглядевшая точь-в-точь, как земной тропический шторм, претерпевающий обычные изменения по мере удаления от экватора.

Планета была очень похожа на Землю! Грязно-серые пятна на поверхности, несомненно, были океанами. Узкополосный светофильтр это подтвердил. Но области, которые не были ни морями, ни облачной массой?

Нолан немного забеспокоился. Что-то было не так. Твёрдая поверхность планеты выглядела слишком светлой. Может, растительность? Нолан установил хлорофилловый фильтр. Конечно, через этот фильтр облака были бы видны. Они были белыми и отражали все цвета. Облачные массы были видны отчётливо. Ничего больше

не было видно. Фильтры должны были показать растительность. Но этого не произошло. Похоже, растительности на Третьей не было.

Нолан увеличил изображение. Он увидел кое-что другое, и увиденное ему не понравилось. Он сделал несколько снимков с максимальным увеличением и интерпретировал их всё более мрачно.

Он отправился к капитану с докладом как раз тогда, когда тот изучал параметры местного светила. Масса звезды в 1,3 раз больше солнечной. Период вращения - тридцать четыре дня. Были на звезде пятна совершенно привычного вида - как у Солнца.

Законы Лориака о размерах и распределении планет в системе типа Сола подтвердились. Одна из них была небольшой, и её обращённая к звезде сторона, вероятно, была раскалена. Очень похоже на Меркурий.

Вторая планета, как и её аналог Венера в родной системе, была решительно непригодна для обитания человека.

Четвертая - аналог Марса - была меньше Третьей и имела очень разреженную атмосферу. На шестой и седьмой орбитах находились газовые гиганты.

Законы Лориака предсказывают существование Пятой планеты в каждой звездной системе, но таких планет ни разу не удалось обнаружить. Пятые планеты считались нестабильными - они взрывались. Там, где должна была находиться Пятая планета, обычно обнаруживали только ее фрагменты - астероиды.

Однако здесь Пятая планета была. Она величественно катилась сквозь пустоту. Она соответствовала предсказаниям Лориака. У неё была атмосфера, которая должна была содержать кислород. Это была первая когда-либо обнаруженная Пятая планета.

В каюте капитана послышался гул, когда первооткрыватели Пятой планеты сообщили ему об открытии. Нолан коротко сказал:

- У меня есть кое-что более срочное. Третья планета должна быть похожа на Землю. Но она не похожа. Она мертва!

Никто не обратил на слова Нолана внимания. Все внимание было сосредоточено на Пятой планете. Это было беспрецедентное открытие! Теперь все теории об отсутствии пятых планет можно проверить!

- Говорю вам, - резко сказал Нолан, - Третья планета мертва! Она была живой, и что-то с ней

случилось! На ней есть моря, облака, ледяные шапки. Это вода! Но её поверхность - пустыня! Где жизнь может существовать, там она существует. Всегда! Жизнь здесь существовала. Теперь её нет.

Он повернулся к капитану:

- Может, её убили пучеглазые монстры? Мне кажется, это убийство!

Все уставились на Нолана. Он разложил свои фотографии. Он указал на один предмет и на другой. Факты были убедительны. Все совпадало.

- Знакомо, да? - сардонически спросил Нолан. - Вы узнаёте эти фотографии? Вы видели нечто похожее раньше. Но то, что вы видели, рисовали художники по описаниям того, что могло бы произойти. Вот оно! Думаю, - добавил он, глядя на капитана, - это важнее, чем Пятая планета. Думаю, нам следует отправиться на Третью, собрать всю возможную информацию и забрать её домой. Такая смерть подразумевает жизнь, во многом похожую на человеческую. Если нечеловеческие существа способны на нечто столь же человеческое, нам лучше сообщить об этом домой, чтобы можно было что-то предпринять прежде, чем мы найдём их - или они найдут нас.

Капитан внимательно просмотрел фотографии. На одной из них он указал на деталь, о которой

Нолан не упомянул.

- Думаю, ты прав, Нолан, - с болью сказал капитан. - Мы запустим беспилотник. Сомневаюсь, что мы сможем приземлиться, но это нужно проверить. Немедленно. И, пожалуй, стоит добавить - незаметно.

***

- По секрету, - сказал Посол Координатору Альянса, - я согласен, что это мелочь. Но мы - новая нация. Нашему народу не хватает перспективы. Они радуются силе и энергии государства, гражданами которого являются. Они не позволят государству проявлять то, что они считают слабостью. Ни в каком вопросе! Ведь они недавно освободились от тирании капиталистов и поджигателей войны, которые всё ещё порабощают народы ваших стран. Мы не можем уступить в этом вопросе.

Координатор сказал:

- Чтобы не нарушать конфиденциальность, скажу... Мы оба знаем: то, что вы сказали - просто неправда. Ваше правительство решает, что думать его общественности. Ваше правительство следит, чтобы люди не думали то, чего оно не хочет.

Посол Коминтерна пожал плечами. Он был очень вежлив. Он даже не обиделся, что его назвали лжецом.

- Моя страна намерена продвинуться в этом вопросе в течение десяти дней, - заметил он. - И было бы ужасно, если бы по нашим солдатам открыли огонь.

***

Даже если бы "Лотос" рассылал по всему космосу громкие уведомления о своём присутствии, это не имело бы значения. Пока "Лотос" двигался к Третьей Планете, датчики абсолютно ничего не сообщали. С планеты доносились лишь помехи от штормов. Они становились громче по мере приближения исследовательского корабля. Никаких признаков жизни не было.

"Лотос" пролетел на высоте около двухсот миль над морями, облачными массами и пустынями, фотографируя всё освещённое солнцем полушарие. В тропиках были горы, у подножия которых по всем правилам метеорологии должны были расти дождевые леса. Но их не было. Была речная система, которая, подобно Нилу, тянулась на тысячи миль через пустыни, подобные египетским. По берегам должна была располагаться хотя бы

полоска растительности. Но её не было. Там, где река достигала моря, находилась огромная дельта.

Дрон спустился и сообщил данные о температуре, влажности, составе атмосферы и радиационном фоне. Данные приблизительно соответствовали земным. Фоновый уровень немного выше - 3,9 вместо 3,6. В атмосфере было восемнадцать процентов кислорода. Единственной странностью был почти целый процент гелия.

Вернувшись, дрон принёс образцы почвы и морской воды. Ни там, ни там жизни не было. Грунт в основном состоял из минеральной пыли, но электронный микроскоп выявил стертые фрагменты пыльцы и чего-то подобного. Образец морской воды, очевидно, был взят на мелководье. В нём были крошечные кремнистые ракушки. Планктон. Когда-то они были живыми, но теперь уже нет.

***

- Думаю, - сказал Нолан, - мне следует совершить посадку. Верно?

Капитан сердито ответил:

- Да. Ты лучше всех справишься. Ты всё замечаешь. Но сомневаюсь, что ты многому научишься.

Он постучал по письменному отчёту, в котором говорилось, что радиационный фон составляет 3,9.

- Это случилось давно. Очень, очень давно!

И добавил с безуспешной попыткой пошутить:

- Попробуй выяснить, не были ли это пучеглазые монстры. Слишком похоже на Землю! Я бы лучше винил монстров, чем людей!

Нолан пошёл готовиться к посадке. С ним, конечно, пойдут ещё двое. "Лотос" не спустится. Посадка требует топлива.

Дрон доставил троих на поверхность планеты, а второй дрон - со снаряжением - последовал за ними. Конечно, они взяли с собой оружие. У них был материал для лагеря. У них был роллер-джип, работавший на огромных надувных мешках вместо колес. Он мог эффективно передвигаться по любой поверхности - от песка до болотной грязи - и преодолевать болота и реки. У них были камеры и средства связи.

Нолан выбрал геолога Кроуфорда и Келли, специалиста по связи. При желании они могли вызвать с корабля и других специалистов. Место, где они приземлились, было пустыней: ничего больше. Огромные дюны были похожи на гигантские замёрзшие песчаные насыпи.

Они высадились недалеко от илистой отмели северной ледниковой шапки, чтобы избежать глубоких ущелий, по которым реки текли южнее. В первый же день разбили лагерь. К северу от них возвышались горы, покрытые почти до самого основания льдом. Они установили метеорадар, надули небольшие воздушные шары и запустили в небо, чтобы наблюдать за потоками воздуха в верхних слоях атмосферы. Кроуфорд фотографировал дюнные образования.

***

А потом был удивительно великолепный закат. Мало кто в наши дни видит закат. Сев у края ледяной шапки, они втроем смотрели на огромные дюны, простиравшиеся до самого горизонта. На западном горизонте мёртвого и пустого мира расплылось великолепие багряно-золотого света. На горах, где лежали лёд и снег, появились невероятные оттенки и смешения цветов. После долгого-долгого времени свет померк, и не осталось ничего, кроме звёзд. Вообще ничего. Этот мир умер.

Они вернулись в свой походный домик и отгородились от тьмы и тишины.

На второй день Нолан обнаружил вечный лёд

в долине северных гор. Это была вечномерзлая земля, которая, возможно, не оттаивала тысячи тысяч лет. Нолан пробурил поверхностный лёд до вечномерзлой почвы под ним. Почва не была песком пустыни. Нолан обнаружил в ней почерневшие корни растений, стебли чего-то, похожего на траву, и даже небольшие предметы, которые когда-то были семенами или плодами. Они не погибли вместе с планетой. Они были гораздо старше катастрофы и служили доказательством того, что когда-то этот мир жил и процветал.

После полудня Нолан и Келли отправились на юг, к речному ущелью. Река прорезала ущелье глубиной шестьсот метров в нанесённой ветром пыли, которая была повсюду. Здесь были сухие овраги, подтачивавшие склоны дюн и временами сбрасывавшие грязь в медленно текущую жидкость реки. Не было никаких красок, кроме пыли и грязи. Сама река была грязью. Она текла очень медленно и безрадостно.

Они вернулись подавленными.

Этот мир был создан для жизни. То, что он был мертв, было трагедией. Его реки текли угрюмой тягучей грязью, которая неохотно двигалась к безжизненным морям.

В эту вторую ночь Келли не стал смотреть на

закат. Он пошел в лагерь и включил музыку. Кроуфорд лишь немного понаблюдал. Плыли облака. Дул ветерок. Было видно, что кое-где шел легкий дождь, который мог бы питать травы и цветы и наполнять воздух ароматом. Но вместо этого капли падали на неосязаемую пыль и превращали её в грязь, медленно стекавшую в овраги и реки, тоже грязевые, и двигалась дальше, где, возможно, почва превращалась в иловую отмель в океане.

- Завтра закончим и уйдём, - сказал Нолан.

Келли резко ответил:

- Мы знаем, почему здесь всё погибло!

Кроуфорд задумчиво сказал:

- Должно быть, нужно было много ума, чтобы уничтожить эту планету. Как думаешь, когда это случилось?

- Десять-двадцать тысяч лет назад, - сказал Нолан. - Всё вокруг, должно быть, было радиоактивным, воздух и всё остальное. Но если они использовали кобальт, фоновый уровень мог снизиться до 3,9 за десять или двадцать тысяч лет.

- Мы не видели никаких кратеров, - сказал Келли. - Даже на снимках из космоса не видно воронок от бомб.

- Когда всё умерло и обратилось в пыль, - сказал Нолан, - начались пыльные бури. И они всё ещё

должны быть. Они всё засыпали! На Земле, на части территории, которая сейчас называется Сахарой, существовала потрясающая цивилизация. По чистой случайности нашли участок шоссе и почтовую станцию. Всё остальное засыпано. Города, дороги, плотины, каналы... И тяжёлый песок вместо мелкой пыли! "Лотос" нашёл тени на фотографиях. Капитан хочет, чтобы мы посмотрели, что их отбрасывает. Мы посмотрим завтра и улетим.

Кроуфорд задумчиво сказал:

- Мы трое получили представление о том, какой станет Земля в ближайшее время! Интересно, будет ли толк от того, что мы покажем им на Земле то, что обнаружили?

- На корабле об этом спорят, - сказал Нолан. - Некоторые говорят, что нам лучше всё это замять.

Кроуфорд задумался.

- Коммунисты - не очень-то верующие люди, - медленно проговорил он. - Но наши люди - да. Если мы об этом сообщим, наши люди поверят. Но коммунисты могут сказать своим, что это ложь. Наши люди захотят мира больше, чем когда-либо, если увидят, что означает война. Но коммунисты воспримут это как повод потребовать ещё больше уступок, и ещё больше, и ещё больше. Например,

базу на Луне...

- Я пойду спать, - сказал Нолан и иронично добавил: - Надеюсь, вы увидите приятные сны.

***

Он всё же спал очень плохо. Остальные спали не лучше. Все трое встали до восхода. Нолану появление света показалось чем-то вроде нетерпеливого прихода нового дня, ожидающего увидеть, не поднимется ли где-нибудь из бурой земли крошечная зелёная полоска, чтобы приветствовать свет.

Но ничего не произошло. И не произойдет.

- Мы должны закончить к полудню, - сказал Нолан.

Каждые девяносто минут "Лотос" пролетал над ними, завершая картографирование планеты. Каждый квадратный фут её поверхности был сфотографирован с высоты.

Они поехали. Неуклюжие надувные мешки, заменявшие колёса, покатились Неутомимо, сначала по росистой пыли, а затем по мелким оврагам, которые, находясь близко к ледяной шапке, ещё не стали ущельями. Они проехали двадцать миль, и мерзость запустения окружала их.

- Мы не должны рассказывать об этом дома, - резко сказал Келли. - Если бы коммунисты увидели это, они могли бы понять, что никакие... - в его тоне звучала ирония, - национальные устремления не оправдывают такой риск. Но они этого не поймут. А наши люди, возможно, увидев это, решат, что лучше сдаться, чем всё это.

Нолан промолчал. Он не верил, что открытие мёртвой планеты можно долго держать в секрете.

Горы отступили к северу, и их место заняла пустыня. "Лотос" пролетел над ними и подал сигнал Келли.

- Мы идём по курсу, - доложил связист. - Ещё десять миль, и мы будем на месте.

***

Через десять миль они наткнулись на город или то, что когда-то было городом. Он был частично погребён под вездесущей пылью. То есть они увидели часть остатков города в ложбине шириной в милю между дюнами высотой в сотни футов. Были и другие остатки - между двумя другими дюнами, и ещё больше в других ложбинах за ними. Каменные сооружения отбрасывали те самые тени, которые "Лотос" обнаружил с орбиты.

Крыши были разрушены, когда над ними образовались чудовищные дюны, и снова оказались на поверхности, когда ветры сдвинули дюны.

Не осталось ни металла, ни стекла. Никаких артефактов. Не осталось ничего, кроме каменных скелетов, отбрасывавших угловатые тени, хотя фрагменты были округлены веками терпеливой ветровой эрозии.

Это был очень большой город, но Нолан сделал единственное наблюдение, которое могло хоть что-то рассказать о его обитателях.

- Строители этого города, - произнёс он без всякого выражения, - использовали двери примерно такого же размера, как и мы.

И это всё, что им удалось узнать.

- Нью-Йорк, в конце концов, станет таким же, - сказал Кроуфорд. - И Чикаго. И всё остальное.

Келли заговорил в микроволновый передатчик.

- Спускайте беспилотник! - передал он на "Лотос". - С нас хватит!

***

Член Совета от Бразилии произнёс страстную речь на якобы секретном заседании Западного оборонительного Альянса. Он указал на то, что

никакие прошлые уступки требованиям Коминтерна ничего не дали. Дальнейшие уступки были бы самоубийственны. Он яростно потребовал, чтобы Альянс выступил единым фронтом против нового дипломатического давления. Чтобы он категорически, твёрдо и окончательно отказался пойти на уступки ни по одному пункту.

Это была хорошая речь. Превосходная речь. Её, как и другие подобные речи, следовало произнести давно.

- Я согласен с каждым словом представителя Бразилии, - сказал Координатор Альянса. - Думаю, мы все согласны. Конечно, нужно направить объединённые экспедиционные силы для поддержания независимости Сьерра-Леоне. Эти силы должны быть сформированы из контингентов всех стран Альянса и иметь приказ не допускать проникновения войск Коминтерна на территорию Сьерра-Леоне. Не думаю, что что-либо меньшее предотвратит исчезновение ещё одной страны - члена Альянса. Вынесем решение на голосование?

Повисла пауза. Затем послышался бормотание. "Это означало бы войну!"... "Это означало бы атомную войну!"... "Десятки или сотни миллионов людей погибнут из-за вопроса, затрагивающего

менее двухсот тысяч!"... "Это просто смешно!"... "Общественное мнение..."

Заседание Совета завершилось без голосования.

Два дня спустя войска Коминтерна одной из африканских стран вторглись в Сьерра-Леоне и оккупировали её. Многие её граждане были расстреляны: некоторые за сопротивление новому положению дел, но некоторые, по-видимому, просто из общих соображений.

***

"Лотос" продолжил путь к Пятой планете, оставив мир, который должен был быть живым, но не существовал, чтобы отправиться в мир, который не должен был существовать, но существовал. По пути возникли ожесточённые споры. Теоретически, открытия, сделанные исследовательским кораблём, становились доступны всему миру. Но открытие того, что произошло на Третьей планете, имело бы политические последствия на Земле.

Никто по-настоящему не верит в смерть, пока не увидит мёртвого человека. И никто не может поверить в уничтожение планеты, пока не увидит её труп или цветные фотографии.

Именно это "Лотос" должен был доставить на Землю. Страны, входящие в Альянс, увидят фотографии и изучат факты. Они поверят в атомную войну и полную стерилизацию планеты. Страны Коминтерна эти фотографии не увидят. Они продолжат считать, что Западный Альянс в упадке, порабощен тираническими милитаристами и, очевидно, не может противостоять великолепным вооруженным силам Коминтерна. И они не поверят, что их доблестным войскам может противостоять что-то большее, чем разрозненное, безумное сопротивление. Поэтому они с энтузиазмом поддержат своих лидеров, а западные народы, в лучшем случае, будут просто в отчаянии.

"Лотос" прибыл на Четвертую планету, которая по законам Лориака должна была быть похожа на Марс. Она и оказалась почти его близнецом. Там были ледяные шапки из инея, а атмосфера была разреженной и почти не содержала кислорода. Конечно, здесь можно было разместить базу, если бы нашелся источник снабжения. База здесь, кстати, была бы гораздо ценнее базы Коминтерна на Луне.

"Лотос" не обнаружил ни городов, ни признаков поселений. Зато нашёл кратер от бомбы, радиу-

сом в мили и, казалось, глубиной в мили. На дне скопилось красноватое облако пыли, захваченное ветрами, дувшими над этим полузамерзшим миром.

Тогда "Лотос" отправился к Пятой планете. Местное солнце, находившееся далеко, выглядело очень маленьким, и его тепло едва ощущалось. Но растительность на планете была. Температура поверхности была выше нуля. Законы Лориака предсказывали, что центральное металлическое ядро должно ??быть небольшим и каменистым.

У планеты была толстая, в сотни миль, кора, а внутреннее тепло оказалось довольно сильным. Мир не был заморожен, и здесь существовала жизнь: бледная, неестественная форма, развившаяся в слабом свете.

Здесь была база. Келли обнаружил её, уловив резонансный отклик на определённых частотах. База была построена инженерами, которыми экипаж "Лотосе" мог только восхищаться. Через гигантские двери мог пройти сам "Лотос". Двери заржавели, и их пришлось открывать взрывчаткой. Внутри были галереи, туннели и лаборатории. Там были ракетные пусковые установки и хранилища ракет. Там был гигантский купол, в котором находился телескоп, о котором

люди даже не мечтали. Это был не оптический телескоп.

В конце концов, они нашли морг, куда помещали умерших членов гарнизона.

***

На четвёртый день после посадки капитан послал за Ноланом.

- Нолан, - ворчливо сказал он, - мы кое-что нашли.

- Чудовище с пучеглазыми глазами? - мрачно спросил Нолан.

- Нет.

Капитан вытер вспотевший лоб.

- Там, на Третьей, ты взглянул с расстояния в двадцать миллионов миль и понял, что произошло. Мы бы рано или поздно догадались, но ты понял сразу. Тебе повезло. Теперь мы кое-что нашли. Это... инструмент. У нас мало времени. Пойдём со мной, попробуем угадать, что это такое.

"Инструмент" находился в отдельном помещении, с собственной системой вентиляции и, по-видимому, собственным продовольственным складом. Помещение находилось за четырьмя рядами запертых дверей - все из нержавеющей

стали толщиной в несколько дюймов. Предполагалось, что последняя дверь открывается изнутри. Очевидно, это было самое сердце военной базы на Пятой планете. Всё, что было запечатано таким образом, должно было быть либо невероятно ценным, либо невероятно опасным.

Нолан проследовал через разбитые двери, и вскоре капитан сделал беспомощный жест. Вот оно, открытие. Оно больше походило на старомодный телескоп. У него был латунный ствол, очень надёжно установленный, и микро-микро-регулировка позволяла наводить его с почти бесконечной точностью. "Инструмент" был запечатан в абсолютно герметичную камеру и не заржавел.

У "инструмента" был окуляр, расположенный в невероятном месте, и спусковой крючок, который не был похож на орудийный, но вряд ли мог иметь другое назначение. Иллюминатора, через который "инструмент" мог стрелять, не было. Отсек, в котором он был запечатан, находился глубоко под землёй.

Нолан с тревогой сказал:

- Это, конечно, оружие.

- Конечно! - сказал капитан, вытирая лоб. - Я... я думаю, нам стоит забрать его домой. Эта штука

может иметь значение для Альянса. Но мы не знаем, что он делает!

Нолан обошёл "инструмент". Он увидел, что его можно направить практически в любом направлении. Но не совсем. Было направление, в котором "инструмент" повернуться не мог.

Нолан спросил:

- Что там?

Капитан вздрогнул и сказал потрясённым голосом:

- Оттуда запускались ракеты, и там же хранятся остальные.

Нолан уставился на эту штуку. Она выглядела ненавистной. От неё исходило дикое, застывшее рычание.

- Энергоблок?

Капитан кивнул. Он снова вытер лицо.

- Рядом. Мы решили, что они хотели защитить остальную часть базы от радиоактивности.

Нолан осторожно произнёс:

- Возможно, они, наоборот, хотели защитить радиоактивность от чего-то на базе? Может, здесь есть что-то, воздействующее на радиоактивность? Люди не могут изменить скорость деления атомов, кроме как накопив критическую массу. Но, возможно... возможно, монстры с пучеглазы-

ми глазами могли.

Капитан вспотел. В конечном счёте он тоже пришёл бы к такому выводу, но Нолан увидел это сразу.

Капитан вызвал корабельных инженеров. Они принесли рентгеновский аппарат для обнаружения дефектов металла и сделали снимки внутренностей корпуса "инструмента". Они отследили два отдельных, непонятных контура. Контуры были разными.

***

Наконец-то капитан кивнул, разрешая Нолану попробовать окуляр. Посмотреть, что он покажет под тяжёлым металлом, кучей земли и растительности. Они заклеили спусковой крючок, чтобы его нельзя было случайно повернуть. Регуляторы окуляра оставили открытыми.

Капитан чуть не покрылся потом, когда Нолан включил контур окуляра и стал всматриваться. Долгое время Нолан вообще ничего не видел. Затем в поле зрения медленно вплыл крошечный диск. Он был едва больше точки.

Нолан повернул один из регуляторов окуляра. Диск увеличился. В центре поля зрения появилась крошечная красная точка. По мере

увеличения диска красная точка становилась больше и превращалась в кружок. Нолан замешкался. Он изменил положение прибора с помощью микроконтроллера и переместил слабо светившийся диск в центр красного кружочка. Нолан еще больше увеличил изображение, диск стал очень большим, а красный кружок перестал увеличиваться и теперь занимал лишь часть светившегося диска.

Нолан почувствовал, как холод пробежал по спине. Он сглотнул и спросил у капитана, каково угловое соотношение Четвертой и Третьей планет. Капитан отправил кого-то выяснить это. Но Нолан нашёл Четвертую планету ещё до того, как пришёл ответ.

Первый диск был своего рода изображением Третьей планеты - мёртвого мира земного типа. Второй был изображением Четвертой планеты. Рядом с экватором Четверки виднелось яркое пятно - положение экватора можно было определить по небольшому сплющиванию диска. Это было примерно там, где всё ещё существовал гигантский кратер от атомной бомбы.

Нолан глубоко вздохнул.

- Похоже, - неуверенно проговорил он, - окуляр обнаруживает радиоактивные вещества,

преобразуя что-то, чего я не могу себе представить, в видимый свет. И еще я вижу красное кольцо, напоминающее оружейный прицел. И есть спусковой крючок. Капитан, не могли бы вы отправить в космос на дроне половину унции корабельного топлива? Думаю, нам придётся нажать на этот спусковой крючок.

Капитан заломил руки. Потоптался и ушёл. А Нолан стоял, уставившись в пустоту, потрясённый и испытывающий отвращение от пришедших ему в голову мыслей.

Вскоре капитан вернулся и сообщил, что дрон поднимается. Нолан поискал его в окуляр и довольно быстро нашел. Чувствительность окуляра была просто невероятной.

Дрон пролетел четыре тысячи миль. Нолан рассеянно попросил, чтобы кто-нибудь вышел наружу и понаблюдал за небом. Он заметил яркую искру - половину унции корабельного топлива в центре красного светящегося кольца. Он отвёл взгляд и нажал на курок.

Не было ни звука. Не было никакой вибрации. Только яркая вспышка в окуляре, по которой Нолан...

Он отступил.

***

Кто-то прибежал с криком о том, что в небе произошла невыносимо яркая вспышка. Через несколько мгновений с пульта управления сообщили, что дрон перестал существовать.

***

Посол Коминтерна слегка вздохнул, увидев выражение лица Координатора. Разговор с номинальным главой Альянса становился всё более обременительным. Координатор мрачно сказал:

- Кажется, я догадываюсь, что вы хотите сказать!

Посол вежливо ответил:

- Мне трудно... э-э... ходить вокруг да около. Могу я говорить прямо?

- Да, - сказал Координатор.

- Наша база на Луне, - сказал Посол с изысканной прямотой, - некоторое время назад сообщила о военных приготовлениях на Земле среди стран, входящих в Альянс. Эти приготовления не могут иметь иной цели, кроме внезапного нападения на нас. Поэтому мы сочли необходимым принять контрмеры. Теперь на нашей лунной базе есть не

только телескопы и подобное наблюдательное оборудование, но и достаточное ракетное вооружение. Теперь мы достаточно вооружены.

Координатор слегка побледнел, но не выглядел удивленным.

- И что?

- Должен сообщить вам, - сказал Посол, - что любые военные действия, направленные против любой страны Коминтерна будут встречены атомной бомбардировкой с Луны, а также... ах... нашими наземными военными силами. Это, конечно, не означает войну. Напротив, мы надеемся, что это положит конец возможности войны. Мы верим, что все причины напряжённости между нашими странами будут постепенно устранены, и наступит эпоха вечного мира и процветания.

Губы Координатора скривились в безрадостной улыбке.

- Военные действия против войск Коминтерна, - заметил он, - означают сопротивление вторжению, не так ли?

- Было бы разумнее, - осторожно произнёс Посол, - протестовать, чем сопротивляться. По крайней мере, мне так кажется.

Координатор Западного оборонного Альянса

сказал:

- Скажите мне конфиденциально, господин Посол. Сколько времени, по вашему мнению, пройдёт до... нет. Вы не ответите на этот вопрос. А! Как вы думаете, сколько времени пройдёт до того, как меня расстреляют?

Посол вежливо ответил:

- Затрудняюсь предположить.

***

"Лотос" отправился обратно на Землю с загадочным оружием, надёжно закреплённым в грузовом отсеке. Были предприняты все усилия, чтобы защитить его от ударов, сотрясений или повреждений при транспортировке на корабль. Нолан настоял, чтобы упоры, препятствовавшие нацеливанию оружия ниже горизонта или на радиоактивные вещества на базе, были отрегулированы так, чтобы его нельзя было нацелить на собственные двигатели или топливные хранилища "Лотоса".

Конечно, о ракетах можно было не беспокоиться. Однако даже эта предосторожность вызывала сомнения и беспокойство, особенно среди научного персонала. Было весьма вероятно, что, когда "Лотос" доложит о себе из космоса, Коминтерн

попросит разрешение осмотреть привезённые образцы. Просьба была бы выражена как научный интерес, но отказ был бы расценен как сокрытие зловещих замыслов.

На корабле были те, кто считал, что оружие следует разобрать и представить в нерабочем состоянии, чтобы избежать любой возможности унизительной ссоры с Коминтерном. Капитан рявкнул на них: единственный раз за всё время путешествия, когда он проявил гнев. Он повернулся к Нолану и сварливо спросил:

- Нолан, зачем ты хочешь, чтобы эта штука была установлена ??так, чтобы её можно было использовать в случае необходимости?

- Так её установили на Пятой планете. Если разобрать её на части, значит, её никогда больше не удастся собрать в рабочем состоянии.

- Это настоящая причина? - спросил капитан. - Это веская причина, но настоящая ли она?

- Нет, - признал Нолан.

Капитан кипел от злости.

- Мы можем вернуться домой, - раздраженно сказал он, - и обнаружить всё в том же положении, в котором оставили. Тогда мы хотя бы попытаемся обмануть коммунистов и доставить всё на берег, чтобы они не узнали, насколько это важно.

Мы можем вернуться домой и обнаружить, что началась война, и Земля мертва, как Третья планета там, вдали, только ещё не вся превратилась в пустыню. Тогда то, что мы привезем, не будет иметь значения. Или мы можем вернуться и обнаружить, что Коминтерн разгромил Альянс и только и делает, что хвастается тем, что удалось сделать в результате внезапной атаки.

Нолан чувствовал себя не лучше всех на "Лотосе". Нервозность была ужасной, когда экипаж "Лотоса" занимался своими делами. Но когда корабль направился домой, нервозность стала еще сильнее. Они не знали, что их ждёт дома. С учётом судьбы Третьей планеты, Фануэль Альфа, было слишком легко поверить в катастрофу.

- Есть одна вещь, - с болью в голосе сказал Нолан, - которая меня беспокоит. Я стараюсь мыслить, как высшее командование Коминтерна. Альянс - организация, действующая из лучших побуждений, и она, без сомнения, выиграла время. Но, помимо ракет Коминтерна, девяносто пять процентов атомных боеголовок на Земле находится в руках всего одной страны Альянса. И это - наша страна. Она несёт большую часть расходов на оборону Запада. Это самая богатая страна в мире. В ней практически нет бедности.

- Какое отношение бедность имеет к возможной войне? - спросил капитан.

- Прямое, - неловко ответил Нолан. - Коммунисты захватывают некую страну. Там есть богатые и бедные. Комиссары начинают унижать и уничтожать богатых. Бедные богатых ненавидят. Поэтому действия комиссаров могут оказаться достаточно популярны. Но если бы они попытались сделать то же самое в нашей стране...

- Это не сработает, - сказал капитан.

- Не сработает, - согласился Нолан. - Большинство наших людей считает себя хорошими, а остальные могут надеяться стать такими же. Поэтому комиссары должны попытаться управлять двумястами миллионов возмущенных подпольщиков. Они не смогли бы удержать такую ??страну, как наша. Они бы и не пытались!

Капитан моргнул.

- Если вы имеете в виду, что они оставят нашу страну в покое...

- Я не думаю, - сказал Нолан. - Они ее уничтожат. Им придётся. Они могли бы уничтожить ее сразу, лишив Запад большей части боевого потенциала и решимости. Хорошо спланированная атомная ракетная бомбардировка и немного удачи, и они без проблем захватят весь остальной мир. Думаю,

это для них практично. Думаю, они это сделают, если смогут.

Капитан поморщился. Затем сказал почти смущённо:

- Может быть, мы говорим чушь, Нолан. Может быть, у нас просто нервы не в порядке. Может быть, с тех пор, как мы улетели, всё стало лучше. Мы могли бы вернуться домой и обнаружить, что никто больше не думает о войне!

- Это, - сказал Нолан, - напугало бы меня до смерти. Вот тогда и настало бы время для внезапной атаки!

Он был пессимистом. Но ничто другое не казалось оправданным. Даже надеяться на ценность оружия Пятой планеты для Западного оборонительного Альянса было непросто. Альянс не сможет использовать его в превентивной войне. Их люди этого не допустят. Инициатива всегда останется за Коминтерном.

"Лотос" двигался к Земле. Он нес на борту более смертоносный инструмент войны, чем люди когда-либо могли себе представить. Но команда корабля нервничала всё сильнее. Война на Земле могла уже закончиться. Если бы это было так, Коминтерн выиграл бы её.

***

Координатор Альянса вручил Послу Коминтерна паспорт.

- Мне жаль, что вас отозвали, - тяжело сказал он, - потому что, кажется, я понимаю смысл этого.

- Меня вызывают домой только для совещания и получения инструкций, - вежливо ответил Посол. - Мне будет не хватать наших дружеских бесед. У нас были прекрасные личные отношения, хотя мы часто расходились во мнениях.

Координатор рассеянно переложил предметы на столе. Он вдруг спросил:

- Господин Посол, я вам когда-нибудь лгал?

Посол поднял брови и улыбнулся.

- Никогда! - любезно сказал он.

- Я был поражен! - Координатор сделал резкий вдох. - Не буду лгать, - резко сказал он. - Надеюсь, вы поверите мне, господин Посол, когда я расскажу вам один из наших самых тщательно охраняемых военных секретов.

Посол вежливо пожал плечами.

- Вы всегда меня удивляете, - мягко сказал он.

- Ваше Верховное командование, - мрачно сказал Координатор, - решило не пытаться захватить нашу страну. Это считается нецелесообразным.

Поэтому эту страну нужно уничтожить, чтобы сломить Альянсу хребет и сделать сопротивление где-либо ещё немыслимым.

Посол укоризненно заметил:

- Ах, вы начинаете верить собственной пропаганде!

- Нет, - сказал Координатор. - Я просто рассказал вам факты, которые вы, несомненно, уже знаете. Теперь я расскажу вам наш самый тщательно охраняемый военный секрет. Мы знаем, что не сможем с вами справиться. Мы знаем, что вы можете добиться успеха в сокрушительном неожиданном нападении. Мы знаем, что, если вы решитесь на войну, она будет направлена ??в первую очередь против нашей страны. Поэтому мы установили несколько особых атомных бомб там, где крайне маловероятно, что вы их найдете. Это "грязные" бомбы. Они предназначены для создания максимально возможного количества радиоактивной пыли и радиоактивных осадков. Механизмы взрыва установлены на детонацию. Каждый день в каждом месте, где установлена ??бомба, кто-то проходит и отводит механизм взрыва. В день, когда кто-то этого не сделает, бомбы непременно взорвутся. Мы подсчитали, что бомбы сделают атмосферу всей Земли смер-

тельно радиоактивной. Они повысят уровень радиоактивности на Земле до такой степени, что ничто не сможет выжить: ни растения, ни животные, ни рыбы ни в одном море. Это произойдет только в том случае, если наша страна будет уничтожена. Конечно, мы будем сражаться, если на нас нападут, но ваши шансы на существенный успех неплохи. Однако, если вы добьётесь успеха, Земля погибнет. Могу добавить, что и народы стран-членов Альянса тоже погибнут, до последнего человека.

Посол вскочил на ноги.

- Но вы не могли этого сделать! - возразил он, побелев от злости. - Не можете!

Координатор пожал плечами и покачал головой.

- Я вам раньше не лгал, господин Посол. Я вам и сейчас не лгу.

Затем он официально произнёс:

- Надеюсь, у вас будет приятное путешествие домой.

***

"Лотос" вышел из подпространства всего в шести световых секундах от Земли. Примерно в миллионе миль; на четырёхкратном расстоянии

от Луны. Нолан осмотрел залитый солнцем лик планеты и твёрдо сказал:

- Пока ничего не произошло.

Наступило почти мучительное облегчение. Только капитан, казалось, не успокоился. Он прошёл в рубку управления и достал карту-шифратор, которая совпадала только с одной другой картой-шифратором в мире. Он вставил её в коммуникатор. Связь с Землёй через карту-шифратор была нарушением. Она могла вызвать протест со стороны Коминтерна. Коммунисты настаивали бы на том, что "Лотос" не должен сообщать никаких секретных данных, поскольку всё секретное может оказаться враждебно Коминтерну.

Капитан официально доложил о прибытии, а затем настоял на докладе по секретному каналу.

Он всё-таки закончил, несмотря на возбуждённый протест с Земли. Затем наступила тишина. Он вытер лоб.

- Нолан, лучше спустись к окуляру. Коммунисты могут что-нибудь послать, чтобы нас уничтожить. Я достану детекторы. Будь готов! Ты уверен, что справишься?

- Немного поздновато поднимать этот вопрос, - сказал Нолан. - Но, думаю, я справлюсь.

Он спустился в трюм и включил окуляр. Он

увидел отчётливый светящийся диск, который был Землёй в совершенно невероятном поле зрения невозможного прибора. Он увидел точки чрезвычайно яркого света. Очевидно было, что вовсе не размер радиоактивного объекта определял яркость сигнала для оружия с Пятой планеты системы Фануэль Альфа. Что-то другое управляло яркостью.

Нолан видел множество точек света. Узоры точек обозначали шахты с гигантскими атомными ракетами Запада. Он мог отличить их от гораздо более концентрированных огневых точек стран Коминтерна.

В океанах ярких точек было мало или не было совсем. Было лишь ограниченное количество океанских судов с атомными двигателями. Нолан мог достаточно хорошо определить, где находятся западные скопления радиоактивных веществ для оборонных целей, а где - склады Коминтерновских боеголовок.

У него пересохло в горле, когда он осознал, какая сила у него в руках. Ни он, ни кто-либо другой не мог заставить расти даже травинку, но он мог превратить Третью планету от Солнца в пустыню, подобную Третьей планете другого солнца, далеко-далеко.

Капитан вошел в трюм и запер за собой дверь.

- Я добрался до Координатора, - сказал он дрожащим голосом. - Я создал достаточно проблем, сообщая данные по шифратору. Он поговорил со мной. Я показал ему фотографии. Он передаёт коммунистам большую часть того, что я доложил. Если они захотят, то могут попытаться нас уничтожить. Если они попытаются и не преуспеют, мы сможем решить, что делать дальше.

***

Пост премьер-министра Коминтерна в некотором смысле был эквивалентом должности Координатора Западного оборонительного Альянса. Но люди, занимавшие эти два поста, были совершенно разными, и объём их полномочий существенно различался.

Премьер-министр зачитал высокопоставленным чиновникам только что пришедшее послание от Координатора и лучезарно улыбнулся им.

- У вас есть новости, - с юмором сказал он. - Координатор Альянса сначала пригрозил сделать весь воздух Земли радиоактивным, если мы нападём на... э-э... ведущую страну Альянса и уничтожим ее. Он, очевидно, решил, что эта угроза недо-

статочно сильна. Поэтому он уверяет нас, что западный исследовательский звездолет вернулся из полета с грузом артефактов нечеловеческой цивилизации. Среди артефактов есть то, что он называет абсолютным оружием. Он говорит, что капитан звездолета утверждает, будто может положить конец напряжённости между Альянсом и нами - покончив с нами!

Премьер усмехнулся.

- Он предлагает нам проверить заявление капитана, попытавшись взорвать прибывший звездолет, координаты которого он нам предоставил. Думаю, он совершил довольно существенную ошибку в суждениях.

Глаза Премьера блеснули, когда он переводил взгляд с одного на другого из высокопоставленных чиновников.

- Мы приняли предложение, - сказал Премьер. - Конечно! Генерал?

Он посмотрел на высокого генерала с двумя серебряными ракетами на лацканах. Генерал гордо ответил:

- Да, Ваше превосходительство! Наш космический радар обнаружил объект в указанном местоположении. Мы выпустили по нему шесть ракет с атомными боеголовками. Мы использовали

ракеты-носители спутников для максимального ускорения. Они уже в пути. Конечно, их можно разоружить или уничтожить, а также маневрировать, чтобы перехватить этот разведывательный корабль, если он попытается скрыться. Ракеты достигнут цели чуть меньше, чем через три часа.

Премьер кивнул.

- Раз мы приняли их предложение, западные специалисты, естественно, пришли к выводу, что нас это беспокоит. Что мы подождём и посмотрим, на что способны наши ракеты. Но наши учёные говорят, что предполагаемое оружие невозможно. Совершенно невозможно! Так что это всего лишь уловка... И мы не будем ждать. Мы можем опоздать к ужину, и нам это не понравится!

Высокие чины издали довольные звуки.

- Значит, мы сами положим конец этой комедии, - вежливо сказал Премьер.

- Контуры соединены? - задал он вопрос полковнику службы снабжения. Полковник кивнул и оцепенел от важности этого жеста.

- Тогда, - шутливо сказал Премьер, - мы уничтожим нашего врага.

Он проковылял через комнату и положил пухлый указательный палец на кнопку. Нажал её.

Даже здесь, глубоко под землёй, был слышен рев ракет, взлетавших на запад. По всем странам Коминтерна тщательно распределённые пусковые площадки получали сигналы и посылали в небо ревущих монстров.

***

Три ракеты Коминтерна достигли своих целей, и Нолан так и не простил себе этого. Ракеты были смертоносны и уничтожили три города. Но это было всё. Остальные ракеты взорвались преждевременно. Полсотни, пересекшие Северный полюс, взорвались за пределами атмосферы. Другие - над Атлантикой. Немало ракет превратилось во временные солнца над Тихим океаном.

Нолан наводил красный кружок своего прибора на движущиеся точки и нажимал на курок. Точки на мгновение вспыхивали, оставляя за собой светящиеся пятна. И всё.

Но ракеты продолжали подниматься. На Земле они издавали драконьи звуки. На стартовых позициях царила паника. Первые ракеты не достигли своих целей! Поэтому со стартовых площадок Коминтерна уходили в небо всё новые и новые ракеты. Одна из них достигла города на Западе. Вторая. Третья...

Единственным возможным решением было: взрывать ракеты на подъёме. Задача Нолана стала крайне сложной, однако необходимой: не допустить распространения радиоактивных веществ с территории Коминтерна в страны, входящие в Альянс. Он не думал о последствиях своих действий, разве что о предотвращении появления слишком ярких точек света. Он избегал областей, где было гораздо меньше подобных точек, некоторые из них вообще не двигались. Он пытался остановить только те, что двигались. Но три прошли мимо него, и ему ничего не осталось, как взорвать все радиоактивные вещества на территории Коминтерна. Он должен был это сделать!

Массивные боеголовки двигались к Земле с Луны. Казалось, они практически разрывали пространство, когда взрывались одновременно. Затем лунная база начала истерично стрелять ракетами по "Лотосу", и необходимо было взорвать радиоактивные вещества на лунной базе.

Предполагалось, что атомная война может закончиться через три часа. Но пророчества обычно недооценивают. Между первым и последним взрывами на Земле, в космосе и на Луне - на месте базы Коминтерна, где образовался поистине

гигантский кратер, - прошло около тридцати семи минут.

Затем война закончилась.

Конечно, на территории Коминтерна остались выжившие. Но они не смогли мстить за уничтожение своих народов. Они даже не могли злорадствовать, что остальная Земля разделила их катастрофу. Этого не случилось. Большинство бомб взорвалось высоко, над океаном. Не менее трёх пятых всех радиоактивных осадков попало в море и затонуло. Что касается остальных взрывов, то фоновый уровень радиоактивности на Земле нигде не превысил 4,9, и люди могли от него защититься.

"Лотос" осторожно спустился на Землю. Его экипаж доложил о прибытии, и люди разъехались по разным местам, которые они называли домом. Они были очень рады вернуться. Со временем их всех наградили, стали восхищаться ими и сказали, что их имена будут жить вечно.

Нолан покинул Разведывательное управление и переехал жить в маленький городок. Он женился на девушке из этого городка и никогда, никогда, никогда не совершал ни одной из экскурсий, на которые так много жителей Альянса отправлялись, чтобы увидеть результаты взры-

вов на территории Коминтерна, когда попытка уничтожить одну из западных стран обернулась против них.

Нолан стал причиной этих последствий. Он страстно не желал видеть эти последствия. Он насмотрелся на подобные вещи на Третьей планете, в нескольких световых веках от Земли.

ЭССЕ

Дмитрий СТРОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ

Не знаю, почему мне захотелось создать цикл коротких эссе о мировой литературе. Точнее о том, как я понимаю разные произведения прошлого и настоящего. Дело это, по правде говоря, малопочтенное. В этом случае с неизбежностью возникает вопрос: почему автор решил заговорить об одних произведениях, а не о других? Отвечу просто: эти произведения нравятся ему. В них нельзя не узреть самый что ни на есть современный смысл.

Итак, с чего начнем? Пожалуй, с романа И. А. Тургенева "Отцы и дети" - очень актуального для нашего времени. Попробую объясниться.

А СУДЬИ КТО?

Главным героем "Отцов и детей", если вы помните, является Евгений Базаров. Молодой человек недурной наружности, студент, весь погруженный в химию и отрицающий значимость каких бы то ни было искусств. Он их считает попросту лишними для повседневной жизни.

Лягушки, которых он режет на хирургическом столе, ему много важнее любой сонаты или поэмы. И по этому поводу в разговорах Базаров не испытывает никакой неловкости.

Ему противостоит Павел Петрович Кирсанов, дворянин, с детства обладавший "замечательное красотой" и считавший Базарова человеком недалёким и приземленным. Вокруг споров этих двух героев и разворачивается основной конфликт романа. А на чьей стороне сам Тургенев, спрашиваю я себя?

Однозначно и не скажешь. Разумом, по-моему, он понимает: будущее за Базаровыми, в душе же ему много милее Кирсановы - не очень, возможно, далёкие, но куда менее прагматичные. На протяжении всего повествования Тургенев словно плетёт кружево отмеченного конфликта, нанизывая на него все новые детали. В конце романа Базаров погибает. Он наносит на руку случайный порез во время проведения очередного опыта. Всё это выглядит нелепо и горько. Не о деталях, впрочем, речь. Ловлю себя на том, как менялось моё отношение к спору между Базаровым и Кирсановым.

В школе, где мы проходили этот роман, мне очень хотелось быть похожим на Базарова,

который, как казалось тогда, мыслил чётко, конкретно и современно. В отличие от вечно брюзжавшего неврастеника Кирсанова. А вот сегодня моя оценка претерпела существенные изменения. Базаров - неисправимый материалист. Для него вообще не существует бога, души, фантазии. А мне, признаюсь, такой мир кажется скучным и малопривлекательным. В нем нет или, по крайней мере, крайне мало человечности, сопричастности с судьбами других людей.

Мне кажется, жизнь станет неимоверно пресной и даже унылой, если встать на защиту такого мира. Она и оказывается сегодня именно такой. Огромное число людей во всем мире хотят одного - денег и материальных благ, которые и становятся часто мерилом успеха. Они, эти люди, чётко знают, как выживать в современной реальности, и это им кажется самой привлекательной ценностью. Я в изобилии встречал таких людей, и всякий раз после начала общения с ними мне становилось нестерпимо тоскливо и уныло. И становится до сих пор. Именно поэтому я не очень вписываюсь в такой мир. Построенный зачастую на понимании того, как надо жить, но не дающего ответ на вопрос, зачем.

Это уже слова другого литературного героя

- Ильи Ильича Обломова из романа Гончарова. Интересно, почему Базаровых в наше время в изобилии, а Кирсановы стали столь редкими? Много причин, наверное. Сама современная жизнь часто становится исключительно ареной выживания, на которой мало места для лирики. И уровень человеческой эмпатии в этих условиях сводится часто к нулю. Не хотел бы обобщать, но он точно становится в дефиците. Многим людям не хочется тратить на это свое время. Наверное, так жить спокойнее. С базаровскими мыслями вообще существовать комфортнее, чем с мыслями Павла Кирсанова. Надо меньше напрягаться, соучаствовать в жизни других людей, можно даже не любить никого - и вот вам куда более спокойная жизнь.

Так, повторюсь, бытуют сегодня многие. Эта жизнь, как отчётливо вижу, не противоречит жизням миллионов людей и. тем более. не противоречит мыслям и чувствам современных политиков. А я не могу её разделить и в их сознании отстал от современной жизни. Тургенев своим романом не даёт нам ответа, как надобно жить и чувствовать. В отличие от современной жизни. Но именно своей недосказанностью "Отцы и дети" неимоверно дороги мне. Мне кажется,

Тургенев, понимая важность прогресса, подобно его герою Павлу Кирсанову, не очень доверял ему.

И я, вслед за классиком, не очень доверяю современному прогрессу. При всех достоинствах он - пока, во всяком случае, - не сделал человека лучше, честнее, духовнее. Думаю, что смысл полноценной жизни и состоит в этом. И мне важен именно такой человек - неравнодушный, наполненный всё той же эмпатией. А с другими людьми мне скучно.

"ИОНЫЧ" - НАВСЕГДА

О Чехове можно рассказывать бесконечно. Он для меня интеллектуал и интеллигент в одном лице. Если кто подзабыл, то интеллигентность изначально определялась не наличием у человека ума или творческой изобретательности, но присутствием у него человеческого сострадания, которое переносится на окружающих.

Именно так характеризовал интеллигента ныне забытый дореволюционный писатель Пётр Боборыкин Чехов был именно таким - способным соучаствовать с судьбами других людей. Он создавал библиотеки. строил школы, врачевал, показывая на своем примере: можно жить не

по лжи, не во имя безудержного злата, а руководствуясь куда более гуманными идеями. Мне кажется, Чехов неимоверно страдал, осознавая, что окружающий мир не готов поддержать эти идеи. Именно поэтому большое число его произведений - и пьес, и повестей, и рассказов - строится вокруг одних и тех же вопросов: что главное для человека, и может ли он почувствовать себя счастливым, живя на грешной земле?

Ответить на эти вопросы стало, по-моему, сверхзадачей для Чехова. Удалось ли ему это сделать? Не уверен. В своём творчестве Чехов показывал по большей части либо людей грешных, либо несостоявшихся. А часто у него изначально неплохие люди становились грешниками, хотя и не всегда отдавая себе в этом отчёт.

Сдаётся мне, один из характерных примеров такого рода - врач Ионыч из одноименного чеховского рассказа. В молодости наполненный радужным желанием о спасении людей, с ходом времени превращающийся не просто в несносного по характеру человека, но и пренебрегающего своими прямыми медицинскими обязанностями. О помощи людям Ионыч уже не вспоминает, его мысли о другом. Он доволен тем, что владеет уже не просто двуколкой, а богатой рессорной

повозкой, запряжённой шестёркой лошадей. Сам он с годами неимоверно потолстел, страдает одышкой.

Дело, которому Ионыч призван вроде бы служить, с годами неимоверно обременяет его и неприятие к своим пациентам только возрастает. Вот, собственно, и весь рассказ, повествующий, если по сути, о жизни несостоявшегося земского врача второй половины XIX века. Мне кажется, значимость этого рассказа со временем только возросла. Он не о судьбе отдельного человека, но о том, что происходит с индивидом, предающим себя и свои изначальные чувства и посылы. Он о том, что предательство по отношению к своим идеалам вытравляет душу и делает саму жизнь совершенно бессмысленной.

Чеховский Ионыч - это привычный образ для сегодняшней жизни. И он заметен невооружённым глазом. Это режиссер Никита Михалков, актер Михаил Пореченков, гендиректор информагентства "Россия сегодня" Дмитрий Киселев. Это некогда российский реформатор Анатолий Чубайс и телеведущая Ксюша Собчак. Имя этим людям легион. Они есть в каждой стране. За их внешне правильными словами оказывается в конечном итоге одно желание - получить "бабки"

любым путем и полная уверенность в том, что последние не пахнут. Ради этого можно врать, и снова врать, лепя из себя "самых достойных", которые на самом деле далеки от этого.

Стать Ионычем в современном мире несложно, тем более, что этические вешки давным-давно сбиты, и нравственных мерил в современном публичном пространстве уже почти не осталось. Чехов своим "Ионычем" ставит эти вопросы более века назад. И, по правде говоря, не видит возможности изменить сложившуюся ситуацию. Однако уже тем, что эти вопросы звучат, Чехов кажется мне необычайно современным, вне строго очерченных временных рамок и территориальных границ. Его "Ионыч" для меня - самая что ни на есть настольная книга. Её я буду перечитывать ровно столько, сколько отведёт мне на это Всевышний.

ГЕРОИ ДАТСКОГО СКАЗОЧНИКА

Сказки - далеко не единственное, что сочинял датчанин Ганс-Христиан Андерсен. Из-под его пера выходили стихи и серьезная проза. Исследователи посчитали, что Андерсен "выдал на гора" в общей сложности 3342 произведения в самых разных жанрах, став одним из самых продук-

тивных о сочинителей XIX века. Однако именно сказки сделали Андерсена известным на весь мир. Знакомство с ним водили многие представители интеллектуальной элиты того времени. Композитор Ференц Лист, писатели Диккенс и Гюго... Бывая в Копенгагене для выступлений, подписания контрактов или просто так, они непременно хотели увидеться и с Андерсеном. А тот вел уединённый образ жизни и ни на что не сетовал. Сказки прошли через всю его жизнь. Если присмотреться к их содержанию, то быстро обнаруживается характерная деталь.

Едва ли не в каждой сказке присутствует хотя бы один трагический герой, и он непременно мужского пола. Можно вспомнить Гадкого утёнка, ставшего впоследствии красивым лебедем, или мальчика Кая, которого увезла с собой Снежная королева. Был и глуповатый, но по-своему несчастный правитель из сказки "Новое платье короля" или Принц из "Русалочки", так и не способный обрести своё счастье. А ещё был младший принц из сказки "Дикие лебеди", который до конца своих дней оставался с лебединым крылом вместо руки, и, конечно, Стойкий оловянный солдатик, которого несносный злой мальчишка кинул в огонь...

В общем, таких несчастливых персонажей в сказках Андерсена немереное число. Почему писателя так тянуло к этим героям? Мне кажется, ответ надо искать в биографии самого Андерсена, которую не назовёшь счастливой. У него никогда не было семьи. На заре своей жизни, после окончания школы, он познакомился с девушкой по имени Риборг Войт. Однако Андерсен был от природы столь застенчив, что это отпугнуло даже такую целомудренную особу, как Риборг. Характером Андерсен так и не изменился. Иногда он вроде собирался с силами и знакомился с молодыми женщинами. Но толку от этого оказывалось совсем немного. Он и прожил всю свою жизнь уединённо и аскетично. Издание книг приносили Андерсену неплохие гонорары, но у него не было никакого желания пускать эти деньги в дело. Андерсен не покупал акций, не занимался бизнесом. Все, что он умел, - это лишь писать, погружаясь в мир своих фантазий.

Если вчитаться в его сказки, то ни один из его героев не занимается накоплением богатства. Если они и присутствуют, то исключительно малоприметным фоном. Во всем этом - слепки с жизни самого Андерсена, которую он сам не очень-то лелеял. В его сказках ощущается недо-

сказанность. И андерсеновские герои в облике юношей и мужчин в чём-то напоминают его самого: внутренне неустроенные и не очень счастливые.

Сказки могли заканчиваться хорошо, но это мало отражалось на поведении персонажей. Уже после смерти Андерсена выяснилось, что все скопленные у него деньги он завещал Риборг Войт - той самой, с которой познакомился в юности. К тому времени она давным-давно была замужем, имея не только детей, но и внуков. Андерсен так и не признался ей вслух в своей любви, но всю жизнь пронёс её в сердце. Он остался прежним романтиком, несмотря на преклонный возраст. И герои его сказок тоже остаются романтиками, как бы тяжело не складывались обстоятельства вокруг них.

...Когда я перечитываю сегодня андерсеновские сказки, у меня подчас наворачиваются на глазах слезы. Наверное потому, что жизнь и истории Андерсена так зримо накладываются на нынешний мир. В его сказках живут сильные герои. И именно их так часто не хватает в повседневной реальности.

"ПЫШКА" КАК СЛЕПОК СОВРЕМЕННОГО МИРА

В родительской квартире полное собрание сочинений Ги де Мопассана всегда стояло на книжной полке сверху - так, чтобы я не мог с лёгкостью дотянуться до него. Позже мама признавалась, что она не хотела моей приобщенности к творчеству этого писателя. Боялась, что тот нанесёт непоправимый урон моему юношескому восприятию.

Речь в первую очередь шла о повести "Пышка", о чём тоже упомянула мама, когда я уже давно стал семейным человеком. С высоты сегодняшних лет всё это кажется нелепым. Что поделать: "развитой социализм" наложил отпечаток на все проявления повседневной жизни, в том числе и восприятие искусства.

Действие "Пышки" разворачивается во времена франко-прусской войны 1871 года. Во французском дилижансе едут представители обеспеченных слоёв общества, а вместе с ними полноватая проститутка по прозвищу Пышка (фр. boule de suif). Во время остановки на ночлег прусский офицер не разрешает дилижансу двигаться дальше - до тех пор, пока Пышка не отдастся ему.

Женщина сопротивляется из патриотических

соображений: ей противны пруссаки. Спутники же укоряют ее за упрямство. Даже монашки без устали повторяют, что действия Пышки будут угодны небу. Она уступает давлению попутчиков, и поездка вскоре продолжается.

Но тут и происходит развязка сюжета: окружающие Пышки отстраняются от неё, а потом даже смеются, когда та признаётся, что голодна. Пышка ощущает предательство по отношению к себе, а местный политик, наблюдая за всем этим, начинает преспокойно насвистывать "Марсельезу"...

Эта повесть стремительно выдвинула Мопассана в число самых известных писателей своего времени. Критики писали - не всегда, правда, с соучастием - что автор "Пышки" бросил вызов тогдашней французской аристократии, явственно упрекнув её в моральной продажности и беспринципности. Спустя полтора века многое изменилось. Вместе с тем, на мой взгляд, Мопассан подметил то, что в человеческой натуре осталось незыблемым. Независимо от того, о какой стране и социальной группе идёт речь. Мы по-прежнему остаёмся циничными по отношению к миру, выхватываем из него то, что выгодно на данный момент нам, готовы обелять себя при каждом удобном случае.

Человеческая природа осталась лживой, читаю я сегодня между строк повести Мопассана. Несмотря на технический прогресс, обозначившийся с тех времён, возросший уровень образования людей, качественно иную социализацию личности. Однако мы те же. Грешны во многих своих чувствах и деяниях и при этом не замечаем своей порочности. Не хотелось бы обобщать и морализировать по этому поводу. Однако именно наличием вселенской циничностью я расцениваю отсутствие "Пышки" в школьных программах по литературе. Её по-прежнему нет ни в российской школе, ни в американской, ни, тем более, в израильской. Нет под предлогом того, что дети якобы ещё не созрели к восприятию этой повести, и её появление в школьных учебниках может поколебать неустойчивые молодые души, вызвать в них нездоровый интерес к окружающему миру.

В пору своей журналистской работы в России я слышал об этом неоднократно. Думаю, что примерно так строит свои объяснения и вся педагогика. А по-моему, в этом проявляет себя всё та же лживость современного мира. Она была полтора века назад и остаётся сегодня. Неоперившиеся читатели - вопреки представлениям

школьных педагогов и психологов - давным-давно в курсе всего того, что происходит в "Пышке", а некоторые не понаслышке знают и самих Пышек. Честный разговор на эту тему, наоборот, мог бы оказаться по-настоящему спасительным для молодого поколения, которое только вступает в жизнь, и позволил бы хоть в малой степени снизить конфликтность "отцов" и "детей". Однако мир и сегодня, в эпоху Интернета и возросшей информированности всех обо всём предпочитает жить по прежним калькам. Так проще и удобнее.

ДОБРЫЙ ДОКТОР АЙБОЛИТ...

Есть книжки, которые поистине вечны. Несмотря на все вместе взятые мировые катаклизмы, смену культурных и социальных приоритетов, умирание одних стран и возникновение на их месте других. Эти книжки не всегда проходят в школе. Но именно их взрослые непременно читают своим детям и внукам. Так существовало вчера, так происходит сегодня и непременно будет через полвека. Потому что без эти книжек мир рискует если не рухнуть, то изрядно накрениться. Да-да!

Добрый доктор Айболит!

Он под деревом сидит.
Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица,
И жучок, и червячок,
И медведица!
Всех излечит, исцелит
Добрый доктор Айболит!
И пришла к Айболиту лиса:
"Ой, меня укусила оса!"
И пришёл к Айболиту барбос:
"Меня курица клюнула в нос!".

Ну, конечно, это "Доктор Айболит" - моя (и уверен не только) любимая книжка в стихах. Та самая, которая была завершена молодым Корнеем Чуковским ещё в 1924 году и спустя год увидела свет. И сразу стала популярной к удивлению многих писателей, критиков и педагогов. Эти образные и удивительно запоминающиеся стихи читала вся страна. Читала и декламировала наизусть - не только на детских утренниках, но и в более старшей по возрасту аудитории.

Доктор Айболит, как мы хорошо помним, лечит животных. Он живёт в лесу, а звери идут к нему за помощью, если им нездоровится. А

когда в Африке заболевают обезьянки, Айболит, не задумываясь, спешит туда, пересаживаясь с волков на дельфинов. И успевает вовремя, спасая от гибели не только шимпанзе и мартышек, но и всех представителей животного мира, кто уповает на него.

А попутно он сражается со злым разбойником Бармалеем и его подельниками, а спасённые звери и птицы ему в этом помогают. И, конечно, все они побеждают плохого Бармалея, как и надлежит хорошим героям. Вот такой он, незамысловатый сказочный сюжет. Однако детский он только на первый взгляд. В своем стихотворении Корней Чуковский проговаривает то очень важное, без чего не может по-настоящему состояться в жизни ни один человек - ни маленький, ни большой. В самой доступной форме наш любимый писатель размышляет, что такое добро, дружба, соучастие к ближнему, и почему зло не должно существовать на свете.

А через 12 лет после стихотворного произведения вышел ещё один "Доктор Айболит" Корнея Чуковского, но уже в прозе.

"Жил-был доктор, - начинается эта книга. - Он был добрый. Звали его Айболит. И была у него злая сестра, которую звали Варвара. Больше всего

на свете доктор любил зверей. В комнате у него жили зайцы. В шкафу у него жила белка. На диване жил колючий ёж. В сундуке жили белые мыши... Из всех своих зверей доктор Айболит любил больше всего утку Кику, собаку Авву, маленькую свинку Хрю-Хрю, попугая Карудо и сову Бумбу. Очень сердилась на доктора его злая Варвара за то, что у него в комнате столько зверей.

- Прогони их сию же минуту! - кричала она. - Они только комнаты пачкают. Не желаю жить с этими скверными тварями!

- Нет, Варвара, они не скверные! - говорил доктор. - Я очень рад, что они живут у меня".

Не знаю, какой Айболит получился лучше - в стихах или прозе. Мне нравятся оба. Вместе с тем в прозе образ доктора проявляет себя более выпукло и объемно. Одновременно он даёт возможность задуматься о том, что формально не вошло в повесть. Например, о том, откуда вообще взялся этот Айболит. Одним из прообразов доктора стал вымышленный персонаж не очень ныне известного британского писателя Хью Лофтинга - Дулиттл. Он, как потом и советский Айболит, лечил разных животных и даже умел разговаривать на их языке. А ещё Дулиттл, живший в Англии в начале XIX века, слыл большим путеше-

ственником и умудрился побывать на Северном полюсе. Помимо всего прочего, он водил дружбу с попугаем по имени Полинезия, поросёнком Габ-Габом, собакой Джипом, уткой Даб-Дабой, обезьянкой Чи-Чи, совой Ту-Ту и Тянитолкаем, напоминавшем лошадь с двумя головами, которая умело бегала как вперёд, так и назад.

Во всем этом нельзя не усмотреть прямые аналогии с сюжетом Корнея Чуковского. Он творчески обработал его, как это нередко бывает в "большой" литературе, и тем самым расширил "айболитную" аудиторию.

Однако стоит упомянуть и другой прообраз всё того же Айболита, куда более приближенный к нам. Им стал врач Цемах Иоселевич Шабад, которого все русскоязычные пациенты называли попросту Тимофеем Осиповичем. А тот никогда на это не обижался. Наоборот, ко всем проявлял внимание и терпение. Лечил и людей, и животных вплоть до своей смерти в 1935 году. С 1894 года доктор Шабад жил в Вильно. Возглавлял одну из местных больниц и даже создал отделение "Общества охранения здоровья еврейского населения". А ещё за участие в антиправительственных выступлениях доктор Шабад в 1905 году был арестован, а затем выслан из страны.

Через два года, получив разрешение вернуться домой, Цемах Шабад стал активным участником еврейского общественного движения в Вильно, а в дальнейшем был даже избран в муниципалитет этого города и Польский сейм. Но главное его призвание осталось с этим человеком до конца его жизни.

Потрясающие жизнелюбие и человечность, которым можно поклониться. Если что и может спасти изнахраченный мир, то только эти качества души. Корней Чуковский признавался в своих дневниках, что Цемах Шабад был самым добрым человеком, которого он знал в своей жизни.

"Он лечил детей бедняков бесплатно. Придёт, бывало, к нему худенькая девочка, он говорит ей:

- Ты хочешь, чтобы я тебе выписал рецепт? Нет, тебе поможет молоко, приходи ко мне каждое утро, и ты получишь два стакана молока.

И по утрам к нему выстраивалась целая очередь. Дети не только сами приходили к нему, но и приносили больных животных".

Так писал Корней Чуковский, а в конце своих дневников замечал: "Вот я и подумал, как было бы чудно написать сказку про такого доброго док-

тора". Так и появились эти сказки - вначале одна в стихах, а потом вторая - в прозе. Обе они просто удивительны по содержанию. Добрые и чуткие к миру. Именно благодаря тем самым книгам Корнея Чуковского на одной из улочек Вильнюса впоследствии появился небольшой памятник доктор Шабаду - как он беседует с пришедшей к нему маленькой девочкой. А та нежно держит в руках своего пухлого и симпатичного котика.

Эта картинка с натуры - словно гимн человеколюбию того, кто негромко, но выразительно любил окружавший его мир.

Хорошая литература всегда идёт от жизни. А сама жизнь просто сполна иллюстрирует, что эта литература не ошибается. Просто потому, что она не может ошибаться. По-моему, так важно помнить о тех, кто олицетворяет такое гуманное творчество. И о писателях, и о героях их произведений. Чтобы самим соответствовать предназначению человека.

"СКАЖИ-КА, ДЯДЯ..."

С лермонтовской балладой "Бородино" (а именно под этим жанром отмеченное произведение вошло в историю литературы) я напрямую пересекся дважды.

В первый раз это случилось в пятом классе, когда учительница задала нам выучить это стихотворение наизусть. Насчёт всех своих корешей не скажу, а я тогда его выучил. И на следующий день даже продекламировал "Бородино" наизусть, получив "пятерку".

"Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром..."

Да, недаром, по-прежнему говорю я себе через много лет.

А во второй раз я вспоминал эту балладу уже на Бородинском поле. В 2012 году, к 200-летию Бородинской битвы, там состоялось грандиозное театрализованное действо.

В 1812 году, как мы помним из истории, в битве сошлись французская и русская армии. Перед первыми стояла задача очистить путь на Москву, у вторых - во что бы то ни стало защитить её. Победили первые, что бы потом ни писали учебники истории.

Воевали тогда целый день - с утра и до позднего вечера. Общие потери только убитыми составили в общей сложности почти сто тысяч человек - невероятно много для одного дня войны даже по современным меркам. Что уж говорить о начале

19 века!

А два столетия спустя на Бородинском поле в деталях разыграли ту же самую битву. И мне довелось быть там во время этого действа. Повторить его в точности, разумеется, не могли - потребовалось бы поистине гигантское число статистов. Но представление всё равно было что надо! Тогда в Россию приехали любители-реконструкторы из двух десятков европейских стран, а для пущей убедительности выписали даже американского актёра, сыгравшего роль Наполеона.

Примечательно, что во время этого действа кое-кому были отведены роли убитых. Запомнилось, как некоторые просто-таки жизненно падали со своих лошадей - под дымовые завесы и разрывы пушечных ядер.

Так что баллада "Бородино", по-настоящему прославившая Лермонтова, - это частичка и моей жизни.

Несмотря на свой небольшой объём, сама баллада, увидевшая свет в 1837 году (к 25-летию памятного события), по-своему уникальна.

Во-первых, она безупречна с точки зрения стихосложения. Поэтический ритм выдержан идеально, рифма точна и временами даже изумительна, что лишь подтверждает талант

сочинителя. 23-летний М. Лермонтов поистине уникален в своей поэтике.

Во-вторых, в отличие от подавляющего числа стихотворений первой половины 19 века (да и много позже), эта баллада проблемна по содержанию. В ней нет "барабанного боя", в изобилии встречавшегося в тогдашней военной поэзии, но все время чувствуется горький привкус. Судьба народа невероятно тяжела, его представители один за другим безудержно гибнут в Бородинском побоище ("Тогда считать мы стали раны, товарищей считать"). Не до радости, словом. И Лермонтов не кривит душой, воссоздавая прошлое.

А ещё в балладе заметную роль играет автор. Он по-настоящему живой рассказчик, напоминающий народного заступника. И это создаёт внутреннюю гармонию между человеком и историей.

Вообще-то, прообразом рассказчика послужил не сам поэт, а Афанасий Столыпин - участник Отечественной войны 1812 года, младший брат лермонтовской бабушки. Его настроения переданы в балладе через водораздел, который обнаруживается в сознании старших и младших по возрасту участников Бородинской битвы.

Старшие стремятся в бой и искренне не понимают, почему молодые командиры медлят с этим:

"...Ворчали старики.
Что ж нам на зимние квартиры?
Не смеют разве командиры?.."

Молодые, видимо, осознают, что наполеоновская армия сильна, и бросаться в бой - значит, погубить все дело. Через этот конфликт "отцов" и "детей" мы словно осознаем, что молодые пообразованнее, дальновиднее. Это они потом станут декабристами, выйдут на Сенатскую площадь...

Впрочем, это я сейчас домысливаю за Лермонтова. Неблагодарный труд...

Зато известно точно, что главный рассказчик, по сюжету, не Лермонтов и даже не его родственник Столыпин, а старый артиллерист - человек из народа. Вначале он описывает события, предварившие само сражение: долгое отступление русской армии, обстоятельный выбор места предстоявшего сражения, подготовку перед боем, клятву верности и т. д. И уже потом начинается само сражение, когда "смешались в кучу кони, люди".

Венцом же повествования становится психологическое состояние русского воинства после

завершения боя. На первый план выходит непримиримый антагонизм двух культур - русской и французской (позже ту же мысль будет последовательно проводить Лев Толстой в "Войне и мире"). И первая одерживает верх и в формальном отношении, и в морально-этическом. Что тоже было честно, потому как враг есть враг, и других настроений по отношению к нему быть не может.

Нравилось ли самому Лермонтову сочинённое им "Бородино"? Точных свидетельств не найдено, дневников на сей счёт он не оставил. Думается, однако, что в целом поэт остался доволен своим творением, написанным, что называется, "в один присест". Иначе оно не получилось бы столь ярким и светлым. Сколь бы ни тяжелы испытания, а сильный духом человек всё равно неминуемо побеждает. И это тоже читается между строк баллады, остаётся в памяти.

По-моему, такая философия соответствовала и духу самого Лермонтова. Всё-таки он был смелым офицером, рубахой-парнем. Правда, мстительным и, к тому же, с плохим характером.

Вместе с тем, люди эмоциональные нередко хорошо чувствуют других людей. А Лермонтов-то уж точно реализовал запрос целого поколения, и

не одного - на историческую правду, на уважение к себе со стороны тех, кто не нюхал пороха.

И это ещё один штрих в понимание того, почему балладу "Бородино" активно читают по сей день. И я её люблю - за всё то, о чем написал выше.

БАЖОВ И ЕГО ГЕРОИ

Писатель Павел Бажов создавал сказы. Не сказки, а именно сказы. Под этим названием они вошли во все его книги и прочно ассоциируются с именем писателя. Каких-либо других, не бажовских, сказов в мировой литературе, кажется, не существует.

По мне, сказы это что-то непременно эпическое. Авторский монолог, выраженный в особой иносказательной форме. А ещё особая художественная интонация. Бажовскую ни с какой иной не спутаешь. Она поистине уникальна и, уверен, останется таковой на все времена.

"Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушкой где-то. День праздничный был, и жарко - страсть. Парун чистый. А оба в горе робили, на Гумешках то есть. Малахит-руду добывали, лазоревку тоже".

Это сказ "Медной горы Хозяйка", с которого ещё

в 1930-е годы пошла для Бажова всесоюзная слава. Тут что ни слово - всё в новинку. Парун, Гумешки, лазоревка... Я даже не знаю, могут ли их понять нынешние школьники. А иностранцы?

А вот как начинается ещё один бажовский сказ - один из самых известных - "Серебряное копытце":

"Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя. Семьи у Кокована не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей - не знают ли кого, а соседи и говорят:

- Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми её".

А потом, по ходу повествования, к Кокована с девочкой Даренкой и кошкой Муренкой прибегает волшебный и таинственный козёл, который в заснеженную зиму умудряется выбивать своим копытцем разные драгоценные камни. Как это у него получается, никому не ведомо. Но камни, между тем, появляются в большом изобилии. К счастью Даренки и неотделимой от нее Муренки.

Признаюсь: в годы моих детства и юности мне

не очень-то и нравились бажовские сказы. Резало буквально вёе: и сюжеты, изрядное число которых было попросту мрачным, и авторская манера повествования, и имена героев. Какие-то Таютки, Митьши, Даренки, Кирюхи и прочие, которые своим присутствием не вызывали соучастия к себе. А потом появлялись эта самая Хозяйка медной горы, сотворённая из камня, жутких размеров Змеиный полоз, безумные лебеди и прочая живность, которые совсем не добавляли у меня оптимизма и уверенности в завтрашнем дне.

И лишь с годами все эти персонажи стали наполняться каким-то особым притяжением - настолько нетривиальными применительно к всеобщему наследию мировой литературы они выглядели. Не оставалось ничего другого, как просто радоваться их бытованию и гордиться, что по улицам твоего родного города Свердловска ходил в своей незамысловатой кепке и с трубкой во рту подлинный классик советской эпической литературы Павел Петрович Бажов.

Примечательно и другое. Существовало словно два Бажова.

Один вплоть до своей смерти в 1950-м году сочинял совершенно оригинальные по своей языковой стилистике сказы. Они рождались из

его краеведческой работы. Как учитель, а потом и журналист местной газеты Бажов очень тяготел к местному фольклору, ещё с юности собирая и накапливая материал, который потом лёг в основу его сказов.

А второй Бажов выполнял куда более подённую работу. Став известным, бесконечно выступал перед школьниками в Свердловском дворце пионеров и в школах, непрерывно мотался в Москву как депутат Верховного Совета СССР, писал статьи во славу партии и правительства для различных газет и журналов. Партия же возвела Бажова на щит, ощущая, что может лихо состричь дивиденды на его имени. И стригла по полной! Тем более, что по политическим вопросам тот никогда критически не высказывался,

В последние годы жизни Бажов стал чем-то вроде монументальной иконы, которую власть безостановочно сажала "в красные углы" во время всех своих заседаний. Тот и сидел, всякий раз внимательно оглядывая зал, что замечаешь по многим фотографиям, сохранившимся по сей день.

Когда Бажов при этом работал - одному богу известно. Но новые сказы создавал исправно, доведя в конечном итоге их общее число, кажется,

до трехсот с лишним. А ещё он консультировал кинематографистов, мультипликаторов и композиторов, которые неустанно создавали по этим сказам свои произведения. Вот что значит нащупать в творчестве свою жилу и использовать её на полную катушку! Не все на такое способны.

Не знаю, правда, был ли Павел Петрович при этом сильно счастлив. Тем более, что многие сюжеты таких театральных постановок лишь отдаленно напоминали бажовские. Бралась беспроигрышная идея - а дальше хоть трава не расти (как, например, случилось при создании балета "Каменный цветок", сочиненного С. Прокофьевым уже после смерти писателя).

Впрочем, однажды Бажов точно был горд за свое дело - в 1943 году, при получении Сталинской премии. Он сразу откликнулся на это событие отдельным выступлением, которое тогда же опубликовала Свердловская областная газета "Уральский рабочий".

А ещё ему регулярно присылали в качестве авторских экземпляров его сказы, выходившие за границей на иностранных языках. Я видел полку с этими книгами - в бажовском музее, который находится в том же деревянном домике в Екатеринбурге, где когда-то жил Павел Петрович. Их

уже тогда, в пору моего детства, было немало, этих книг, которые должны были внушать Бажову хотя бы толику радости. Потому как далеко не всех переводят для зарубежных читателей. А сейчас, к слову, этих языков, на которых вышли "Малахитовая шкатулка", "Ермакова лебеди" и прочие бажовские сказы, уже около сотни.

Не знаю, как сегодня, а полвека назад подле той полки с книгами стояли почему-то бажовские валенки. Они были старые и потрёпанные и совсем не озонировали окрестный воздух. Мне тогда показалось всё это странным: неужто валенки нельзя было как-то почистить? Но потом подумалось, что, наверное, после этого валенки с неизбежностью потеряют всю свою прелесть. А так не оставалось никаких сомнений, что их носил сам Павел Петрович.

Когда в декабре 1950-го Бажов умер в Москве, его решили захоронить в Свердловске. Там, на старом Ивановском кладбище, что почти в центре города, и покоится Павел Петрович. А могилу украшает замечательный памятник. Бажов сидит на камне в характерной для него позе и рассказывает кому-то один из своих сказов. Памятник, конечно, монументальный, но при этом земной и человечный.

Бажов и впрямь оставил о себе по-настоящему добрую память. Супротив власти никогда не шёл, но никого и не закладывал (хотя мог бы по тем временам), многих молодых литераторов искренне поддерживал, своими званиями никогда не кичился. Народ к нему шёл толпами со всякими просьбами, и Бажов что мог - всегда делал.

По-моему, без всякой натяжки он отменный пример для подражания. И сказы его хорошие. Человечные, как и он сам. По нашим временам это не так уж мало, не правда ли?

Один из своих сказов Бажов назвал "Дорогое имячко". По-моему, это словосочетание подходит и к нему самому. Чем дольше живу - тем всё больше убеждаюсь.

ТАЛАНТ ИЗ СТОКГОЛЬМА И ЕЁ КАРЛСОН

До сих пор в памяти этот небольшой, но замечательный культурно-развлекательный центр, расположенный на стокгольмском острове Юргорден. Шведы называют его "музеем сказок".

...Вы садитесь в двухместное кресло, которое то движется по паркету, а то резко устремляется к потолку, совершая экскурсию по произведениям Астрид Линдгрен. А потом вы словно плывете по небу в окружении мерцающих звёзд, а внизу

раскрываются виды то небольших деревушек, а то каких-то сказочных замков. Ниже проплывают лёгкие пушистые облачка, и кажется, что весь мир у ваших ног.

Как же интересно это маленькое путешествие! И неважно, в каком возрасте вы пришли в музей. Шведы сделали эту экскурсию по-настоящему увлекательной. Просто потому, что знают, как использовать всяческие эффекты.

А они, бесспорно, усиливают интерес и к самой А. Линдгрен, подталкивая к тому, чтобы вы, наконец, взяли в руки одну из её книг.

Она написала свыше 60 детских романов и повестей. С юного возраста я помню Карлсона, маленькую и забавную девочку Пеппи Длинныйчулок, сыщика Калле Блумквиста. А многое из творческого наследия А. Линдгрен не знаю совсем. Просто потому, что на русский язык большая часть ее произведений никогда не переводилась.

Самый известные для нас персонажи "бабушки Астрид" - это, пожалуй, Карлсон и Малыш из ее трилогии. Впрочем, все три повести были написаны в 1940-1950-х годах, когда А. Линдгрен ещё не была никакой старушкой. Однако в моём детстве ей было уже под 70. Такой она и отпеча-

талась в моей памяти - с открытым взглядом и доброй, чуть ироничной улыбкой, спрятанной в её глазах.

А вы помните, как начинается первая из трёх повестей о Карлсоне?

"В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живёт самая обыкновенная шведская семья по фамилии Свантесон. Семья эта состоит из самого обыкновенного папы, самой обыкновенной мамы и трёх самых обыкновенных ребят - Боссе, Бетан и Малыша".

Уже на первых страницах повествования появляется и сам Карлсон - нелепый человечек неопределенного возраста, называющий себя "мужчиной в самом расцвете сил".

- А в каком возрасте бывает расцвет сил? - пытается уточнить у него Малыш.

- В любом, - отвечает Карлсон. - Решительно в любом.

Он, конечно, весьма странный мужичок, который носит только фамилию без имени. Большой любитель "дуракаваляния", торта со сливками и малинового варенья, ловко "низводяший" фрекен Бок и дядюшку Юлиуса, а также незадачливых воришек Рулле и Филле, рисовальщик "маленьких одиноких петухов" и постоянно мучимый

жаждой - настолько, что готов выпить всю воду из аквариума Малыша.

Фантазия Астрид Линдгрен была поистине безграничной. Благодаря ее недюжинному воображению и рождался этот "винегрет" приключений Карлсона. Одно его ноу-хау по части создания "привидения с мотором" чего стоит! Благодаря своему изобретению Карлсон так напугал жуликов, что они побросали всё, что хотели унести из семейной квартиры Малыша, и больше не совали в неё свои носы. Так-то вот!

Примечательно, однако, что на родине А. Линдгрен Карлсон отнюдь не считается "милым" персонажем. Шведы полагают, что он не мил и не добропорядочен, а самый что ни на есть несносный хулиган, которого вовсе не стоит рекламировать.

Сдается мне, что у этих скандинавов совсем худо с чувством юмора. Карлсон, конечно, не самый образцовый по поведению персонаж, но дурным и никчемным его тоже не назовешь. Он, вообще-то, умеет дружить, что по нынешним временам необыкновенно ценно. Во всяком случае часто вытаскивает Малыша из нелицеприятных ситуаций. В прямом смысле этого слова - когда тот, например, падает с крыши.

Правда, на крышу Малыша затащил никто иной, как тот же Карлсон. Однако он и не отказывается от своей "зоны ответственности": старается ободрить, если что, не улепетывает в кусты при первой опасности. И вообще, этот Карлсон сама непосредственность. С ним не соскучишься! Тем самым он вызывает симпатию миллионов детей в самых разных странах.

Жизнь кардинально изменилась за последние полвека. А Карлсон по-прежнему любим детворой и потому заполняет собой её мир, продолжая проказничать. И три повести о нем по-прежнему выходят миллионными тиражами. Вот что значит попадание писателем "в точку" детской психологии!

А если смотреть пристальнее, то трилогия Астрид Линдгрен учит тому, как любить человека, когда, кажется, этого делать совсем не стоит. Просто потому, что он сущее наказание. Но повествование о Карлсоне как бы говорит нам: надо продолжать любить, только тогда ты сам сможешь остаться человеком.

Книжки для маленьких пишет огромное число писателей. Но подлинного успеха удается добиваться лишь единицам. Писательница Астрид Линдгрен оказалась среди них. При этом она

никогда не кичилась своей известностью. Вела уединенный образ жизни, постоянно работала за письменным столом и собственноручно отвечала на письма маленьких читателей, приходившие огромным числом на ее имя со всего света.

Удивительная женщина, что тут скажешь...

БРАТЕЦ КРОЛИК И БРАТЕЦ ЛИС

Детские впечатления для каждого человека оказываются самыми яркими. Мы часто до конца жизни помним именно их.

Первой книжкой моего детства, прочитанной от корки до корки, стали "Сказки дядюшки Римуса" Джоэля Харриса. Забавные истории про Братца Кролика, Братца Лиса, Братца Медведя, Матушку Медоуз и других персонажей - это то, что я впитал в себя лет в шесть.

"Сказки дядюшки Римуса", изданные на русском языке в 1936 году (в переводе М. Гершензона) стояли когда-то на моей книжной полке. Они перекочевали туда из ещё довоенной маминой библиотеки. А мама всякий раз читала мне их перед сном. Разве такое можно забыть?..

Никакие фольклорные истории не трогали меня так, как "Сказки дядюшки Римуса". Ни сказки братьев Гримм, ни ещё более ранние сказки Шар-

ля Перро и написанные во второй половине 19 в. "лубочные сюжеты" А. Афанасьева. Конкурентом Джоэля Харриса в моем детском сознании воспринимался разве что Ганс-Христиан Андерсен, но последний был именно сказочником, рассказывающим изначально выдуманные сюжеты. А вот Харрис взял за основу своих сказок истории, пересказываемые представителями нескольких поколений американских рабов. Ему удалось сделать из этих придуманных историй что-то "а-ля документальное", пусть и облаченное в мастерски придуманную "обёртку".

Джоэль Харрис был журналистом из Атланты. Именно профессия повлияла на его интерес к американскому фольклору. Работая с 16 лет в газете The Countryman "мальчиком на посылках" (в 1860-е гг.), он бывал на южных плантациях, где впервые услышал в пересказе афроамериканцев разные истории про Братца Кролика...

Этот фольклор потом и перекочевал в сотню сказок, которым Дж. Харрис отдал в общей сложности лет тридцать. Сочинял, составлял из написанного разные сборники, публиковался...

Он вообще-то был талантливым малым, этот Дж. Харрис, и уже в 30-летнем возрасте стал редактором газеты. Потом другой... Хотя адми-

нистративная карьера Харриса шла в гору, она не умерила его творческую активность. Он беспрестанно писал: эссе о сельской жизни штата Джорджия, обзоры книг, каламбуры и юмористические заметки.

Всё это перепечатывалось другими газетами, что постепенно делало Харрисона всё более популярным - вначале на юге Америки, а потом уже и по всей стране.

"Сказки дядюшки Римуса" уже при жизни автора стали венцом его творчества. Их сюжеты предельно просты, как прост и доступен даже для детского возраста язык, которым они написаны. Он без изысков, но точен и образен, и это ровно то, чего ждёт от писателя детвора. На нее и рассчитывал Дж. Харрис.

Маленькие американцы читали эти сказки запоем. Мне кажется, самым главным для их бешеной популярности стало единение сюрреалистичных сюжетов и обыденной реальности. Замени имена персонажей на человеческие - и вот они, вполне житейские истории, которые могли случиться с вами, вашими соседями.

Так или иначе, сказки Дж. Харриса способны научить маленького человека основам бытия, взаимоотношениям с другими людьми. Одновре-

менно они строят "мостик" от детской психики к психике взрослой, создавая тем самым основу для сближения людей самых разных возрастов.

По-моему, это главное, что должны брать на себя детские книжки. При этом сказки Харриса по большому счёту нельзя отнести исключительно к американской жизни. Они раскрывают каноны поведения применительно к любому обществу (опять же, подобно андерсеновские сказкам).

А ещё эти сказки не создают идеальных образов. Братец Кролик - тот ещё козёл, способный вывести из себя кого угодно. Он жуткий хитрован, думающий, как бы при первом случае объегорить своего соседа Братца Лиса, и вообще подловатое создание.

Братец Лис постоянно страдает от иезуитства Братца Кролика, которое достает ему до печенок. Между тем он не так уж и плох при ближайшем рассмотрении, этот Братец Лис. Заботится о своей семье, промышляя о пропитании, благоустройстве своего домика. И на этом поприще бесконечно страдает от "хитрозадости" Братца Кролика. При соседстве с таким вахлаком с неизбежностью поедет "крыша" любого, вот она и едет у Братца Лиса. Иногда он даёт Брату Кролику "по ушам". Однако эти успехи исключительно

временны, и Братец Лис в конечном итоге всегда повержен. Несправедливость полнейшая!

Хорошо хотя бы то, что сам Братец Лис не замечает своего бесконечного позора. Во всяком случае, не признается в нем. Мучается только, бедолага.

Дж. Харрис мастерски изобразил все эти перепетии, сам того не ведая проторив дорогу для фантазий Р. Киплинга и... советской мультипликации. Волк из мультика "Ну, погоди!", неустанно бегающий за зайцем, - это интерпретация всё тех же сюжетов из "Сказок дядюшки Римуса". Забавно, не правда ли?

А мы просто радуемся, читая сказки Дж. Харриса. Что может быть важнее для маленького читателя! Да и для большого, наверное, тоже.

СТРАХИ И УЖАСЫ БРАТЬЕВ ГРИММ

Честно говоря, не припомню более мрачных писателей в истории мировой литературы, чем братья Якоб и Вильгельм Гримм (правильнее Гриммы, но это слово почему-то не прижилось).

Почти все их сказки - это концентрация ужаса, желчи, алчности и просто скверных человеческих характеров. Как, читая такие сказки, остаться психически здоровым, не очень понятно.

Говорят, что все ответы надо искать в биографиях авторов. Но их жизни были спокойны и даже умиротворенны. Так что это вряд ли поможет.

Родившись соответственно в 1785 и 1786 годах, братья Гримм прожили довольно долго по меркам своего времени и умерли, когда обоим было уже за семьдесят. Они оставили после себя множество сказок, которые вошли в бесчисленное число книг, выходивших и при их жизни, и после.

"Белоснежка", "Бременские музыканты", "Волк и семеро козлят"... Эти сказки не только переиздавались множество раз и в разных странах. По ним ставились многочисленные спектакли, создавались мюзиклы и фильмы. Братья Гримм без преувеличения вошли в число наиболее читаемых сказочников мира.

Вообще-то, они бы сильно удивились, узнав, что останутся в народной памяти исключительно создателями сказок.

По основному своему заделу братья Гримм были лингвистами, и их жизнь оказалась связанной с различными университетами Германии: Кассельским, Гетингенским и Берлинским. Оба выходили к студентам с лекциями о немецкой филологии, но, в основном, занимались

библиотекарской работой. При этом не просто перекладывали с места на место читательские формуляры и фиксировали количество поступаемых книг, но вели научные исследования.

В задачу Вильгельма и Якоба входило, в частности, изучение немецкого фольклора - старинных легенд, историй, баек и всего прочего. При этом братья Гримм не просто собирали духовное наследие германского (правильнее утверждать, прусского) прошлого, но переводили его на литературный язык. Это было, к слову, не так-то просто. В средние века немецкий язык претерпел серьёзную трансформацию, а тот, что бытовал в IX или X веках, выглядел в эту пору совершенно нечитаемым.

В конце концов братья Гримм поднакопили большущее число самых разных народных историй. А в 1818 году даже выпустили в Берлине первый двухтомник народного эпоса, назвав его "Немецкие легенды" (Deutsche Sagen). Сами легенды основывались на средневековых германских хрониках. Их дух был невероятно мрачен, и читать их было тяжко. А братья Гримм не просто читали, но штудировали их "с карандашом в руке".

Число легенд, переделанных на литературный

язык братьями Гримм, с каждым годом росло и в конечном итоге перевалило за три сотни.

В общем, нешуточную миссию взвалили на себя Якоб и Вильгельм. Оба работали как проклятые и после своей смерти унаследовали неофициальный титул отцов-основателей германской филологии.

Помимо работы с хрониками братья Гримм создавали первый словарь немецкого языка. Вильгельм умер, завершив работу над буквой D. Якоб, переживший своего брата на несколько лет, успел "обработать" буквы A, B, C и E. Он скончался за рабочим столом, разбирая слово "фрукт" (звучащий по-немецки как frucht).

После смерти братьев Гримм работу над созданием упомянутого словаря продолжили представители нескольких поколений германских языковедов. А завершилась работа - только вдумайтесь - в 1962 году, т. е. спустя сто с лишним лет после её начала. Представляете, сколь грандиозным оказался этот многотомный проект, инициированный когда-то братьями Гримм!

Так что они остались в общественной памяти не только как авторы своих знаменитых сказок. Но именно последние принесли им общественное признание, затмив собой всё остальное.

...Когда-то, в детстве, у меня была дома книга этих сказок, купленная родителями. Дорогая, в суперобложке, с яркими цветными иллюстрациями, изданная в ГДР на русском языке. Я не столько читал сами сказки, сколько рассматривал картинки. Они были в стиле Дюрера или Брейгеля-младшего, демонстрировавшие неприкрытые пороки людей. Пороки отображались на лицах всех без исключения сказочных героев. Жуткие оскалы, кривые усмешки, безраздельно оттопыренные уши, раздувшиеся ноздри. Бр-р-р!

Кому только в голову пришло печатать такие иллюстрации...

Именно они вкупе с совершенно мрачными текстами и способны создавать подавленность настроения при чтении этих сказок. Нельзя сказать, что сказки Андерсена и Шарля Перро вызывают исключительно чувство оптимизма. Нет, у этих писателей тоже есть мрачные сюжеты. Однако они куда меньше действуют на психику, чем сюжеты сказок братьев Гримм. Последние формируют подлинно мрачное и даже подавленное состояние духа.

Наверное, общая психологическая обстановка того времени, царившая в Германии, подвигала братьев Гримм на создание именно таких сюже-

тов. В самом деле: поголовная нищета, беспрерывная поножовщина, которая торжествовала в прусской обывательской среде, низкий уровень грамотности населения - все это способствовало именно такой подаче древнего фольклора.

Мне иногда кажется, что Вильгельм и Якоб сознательно нагнетали даже безобидные сюжеты, придавая им мистический характер. Авторы, судя по всему, хотели вписаться в тогдашнюю массовую психологию пруссаков.

Так что не сами сюжеты всему виной, но лингвистические формы их воссоздания, которые использовали братья Гримм.

Однако, может быть, поэтому мне до сих пор и помнятся сказки, собранные в той здоровенный книге. Детская память, как губка, впитывает в себя всё и вся, вот и моя оказалась такой же - совершенно некритичной к тому, что попадало на глаза. Имело ли смысл запоминать все эти ужасы и пороки человеческой натуры? Я по-прежнему задумываюсь об этом сегодня и... не нахожу ответа. Иногда мне кажется, что транслируемые братьями Гримм сюжеты потому так настойчиво проникали в подсознание, что были наполнены неприкрыто мрачным гротеском.

Нужен ли он в таком объёме? Не знаю, пусть

на сей счёт рассуждают профессиональные лингвисты. Однако упомянутый гротеск, подчас доведенный до абсурда, - это неотъемлемая черта упомянутых сказок, делающая их непохожими ни на какие сказки мира.

Вот, например, одна из самых известных: "Гензель и Гретель". По-моему, она отлично иллюстрирует то поистине абсурдное, что лавиной вываливается на читателя.

...Мачеха малышей Гензель и Гретель убеждает их родного отца в том, что от ребятни необходимо избавиться. Тот сознательно оставляет их в мрачном лесу. В первый раз дети всё-таки возвращаются домой, поскольку Гензель бросает на дорогу камешки, что помогает им потом отыскать обратный путь. А вот во второй раз мачеха не даёт ему это сделать. В результате брат с сестрёнкой теряются с лесу и набредают на дом старой ведьмы, которая питается исключительно... детьми. Гензель попадает в клетку, а Гретель, по требованию ведьмы, в течение месяца откармливает его, готовя на убой. В конце концов, Гретель восстаёт и на глазах у брата убивает злобную старушку. А после этого брат с сестрёнкой обчищают в отместку ведьмин дом (т. е. попросту воруют всё) и окончательно возвращаются к себе

(правда, как они везут старушечий скарб, авторы не сообщают). За время их отсутствия нерадивая и злобная мачеха умирает, тогда они, не задумываясь, забирают себе до кучи её украшения. А потом начинают жить и горя не знать.

И что вы скажете после такой сказки? Признаться, я бы десять раз задумался, чтобы пускать в народ все эти сюжеты и уж, тем более, пичкать ими детей. А братья Гримм, вероятно, считали, что это нормально. Пусть-де малышня привыкает к злобному миру в реальной жизни.

И таких неприкрыто жутких сказок в литературной коллекции братьев Гримм немеряно. Неужели их приятно кому-то читать? А сочинять?

Впрочем, с братьев Гримм какой спрос? Они лишь перекладывали на тогдашний немецкий язык все эти истории. И совсем не рассчитывали на то, что сочинённые ими сказки станут детским чтивом. Интересно, в таком случае, куда смотрела цензура, когда эти сказки начали выходить массовыми тиражами? И была ли она?

Впрочем, эти вопросы адресовать сегодня некому. И авторы сказок умерли бог знает когда, и цензоры, если они были, и издатели. А современные издатели мало задумываются о чем-то,

кроме прибыли. И уж точно не размышляют о том, нужны ли современному читателю эти сказочные истории.

Так что придется и дальше видеть в книжных магазинах разных стран сказки братьев Гримм. И осознавать, что мир велик, а понятия доброты и этики в нем очень разнятся.

КАК МАРК ТВЕН НА ЗЕМЛЮ ОБЕТОВАННУЮ ЕЗДИЛ

Можно спорить, вошёл ли Марк Твен в когорту первых мировых писателей, но литературное наследие этого автора точно позволяет дополнить наши представления об окружающем мире.

Если вы хотите лучше узнать европейскую историю, читайте его "Личные воспоминания о Жанне д'Арк", "Принц и нищий" или "Янки из Коннектикута при дворе короля Артура". В свою очередь, желающих в красках представить неспешную жизнь в провинциальной Америке XIX в. я бы адресовал к приключениям Тома Сойера и Гекльберри Финна. Вот уж где по-настоящему расцветает неспешный быт этой страны. А тем, кто охоч до Ближнего Востока, искренне советую обратиться к серии очерков Марка Твена "Простаки за границей".

"Простаки" уступают по популярности многим книгам писателя - из тех, что названы выше. Эти путевые очерки не изучают ни в школе, ни в университетах, на них не часто ссылаются и литературные критики. Почему - не знаю. Не то, чтобы это творение совсем потонуло в литературном тумане, но оно точно меньше на слуху, чем многое из того, что создано именитым писателем.

Жаль. Потому что "Простаки за границей" - по-настоящему интересное произведение. Даже не знаю, каким одним-единственным словом лучше характеризовать его. То ли это сборник журналистских опусов, то ли художественное произведение с большими кусками документалистики. А может, это ничто иное, как писательский дневник, в котором, как часто бывает, соединяются самые разные способы отображения реальности?

Впрочем, точная жанровая определенность в данном случае не так уж важна. Куда существеннее для нас само понимание того, что Марк Твен едва ли не первым из всех известных миру писателей побывал на Ближнем Востоке. Да-да, он стал первопроходцем здешних дорог, совершенно нехоженных до этого писательской братией. Вначале пересёк океан на корабле, а потом уже

сухопутным путём отправился в Сирию, Ливан, Египет и Израиль. Было это в 1867 году, когда в Эрец Исраэль почти никто не ездил. А вот Марк Твен решился на это.

Поездка длилась в общей сложности полгода. Вместе с 34-летним мало кому известным тогда Марком Твеном на пароходе находилась группа паломников из США. В его же задачу входила подготовка путевых очерков об этом путешествии. Что он и делал по мере сил, отправляя в различные американские газеты свои впечатления об увиденном.

Иногда они шли до редакций пару месяцев. Но даже ближневосточная почта в ту пору работала неплохо. Газеты исправно получали эти депеши.

Самих же писем набралось пятьдесят три. Уже самые первые понравилось и политическому истеблишменту Америки, и обывателям, что и сделало М. Твена по-настоящему популярным у себя на родине. Всё, написанное им тогда, народ активно обсуждал в тавернах и за семейными обедами, смакуя разные детали.

Через два года после возвращения домой, Марк Твен выпустил уже отдельную книгу этих опусов, назвав ее "Простаки за границей, или Путь новых паломников".

И опять его ждал большой успех. Выражаясь современным языком, эта книга в мгновение ока стала бестселлером. Наверное, потому что она была написана изумительным языком - эмоциональным, образным, полным юмора, а подчас и неприкрытого сарказма.

Американцы - могу судить из богатого опыта общения со многими из них - часто люди весёлые и ироничные. Так что стиль Марка Твена - тоже неприкрыто ироничный - пал на подготовленную почву.

Из всех стран мне много ближе описание М. Твеном израильской реальности. Просто потому, что она сегодня постоянно разворачивается перед моими глазами. И вот что очевидно: тогдашние писательские наблюдения совсем не утратили ныне своего смысла. Они, хотя и о не существующей, но вместе с тем... об очень современной жизни.

Вот как, например, представлен в книге Иерусалим: "...Буквально все улицы города предприимчивыми торгашами Востока превращены в огромный базар, где овощные и мясные лавки соседствуют с ювелирными магазинами, а запах жареного кофе из маленьких харчевен с лёгкостью проникает в бесчисленные сувенир-

ные бутики, где в невообразимом ассортименте представлены атрибуты всех религий, адепты которых посещают святыни этого великого города".

Мне очень симпатичен этот авторский стиль. В нем нет ни тени менторства и амбициозности, но присутствует то бытописательство, которое по прошествии времени становится особо ценным - как маленький документ своего времени.

А вот совсем забавное описание - по поводу всем известной Голгофы. Казалось бы, от автора в этот момент ожидаешь вселенской скорби. А в результате...

"Всей душой веришь, что именно здесь Спаситель расстался с жизнью... Когда стоишь там, где распяли Спасителя, приходится напрягать все силы, чтобы не забыть, что он не был распят в католической церкви. Надо поминутно напоминать себе, что это великое событие произошло под открытым небом, а не в освещённом одними свечами уголке под самым куполом огромного Храма..."

Метко и иронично, не правда ли? Ирония вроде бы скрыта, но она отчётливо заметна.

Кстати, в Иерусалим М. Твен прибыл не со всей группой, а только с маленькой её частью в во-

семь человек. Остальные не решились на такой маршрут. Добираться до цели пришлось аж из Бейрута и при этом верхом на лошадях - другого транспорта попросту не нашлось. Дороги же в то время - сами понимаете - были далеко не чета нынешним, а в некоторых местах их и не было вовсе. Сам же Марк Твен всё это время ехал верхом с высоко задранными коленями по причине чрезвычайно коротких лошадиных стремян.

Тем не менее, до места назначения добрались исправно. А перед этим путешественники побывали ещё на Галилейском море, в Назарете и Вифлееме. Глазели на всё происходящее и бесконечно удивлялись.

С неизбежностью возникает вопрос: зачем далёкий от религии Марк Твен отправился в Иерусалим, в подробностях описанный им потом? Из-за любопытства? Возможно. Но была, думается, и более весомая причина для такой нелёгкой и экзотической поездки.

Ещё за четыре года до этого, в 1863 году, в Иерусалиме был учрежден орден Пальмы и Раковины. Он стал первой масонской организацией, возникшей на Земле обетованной. Орден занимался приёмом и обустройством масонских паломников и базировался в отеле "Медитерениан".

Это здание в Старом Иерусалиме, к слову, сохранилось и по сей день. Всякий раз, когда по воле случая я прохожу мимо него, то вспоминаю, что именно здесь и останавливался Марк Твен.

Сам же писатель ещё за много лет до своего приезда в Иерусалим стал членом американской масонской ложи "Полярная Звезда", а спустя небольшое время даже получил звание мастера-масона. Примечательно при этом, что именно в год путешествия Марка Твена на Святую землю здешний орден Пальмы и Раковины получил из США щедрое пожертвование - 10 тысяч долларов (эта строчка сохранилась в его "приходской" книге по сей день). По тем временам это были огромные деньги, которые совсем непросто было переправить из-за границы на "дикий" Ближний Восток. Так что не исключено, что именно Марк Твен, а тогда ещё молодой журналист Сэмюэль Клеменс, стал как раз тем человеком, который привез в Иерусалим пожертвование американских масонов.

Вышедшие впоследствии отдельной книгой очерки "Простаки за границей" имели и другое любопытное продолжение.

Во-первых, "еврейская тема" не оставляла Марка Твена до конца жизни. Он даже написал

отдельное эссе "Относительно евреев" (1899), в котором задумался об их роли в тогдашнем мире. "Евреи, - писал М. Твен, - составляют не более процента человечества. Это наводит на мысль о почти невидимом комочке звездной пыли, затерявшемся в ярком свете Млечного Пути. О евреях, собственно, и слышно-то не должно быть, а о них слышно постоянно".

А во-вторых, писатель неожиданно для себя через многие годы после выхода своих "Простаков" породнился с евреями. Известный на то время американский пианист и композитор Осип Габрилович женился на его дочери Кларе. Когда она сообщила отцу, что собирается выйти замуж за Габриловича, М. Твен ответил так: "Прекрасно, но знай, что остаток жизни ты потратишь на то, чтобы научиться произносить его фамилию".

Мне кажется, та поездка на Землю обетованную, запечатленная в книге очерков Марка Твена, всё-таки перевернула его сознание. В упомянутом выше эссе "Относительно евреев" он писал:

"Я знаю, что евреи ни в одной стране не нарушают закон, и считаю, что с этим должны согласиться даже их враги... А причина ненависти к евреям, скорее, кроется в неспособности христиан успешно конкурировать с ними в де-

лах".

Оставлю сказанное без комментариев. Антисемиты могли бы наверняка возразить Марку Твену но зачем нам они - применительно к исследованию его творчества.

А ещё мне понравилось высказывание писателя - из того же эссе:

"Египтяне, вавилоняне, персы появлялись, наполняли планету шумом и великолепием, а затем исчезали; греки и римляне приходили вслед за ними с не меньшим шумом и тоже исчезали; так же было и с другими народами, которые ярко зажигали свой факел, но, когда он догорал, оставались в потемках или тоже исчезали. Еврей же всех их видел, всех пережил и остался тем, кем он был всегда, не проявив никаких признаков упадка, дряхлости, потери сил, ослабления жизненной энергии, расторопности и остроты ума. Всё в мире смертно, кроме еврея; всё исчезает, лишь он остаётся".

У меня после этого стало как-то светлее на душе. Хотя что я для еврейского народа... Так, песчинка, не более. Но ведь я тоже здесь, откуда пошла его культура и его душа.

Марк Твен не может считаться историком. Его вело вперёд исключительно творческое во-

ображение. Однако он сумел превратить свои наблюдения не просто в документальный, но и философский дневник.

Эта сторона его творческой деятельности почти не становилась предметом детального рассмотрения. Сочтите мои наблюдения за скромную попытку этого...

НАУКА
НА ПРОСТОРАХ ИНТЕРНЕТА

Шимон ДАВИДЕНКО
ОТ ИЛЛЮЗИЙ ДО ВСЕЛЕННОЙ

"Млечный Путь" продолжает публикацию самых интересных статей из Интернета: с научно-популярных порталов Medium и Life Sciences.

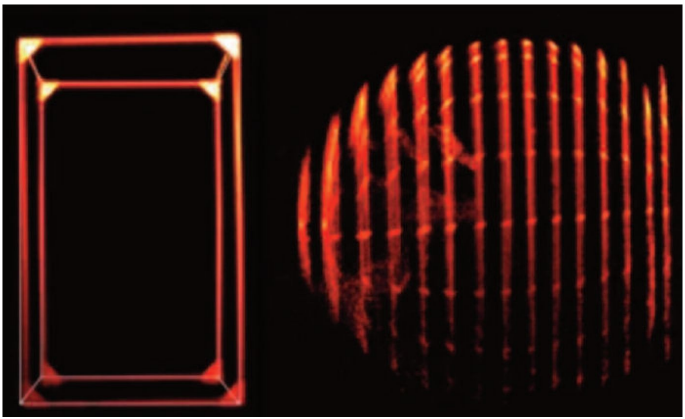
***

Физики запечатлели редкую иллюзию

Ларисса Г. КАПЕЛЛА

Физики впервые смоделировали, как будут выглядеть объекты, движущиеся со скоростью, близкой к скорости света, - оптическую иллюзию, называемую эффектом Террелла-Пенроуза.

Вот как это работает. Венская команда сшила вместе фрагменты света, чтобы создать моментальные снимки. В состоянии покоя (слева) куб выглядит нормально. Но при моделировании со скоростью, равной 99,9% скорости света (справа), сфера по-прежнему выглядит круглой, но видны части ее обратной стороны.



Используя сверхбыстрые лазерные импульсы и специальные камеры, ученые смоделировали оптическую иллюзию, которая, по-видимому, противоречит специальной теории относительности Эйнштейна. Одним из следствий специальной теории относительности является то, что быстро движущиеся объекты должны казаться укороченными в направлении движения - явление, известное как лоренцево сокращение.

Этот эффект был косвенно подтвержден в экспериментах на ускорителях частиц.

Однако в 1959 году математик Роджер Пенроуз и физик Джеймс Террелл отметили, что наблюдатель с камерой на самом деле не увидит сплющенный объект. Вместо этого, поскольку свету из разных частей объекта требуется разное время, чтобы достичь камеры, объект будет казаться повёрнутым.

Хотя предыдущие модели работали с этой иллюзией, теперь называемой эффектом Террелла-Пенроуза, это первый случай, когда это было реализовано в лабораторных условиях. Группа описала свои результаты в журнале Communications Physics.

"Больше всего мне нравится простота", - рассказал в интервью Live Science Доминик Хорноф, квантовый физик из Венского технического университета и первый автор исследования. "При правильной идее можно воссоздать релятивистские эффекты в небольшой лаборатории. Это показывает, что даже предсказания столетней давности можно воплотить в жизнь действительно интуитивно".

Воссоздание иллюзии

В новом исследовании физики использовали сверхбыстрые лазерные импульсы и стробируемые камеры для получения снимков куба и сферы, "движущихся" почти со скоростью света. Результаты показали снимки вращающихся объектов. Это доказало истинность эффекта Террелла-Пенроуза. Исследователи облучали свой тестовый объект сверхкороткими лазерными импульсами, а затем использовали генератор задержки, чтобы точно определить момент открытия затвора камеры (всего на миллиардные доли секунды). Эта камера фиксировала отдельные срезы света, отражающиеся от объекта. Они повторяли процесс, перемещая объект между снимками. Команда создала иллюзию объекта, движущегося со скоростью, близкой к скорости света.

Но, как и в любом исследовании, в этом были свои трудности. Перемещение любого объекта со скоростью света или близкой к ней в настоящее время невозможно.

"По мере приближения к скорости света необходимая энергия значительно возрастает", - сказал Хорноф. Мы не можем генерировать достаточно

энергии, чтобы разогнать что-то вроде куба, и "именно поэтому нам нужны огромные ускорители частиц, даже чтобы разогнать электроны до такой скорости. Это потребовало бы огромного количества энергии".

Поэтому команда прибегла к хитроумной замене.

"Мы можем имитировать визуальный эффект", - сказал Хорноф. Они взяли куб со стороной около 3 футов (1 метр). Затем они обстреляли объект сверхкороткими лазерными импульсами - каждый длительностью всего 300 пикосекунд, или примерно одной десятой миллиардной секунды. Они запечатлели отраженный свет камерой с затвором, которая открывалась только на мгновение и каждый раз создавала тонкий "срез". После каждого среза они перемещали куб вперед примерно на 1,9 дюйма (4,8 см). Именно такое расстояние он бы прошел, если бы двигался со скоростью 80% скорости света за время задержки между импульсами. Затем ученые объединили все эти срезы в снимок куба в движении.

"Когда вы объединяете все срезы, объект выглядит так, будто мчится невероятно быстро, хотя на самом деле он вообще не двигался", - сказал Хорноф. "В конечном счете, это просто геометрия".

Они повторили процесс со сферой, смещая ее на 2,4 дюйма (6 см) за шаг, чтобы имитировать 99,9% скорости света. После объединения срезов куб казался повернутым, а сфера выглядела так, будто можно было заглянуть за его грани.

"Вращение не имеет физического характера", - сказал Хорноф. "Это оптическая иллюзия. Геометрия одновременного распространения света обманывает наши глаза".

Вот почему эффект Террелла-Пенроуза не противоречит специальной теории относительности Эйнштейна. Быстро движущийся объект физически сокращается вдоль направления своего движения, но камера не фиксирует этого напрямую. Поскольку свету сзади требуется больше времени, чтобы дойти до объекта, чем свету спереди, снимок смещается таким образом, что объект кажется повёрнутым.

"Когда мы провели расчёты, мы были удивлены, насколько прекрасно сработала геометрия", - сказал Хорноф. "Было действительно захватывающе видеть это на снимках".

***

Математика сталагмитов

Скайлер УЭР

Ученые обнаружили, что все сталагмиты, растущие в пещерах, подчиняются математическому правилу, которое объясняет, как эти минеральные образования приобретают различные формы. Исследователи изучали сталагмиты в пещере Постойна в Словении.

Ученые разработали уравнения, демонстрирующие, как впечатляющие минеральные образования приобретают различные формы. Новые математические описания могут помочь ученым получать более точные данные о климатических условиях прошлого, отмечают исследователи.

"Оказывается, богатое разнообразие форм сталагмитов можно объяснить одним простым параметром", - заявил соавтор исследования Пётр Шимчак, физик из Варшавского университета. - Это редкий случай, когда красота, которую мы видим в природе, напрямую подчиняется чистому математическому закону".

Сталагмиты могут вырастать до сотен футов в высоту, образуясь на дне пещеры, и принимать самые разные формы - от острых узких конусов до широких холмов с плоской вершиной. Они образуются, когда богатая минералами вода капает с потолка пещеры примерно на одно и то же место в течение тысяч лет, где она постепенно откладывает кальцит, образуя башню, растущую из пола пещеры.

В новом исследовании Шимчак и его коллеги разработали набор математических уравнений, описывающих формирование всех этих форм. Они обнаружили, что форма, которую в конечном

итоге принимает сталагмит, определяется скоростью, с которой вода капает с потолка пещеры на сталагмит, и скоростью, с которой кальцит из этой воды остаётся. Эти значения можно выразить одним числом, называемым числом Дамкёлера.

Быстро стекающая с потолка пещеры вода, как правило, образует острые конусообразные сталагмиты, в то время как вода, стекающая медленнее в то же место, образует более толстые, похожие на колонны сталагмиты. Когда вода капает с большой высоты или не стекает точно в одно и то же место, могут образовываться широкие сталагмиты с плоскими вершинами.

Затем учёные подтвердили свои уравнения, сравнив ожидаемые формы сталагмитов в разных условиях с реальными сталагмитами, взятыми из пещеры Постойна в Словении.

"Когда мы сравнили наши аналитические решения с реальными образцами из пещеры, совпадение было поразительным", - заявил соавтор исследования Матей Липар, физико-географ из Исследовательского центра Словенской академии наук и искусств. "Это показывает, что даже в естественных, сложных условиях сохраняется базовая геометрия".

Учёные могут использовать эту геометрию для получения более точных данных о климате прошлого, пишут авторы исследования. Подобно годичным кольцам деревьев, сталагмиты растут слоями, записывая информацию об осадках и температуре с течением времени. Ученые используют соотношение различных форм, или изотопов углерода в каждом слое для извлечения этой информации. Форма сталагмитов влияет на то, как эти слои откладываются, что, в свою очередь, может повлиять на то, как ученые интерпретируют условия их роста.

"Сталагмиты - это естественные климатические архивы, но теперь мы видим, что их геометрия накладывает свой отпечаток на изотопные данные", - заявил соавтор исследования Энтони Лэдд, инженер-химик из Университета Флориды. - Выявление этого эффекта позволит нам получать более достоверную информацию о климате прошлого".

***

Таинственные огни на Луне?

Джейн ДИПО

Ночью 19 апреля 1787 года астроном Уильям Гершель заметил многочасовое свечение, столь же яркое, как туманность Ориона, исходящее от неосвещенной молодой Луны . Вероятно, он стал свидетелем "транзиентного лунного явления" - кратковременного изменения внешнего вида части лунной поверхности.

К теневым пятнам относятся осветляющие, красноватые или фиолетовые пятна и туманные точки. За последние два тысячелетия люди, вооружившись телескопами, камерами или просто обладая хорошим зрением, зафиксировали около 3000 таких пятен, сообщил Энтони Кук, преподаватель физики в Университете Аберистуита в Великобритании.

Но что вызывает эти странные вспышки на Луне? Хотя причиной появления может быть множество физических явлений, длительность конкретного явления, которая может варьироваться от миллисекунд до часов, может подсказать его причину, сообщили эксперты.

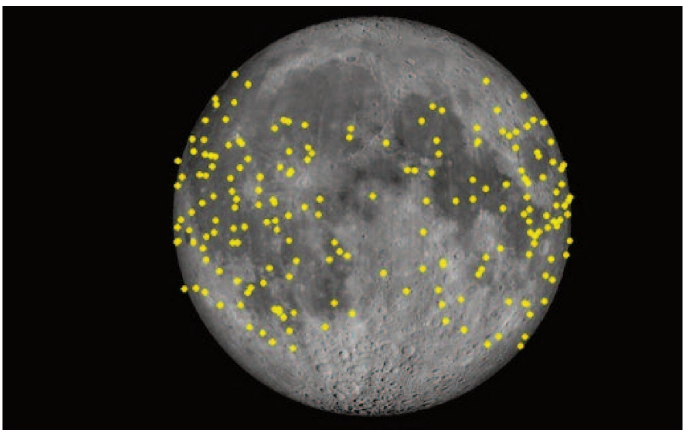
От миллисекунд до часов

Масахиса Янагисава, почётный профессор Университета электрокоммуникаций в Японии, сообщил, что сверхбыстрые мерцания, длящиеся менее минуты, вероятно, возникают из-за падений метеороидов . Метеороиды весом более 0,2 кг (0,44 фунта) - примерно как бильярдный шар - при ударе о лунную поверхность вызывают кратковременные вспышки света. Сами вспышки возникают из-за энергии ударов, которая нагревает камни на лунной поверхности, заставляя их светиться до тех пор, пока они не остынут.

Хотя долгое время предполагалось, что подобные лунные ударные вспышки являются мерцанием, учёные не могли однозначно идентифицировать их до 1990-х годов, когда для мониторинга Луны стали доступны высокоскоростные видеокамеры, сказал Янагисава. Однако даже тогда, добавил он, кратковременность вспышек означала, что нельзя исключать такие факторы, как электрические помехи внутри камер.

Таким образом, подтверждение вспышки требовало одновременных наблюдений из двух или более удалённых точек. Несмотря на эти ограничения, сказал Янагисава, "некоторые вспышки

были впервые подтверждены во время метеорного потока Леониды в ноябре 1999 года", что он задокументировал в исследовании 2002 года, опубликованном в журнале Icarus.

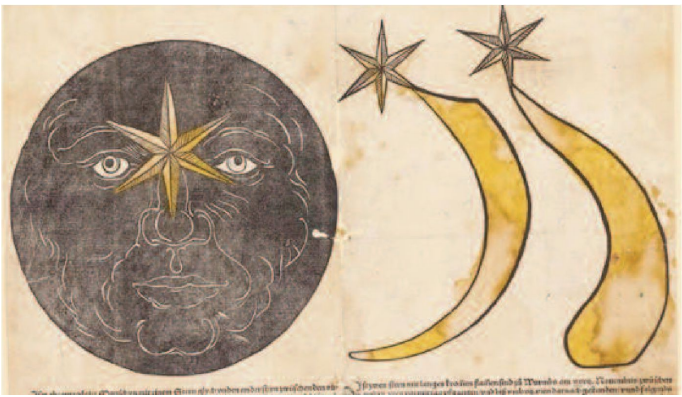


Карта всех лунных метеоритных вспышек, зарегистрированных за последние девять лет греческой программой NELIOTA. Программа была разработана для мониторинга падений метео-

ритов на Луну с целью защиты орбитальных спутников и будущих лунных баз.

С тех пор сотни новых LIF-вспышек были официально зарегистрированы в рамках таких проектов, как программа Европейского космического агентства по исследованию околоземных объектов на Луне и оптических транзиентов (NELIOTA). За девять лет NELIOTA зарегистрировала 193 вспышки, и их карта показывает, что вспышки происходят в определённых горячих точках, например, в Океане Бурь - лунном регионе, потенциально тектонически активном.

Однако руководитель проекта Алексиос Лиакос, научный сотрудник Национальной обсерватории Афин, заявил, что эта очевидная закономерность является следствием систематической ошибки наблюдения. Более того, исследование 2024 года, соавтором которого он был, показало, что Луна подвергается "практически равномерному падению метеороидов".



Кратковременные лунные явления интриговали людей, по крайней мере, со времён Средневековья. Это изображение яркого света между "глазами" "человека на луне", вероятно, изображает лунную вспышку, наблюдавшуюся в Вормсе (Германия) в ноябре 1540 года.

Напротив, лунное свечение, длящееся несколько минут, может быть вызвано радоновым газом, выделяющимся из недр Луны. Два исследования, опубликованные в 2008 и 2009 годах в журнале

"Astrophysical Journal", предполагают, что такое выделение газа происходит, когда накопленный под поверхностью Луны газ взрывообразно высвобождается под воздействием таких факторов, как "лунотрясения".

Радиоактивный радон при распаде генерирует свет, что делает его видимым с Земли. Кроме того, места, где наблюдалось продолжительное свечение, в значительной степени совпадают с областями с высокой концентрацией радона.

Но некоторые огни на Луне, подобные тем, что наблюдал Гершель, длятся часами. Согласно исследованию 2012 года, подобные наблюдения могут быть косвенно связаны с Луной. Исследование предполагает, что солнечный ветер - поток заряженных частиц, исходящих от Солнца, - ионизирует частицы лунной пыли, выбрасывая их в огромные облака высотой до 100 километров. Эти облака могут преломлять свет звёзд или других ярких объектов, появляющихся на небе вблизи Луны, якобы освещая её поверхность.

Однако некоторые исследователи, такие как Лиакос, оспаривают существование длительных вспышек.

"Единственные более продолжительные (и не очень продолжительные) события, которые я

наблюдал, - это пересечение лунного диска спутниками", - сказал Лиакос, добавив, что с 2017 года, наблюдая за ночной стороной Луны, он не видел ни одной длительной вспышки.

Тем не менее, если вы когда-нибудь увидите свет на Луне, обратите на это внимание. Это может быть иллюзия света, отражённого от спутника, но есть большая вероятность, что это лунная вспышка.

***

Возраст и время

Слава АМАНАТСКИ

Ученые, возможно, приблизились к пониманию того, почему время течет быстрее с возрастом, и сканирование мозга людей, смотревших старые сериалы Альфреда Хичкока, помогло им ответить на этот извечный вопрос. В исследовании, опубликованном в журнале Communications Biology, ученые использовали данные Кембриджского центра старения и нейронауки (Cam-CAN), долгосрочного исследовательского проекта по старению мозга. В общей сложности 577 человек ранее посмотрели отрывок из старого телесери-

ала "Альфред Хичкок представляет", а именно восемь минут эпизода под названием "Бац! Ты мертв".

Во время просмотра отрывка записывались результаты функциональной МРТ, которые позволят оценить, как мозговая активность участников менялась с течением времени. Этот конкретный отрывок был выбран, поскольку предыдущие исследования показали, что по сравнению с другими видеоклипами он вызывает наиболее синхронные паттерны активности мозга у самых разных зрителей. Это делает его идеальным для изучения того, как мозг разделяет и отслеживает разворачивающиеся события.

На момент сканирования мозга участникам было от 18 до 88 лет. Исследователи получили доступ к этим записям фМРТ и использовали так называемый метод "жадного поиска границ состояний" (GSBS) для их анализа. Как следует из названия, этот компьютерный алгоритм обнаруживает переходы между устойчивыми паттернами активности мозга. Он делает это "жадно", то есть распознаёт эти изменения момент за моментом, не принимая во внимание общую структуру повествования в более длительной временной шкале.

В течение восьмиминутного клипа мозг пожилых участников реже переходил в новые состояния активности, и эти состояния длились у них дольше, чем у молодых. Эта закономерность сохранялась во всем возрастном диапазоне от 18 до 88 лет.

"Это говорит о том, что более длительные [и, следовательно, меньшие] нейронные состояния в течение того же периода могут способствовать тому, что пожилые люди воспринимают время как текущее быстрее", - пишут исследователи в своем отчете. Это согласуется с представлением о времени, восходящим к Аристотелю: чем больше значимых событий происходит в определенный период времени, тем он субъективно кажется длиннее.

Новые результаты предполагают, что если мозг пожилых людей регистрирует меньше "событий" в определенный период времени, возможно, именно поэтому время кажется летящим незаметно.

Авторы связывают свои наблюдения, что у пожилых людей наблюдается меньше переходов между нейронными состояниями, с феноменом, известным как возрастная нейронная дедифференциация. В ходе этого процесса активность

различных областей мозга становится менее специфичной с возрастом. Например, у молодых людей группы нейронов в зонах, чувствительных к лицам, более избирательно реагируют на лица как на категорию, но у пожилых людей эти группы нейронов активируются чаще на объекты, не являющиеся лицами. Это обобщение - на уровне более широких групп нейронов, а не отдельных нейронов - может быть верно для мозга в целом и может затруднять распознавание окончания одного события и начала другого, предполагают авторы исследования.

Издание **Live Science** подтвердило обоснованность гипотезы учёных, но добавило, что необходимо также учитывать, что у каждого из нас есть две шкалы времени. Общество делит время линейно на часы, дни и годы, в то время как наша внутренняя шкала подчиняется логарифмическим законам. Например, год составляет 20% жизни пятилетнего ребёнка, но лишь 2% жизни пятидесятилетнего. Следовательно, восприятие времени зависит не только от количества нейронных "событий" в мозге, но и от внутреннего нелинейного способа измерения времени. Исследователи отметили, что пожилые люди всё ещё могут ощущать время субъективно

более полным.

"Изучение нового, путешествия и участие в новых занятиях могут помочь ощутить время более обширным в ретроспективе, - рассказала соавтор исследования Линда Герлигс, исследователь из Университета Радбауд в Нидерландах. - Но, возможно, даже более важными являются содержательные социальные взаимодействия и занятия, приносящие радость, которые также могут способствовать более полному ощущению времени".

СТИХИ

Уистен Хью ОДЕН{4}
Пилигрим

В округе нет окна, чтоб озарить ту спальню,

Где слышал легкий жар, как день весь день играл;

Где множились луга, но мельницы нет дальней,

В седле любви вертевшейся с утра.

Нет плачущих путей, сквозь пустоши ведущих

К дворцу, где погребен Святых Великих прах.

Мосты кричали: "Стой!", за плащ цеплялись кущи

Вокруг руин, где зло горело на кострах.

Но можно ли сейчас ему не вспоминать

Места, где их учили руки мыть и лжи,

{4} Комментарии: 4
Перевод с английского: Александр Ситницкий

И как он истину хотел взвалить на плечи,

Ту, что за вздохами его везде лежит.

Желая снова быть рассказанной и стать

Отцовским домом, материнской речью.

Город

В провинции, там, где прошло их детство,

Необходимость познавая, и в пути

Они учили, что им никуда не деться

От нужд, у всех одних, как ни крути.

Но в городе уже их различали,

На веру деревенскую плюя,

Необходимость там сродни печали -

У каждого, как ни крути, своя

Он, как и все, прижился без проблем,

Среди соблазнов многих выбирая

Один, чтоб, победив чурбана лень,

Учил его искусству быть никем.
Сидел он у фонтана, наблюдая,
Как входят юноши из деревень.

Башня

Архитектура эта не для всех.
Тогда страх и погнал на штурм небес,
И бог какой-то проявил к ним интерес,
Чтоб девственницу выбрать для утех.

Здесь спят миры триумфов, и в ночи
В абстрактных домыслах Любовь горит.
И Воля на свободе говорит
Таким стихом, что плачут палачи.

Уж лучше бы колодец сладить им,
Но их преследует водобоязнь. Сейчас
Кто видит все, становится незрим.

Но и волшебникам здесь нелегко самим -
Они, по климату нормальному томясь,

Прохожим шепчут: "Берегитесь нас".

Павел Амнуэль (род. 1944, Баку). Кандидат физматнаук. Автор романов «Люди Кода», «Тривселенная» и др., множества повестей, рассказов, научно-популярных статей и книг. С 1990 г. живет в Израиле. Лауреат премий «Аэлита», им. А. Беляева, им. И.Ефремова.

Леонид Ашкинази. Кандидат физматнаук, окончил Московский институт электроники и математики. Редактор в журнале «Химия и жизнь», преподаватель физики в школе FMSH.RU. Автор нескольких книг, а также статей в периодике.

Наталья Бахтина. Астроном во втором поколении, окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физ.-мат. наук. Переводчик с английского научно-популярных книг: «Вселенная Стивена Хокинга», «Черные дыры и молодые вселенные» и др. Автор научно-фантастического романа «У времени на краю».

Ольга Бэйс (род. 1951, Харьков). По профессии и призванию учитель. По первому образованию математик, по второму - филолог. Сейчас живет в Израиле. Любимый жанр — детектив.

Пауль Госсен. Живет в Германии, пишет стихи и рассказы на русском языке. Автор двух книг: «Мальчишник» (2009) и «Звездолеты, монстры и красивые девушки» (2013). Печатался в журналах,

а также в русскоязычных изданиях Германии, Франции, Канады и Израиля.

Шимон Давиденко (псевдоним), научный журналист.

Евгений Добрушин (род. 1968, Ленинград). Окончил физматшколу, работал на различных предприятиях, в 1990 году репатриировался в Израиль. Автор более ста рассказов, публиковался в израильской прессе и журнале «Техника — молодежи». Опубликовал две книги рассказов.

Елена Ермакова. Окончила Саратовский государственный университет и там же преподавала на кафедре английской филологии. В 2011 эмигрировала в США и получила специальность логопеда. Публикует рассказы в жанрах фэнтези и фантастики.

Вадим Касаткин. Родился в Ленинграде. Окончил медицинский институт в Санкт-Петербурге. Более 30 лет работает врачом-психотерапевтом и клиническим психологом. Есть ряд публикаций и брошюр по психотерапии и психологии. Писать фантастику стал недавно.

Мюррей Лейнстер (1896 — 1975). Американский писатель-фантаст, автор многочисленных романов и рассказов.

Наталия Новаш. Родилась в Минске, окончила

медицинский институт, а потом Литературный институт в Москве, работала научным редактором-корректором в журнале «Медицинские новости». Писала в жанре научной и социальной фантастики. Издано более десяти книг.

Уистен Хью Оден (1907 — 1973). Английский поэт, оказавший огромное влияние на литературу XX века. Эмигрировал в США в 1939 году. Автор стихотворных сборников «Стихи» (1930), «Гляди, незнакомец» (1936), «Иные времена» (1940) и др.

Ольга Сажина (род. 1977). Окончила Московский авиационный институт. Доктор физматнаук, ведущий научный сотрудник отдела релятивистской астрофизики ГАИШ МГУ, доцент кафедры «Небесная механика, астрометрия и гравиметрия», переводчик, художник-иллюстратор. Автор более 130 научных работ. Публиковалась в журналах.

Александр Ситницкий (род. 1948, Харьков). Поэт, переводчик и эссеист. По образованию физик. С 1988 года живет в США.

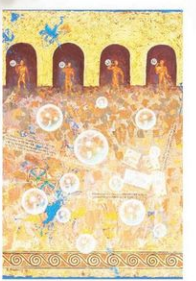
Дмитрий Стровский (род. 1962). Профессор, доктор политических наук, в России работал профессором факультета журналистики Уральского федерального университета. Автор большого числа научных работ об истории развития рос-

сийских СМИ на русском и английском языках. Репатриировался в Израиль в 2016 г. Читает лекции в Ариэльском университете, приглашенный профессор Высшей школы экономики (Прага) и Сычуаньского университета (Китай).

Дэн Шорин (род. 1977, Тульская обл.). Сейчас проживает в Алматы, Казахстан. Литературный дебют состоялся в 2004 г. (рассказ «А все-таки она вертится»). В 2011 г. в рассказе «Бхишма» (журнал «Сибирские огни») предсказал российско-украинскую войну. В 2012 г. опубликовал авторский сборник «Большой космос». Был номинирован на премии «Интерпресскон», «Бронзовая Улитка», «Портал», «Ясная поляна». В 2013 г. был удостоен «Ордена рыцарей фантастики» им. И. Халымбаджи

ISSN 22278826
53
2227 8826
ВЫПУСК 4 2025 (53)

рассказы - переводы - эссе - наука - стихи



Литературно-публицистический журнал

Млечный Путь, XXI век